

С. САХАРНОВ

АРНИ
КАМЕНЬ

3 р. 10 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

С. САХАРНОВ

АРНИ
КАМОНЬ

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

РИСУНКИ
И. СЕНЬКОВОЙ

МОСКВА
ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА "

"

1991

ББК 84Р7
С 22

С $\frac{4803010102-306}{M101(03)-91}$ 282—91
ISBN 5-08-002159-4

© С Сахарнов. Текст. 1991
© И. Сенькова. Иллюстрации. 1991

От автора

Говорят, для того, чтобы написать книгу, надо почувствовать: пора приступать к работе, настало время рассказать о том, что увидел, что удивило, что узнал.

Это верно. И первый раз я ощутил такую необходимость, когда мне было всего шестнадцать лет. Совсем ещё молодой матрос, а вернее, курсант морского училища, я тогда поднялся на мачту учебного судна — парусной шхуны. Место, где был расписан, — фор-марс, площадка на верху первой от носа мачты. По команде «паруса ставить!» подбежал к мачте, вскарабкался по веревочной лестнице и там, на пятнадцатиметровой высоте, стоя ногами на пертах-верёвках, подвешенных под реем, ломая ногти, сбивая пальцы, принялся распускать тугие морские узлы, чтобы освободить парус — серое крыло корабля. И ещё я увидел под собой неправдоподобно синюю, обжигающую глаза воду и жёлтую, сбежавшуюся до размеров узенькой дощечки палубу. Надо сказать, что в детстве я боялся высоты. Забраться на крышу дома было для меня ужасным испытанием. Но тут, когда прошёл страх, я захлебнулся — восторг! Отступил горизонт, из-за голубого окоёма выпрыгнула зубчатая полоска — мелкие острова, а вдалеке, подобно облаку, всплыла Большая земля. Да, да, и это было настоящим открытием! Спустившись вниз, я почувствовал неодолимую потребность поделиться с кем-нибудь радостью, рассказать, как это великолепно — стоять на огромной высоте, словно взлетая с ветрами, и видеть то, что сокрыто от глаз тех, кто остался внизу. Хотел поделиться с кем-нибудь, но вокруг все были заняты своими делами, всем было не до меня... Начались дни плавания, и понемногу я стал понимать: именно такие мгновения бывают у каждого путешествующего — от испанского моряка Колумба до советского космонавта, но тут уж самое главное — насколько увиденное важно остальным людям, сумеет или нет человек поделиться удивлением, знаниями, радостью.

Шли годы. Судьба сложилась так, что мне довелось побывать во многих странах. Жизнь на планете быстро меняется. И, наконец, есть надежда, что наступит время всеобщего понимания. Земля суть тот же корабль, та же шхуна с раздутыми парусами, а мы все — матросы, волей или неволей призванные жить на ней, лазать по одним и тем же мачтам, ходить по одной и той же палубе. И даже в случае беды — беда у нас будет одна, общая.

Но шхуна — кораблик маленький, матросов на ней — раз-два и обчёлся, все друг друга знают. Иное дело — народы и страны. И если кто-то может рассказать о том, как живут люди на других материках, что они думают, как поступают в трудные или радостные минуты, какие сказки слушают в детстве и проносят их через всю жизнь, то такой человек должен поделиться с другими тем, что увидел и услышал.

Так стала собираться эта книга. В ней рассказы о людях, которых я встречал на берегах туманных Командорских островов, на дорогах Африки и Индии. Ну, а поскольку я всю жизнь интересовался природой, то в ней много страниц, посвящённых животным — от русского медведя до кубинского, живущего в тёплом болоте, крокодила. Природу надо знать. Только из знания и любви рождается щмящее чувство родины. На голых камнях ничего не растёт...

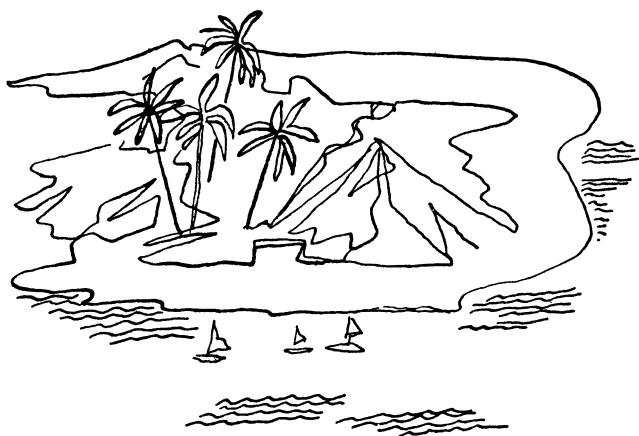
А вот о том, каким случайным и необычным образом я начал собирать по всему миру сказки, расскажу потом, когда черёд дойдёт и до них.

Самое главное я объяснил. Книга написана для того, чтобы лучше понять: наша Земля один большой корабль, один большой дом.

РАССКАЗЫ

АРНИ КАМОНЬ

СНИМАТЬ СО СКАЛЫ

На причале суетились матросы.

— Идёмте с нами! — крикнул старшина.

— Куда?

На катере тарахтел движок.

— Человека со скалы снимать.

Я сразу представил себе: кораблекрушение, один пассажир спасся, доплыл до скалы и теперь сидит там...

Раздумывать нечего!

Скоро я стоял, закутанный в плащ, на корме катера и смотрел, как уходит назад засыпанный углем и цементной пылью причал.

Катер описал по бухте полукруг, прибавил оборотов и побежал по свинцовой океанской воде наиско-

сок от берега, туда, где на самом горизонте смутно чернел зубчик — скала Арий камень.

Арами алеуты называют морских птиц — кайр.

Катер шёл ходко, взбираясь с одной волны на другую. Берег, низкий, с заснеженными сопками, понемногу двигался, голубел, валился за корму.

Появились киты. Они неторопливо выдували вверх прозрачные белые фонтаны, неторопливо погружались и всплывали.

Стук мотора китам не понравился, и они ушли.

КАМЕННАЯ СТЕНА

Чёрный зубчик на горизонте поднимался, желтел и мало-помалу превратился в островок.

Когда мы подошли ближе, от него отделилась струя серого дыма. Она изогнулась, взмыла вверх и рассыпалась на тысячи белых и чёрных искр. Птичий гомон обрушился на катер. То, что я принял за струю дыма, было огромной стаей птиц.

Под их гвалт старшина повёл катер к берегу. Обрыв — метров сто. На узких каменных карнизах рядами тысячи птиц: белогрудые кайры, чёрные как смоль бакланы, серые чайки. Птицы сидели, прижимаясь к отвесной скале. Я сразу подумал: «Как это не падают в дождь и ветер с узких карнизов их яйца?»

Отгрохотав цепью, ушёл в воду якорь. Новый взрыв беспокойства на скале. Несколько самых отважных чаек бросились к нам, с криком повисли над катером, загребая изо всех сил крыльями воздух.

Людей на палубе мало, ружей нет. Чайки успокоились и унеслись прочь.

Но где же потерпевший кораблекрушение?

Два матроса спустили шлюпку, прыгнули в неё, наладили уключины. Следом прыгнул и я.

ЗЕЛЁНАЯ ПАЛАТКА

Ворочая тяжёлое весло, я посматривал через плечо на каменную стену и думал: «Как к ней подойти? Отвесная скала, у воды — острые, как собачьи зубы, раковины. Невозможно!..»

Но матросы ловко направили нос шлюпки в расщелину, он ткнулся туда, матрос выскочил на камень и отчаянно завопил:

— Конец!

Его товарищ швырнул свёрнутый в кольцо канат.

Вбив в трещину в скале обломок прихваченной с катера доски и привязав к ней шлюпку, мы отправились в путь по острову.

Сперва ползли на четвереньках, цепляясь руками за камни, потом выбрались на карниз, обогнули скалу. Карниз стал шире, появилась тропинка.

Наконец я увидел сорванный каблуком мох и отпечаток резинового сапога — след человека!

Мы вышли на другую сторону острова. Тут скала была не такая крутая, на ней — площадки, лужи, густая сочная трава.

И вдруг на одной из площадок я заметил грязное озерцо, а рядом с ним вылинявшую зелёную палатку.

От палатки к нам шла женщина. Она была в синем спортивном костюме и коротких резиновых сапогах. Копна чёрных волос развевалась по ветру.

— Долго же вы добирались! — крикнула она. — А я вас жду, жду.

Матросы кивнули ей как старой знакомой.

Женщина протянула мне руку.

— Эля Михтарьянц!

Никакого кораблекрушения.

«Вот так раз! — подумал я. — Она, как видно, жила тут и работала. Учёная».

Михтарьянц, и верно, оказалась учёным-орнитологом. На острове она прожила четыре месяца. Теперь настал срок уезжать.

Мы стали помогать ей собирать вещи.

Набежал дождь. Он посыпался из ясного неба мелкой водяной крупой и кончился так же неожиданно, как начался.

Когда постель и одежда были увязаны, Эля принялась складывать приборы и журналы с записями — их она не доверяла никому. А мы с матросами отправились бродить по острову.

С камня на камень, с камня на камень — камни мокрые, загаженные птицами, скользкие.

КАЙРЫ И БАКЛАНЫ

Вот и вершина острова, самая макушка скалы.

Здесь на крошечной, с ладонь шириной, площадке сидела кайра. Увидев меня, она по-змеиному зашипела, нехотя снялась и, распластав крылья, уплыла вниз, где лучилась и сверкала солнечными искрами вода.

На площадке осталось яйцо — зелёное в коричневую крапинку, один конец тупой, другой острый. Я положил его на наклонный камень, яйцо не покатилося, а покачалось, повернулось тупым концом вниз и замерло.

Яйцо-неваляшка, яйцо — ванька-встанька! Так вот почему не падают вниз с обрыва ни в дождь, ни в ветер арьи яйца!

Постояв на вершине, я начал спуск. С камня на камень, как по лестнице.

Справа и слева из-под камней, поблёскивая белыми грудками, шипят кайры. Тоже сторожат яйца.

Лез, лез, снова попал на край обрыва. Снова под ногами море. Сбоку — на фоне воды — две чёрных змеи. Поднялись на хвосты, вертятся, раскачиваются, пугают.

Никакие это не змеи. Два баклана устроили на выступе скалы себе дом. Сидят бок о бок, оба, как сажа, чёрные, вокруг глаз — оранжевые ободки. Ворчат, успокаивают друг друга: «Не посмеет тронуть, не посмеет, уйдёт!»

И верно — уйду. Можете не волноваться!

Я отполз в сторону, и тотчас один из бакланов метнулся вниз. словно чёрная стрела полетела с обрыва, вонзилась в воздух, прочертила прямую линию.

Развернулись крылья — баклан уже на воде. Качается чёрной лодочкой — сейчас начнёт ловить рыбу.

А подруга его осталась на камне. Косит на меня оранжевым глазом. Если присмотреться, под ней между лапами — яйцо. «Когда ты уйдёшь?»

Ушёл я, ушёл. Дальше пополз. Вниз.

Скатился со скалы, а там — Михтарьянц.

— Идёмте,— говорит,— я вам сейчас топориков покажу.

ТОПОРИКИ

Здесь, внизу, где каменные уступы пошире, травы побольше, и гнездятся топорики.

Сели мы с Элей в траву, стали наблюдать.

Ара — взрослому человеку по колено. Топорик меньше раза в два. Сам бурый, на голове — два лимонных хохолка. Нос красный, лопаточкой. Лапки тоже красные.

Гнёзд топорик не вьёт, на карнизах, как бакланы, не сидит — роет норы. Вот один старается: тюк, тюк красной лопаточкой. Носом долбит землю, лапками из-под себя выбрасывает.

Взлетает топорик так: часто-часто замашет короткими крыльями, толкнётся — и пошёл. Пока набирает скорость, лапки опущены, пальцы перепончатые растопырены, точь-в-точь самолёт на взлёте. Но вот набрана скорость, и топорик лапки подобрал, к пузечку прижал, стрижёт воздух крыльями. Только свист идёт!

И садится топорик, как самолёт. Подлетел, выпустил лапки, затормозил крыльями — фrrrr! — и приземлился около своего дома.

Мы с Михтарьянц идём, стараясь не шуметь, мимо россыпи валунов, мимо нор, пробитых в зелёной траве. Смотрят на нас умные птицы, поворачивают вслед пёстрые хохлатые головы.

— Наш северный попугай! — сказала про топорика Эля.

У неё для всякой птицы здесь — прозвище, про всякую — сто историй. Недаром она на острове — то одна, то с товарищами — уже второе лето.

«ОНИ БЕССТРАШНЫЕ!»

Родилась Эля далеко от Командорских островов — в Армении.

Раскалённые красные камни, синие горы, маленькое селение посреди сухой, безводной долины. Воду девочка видела всегда помалу: в ладошках — когда умывалась, в кружке — когда пила, на дне колодца — когда отец открывал крышку, чтобы опустить ведро.

Выросла, окончила институт, попала во Владивосток. А тут — море! Вода до самого горизонта. Поражённая, решила: тут и останусь.

Как все горянки, была она молчалива и не боялась одиночества. Поэтому, когда ей предложили поехать на остров изучать птиц, сказала:

— Ладно! — и очутилась на Арьем камне.

При сборах опытные люди советовали:

— Сапоги обязательно возьмите резиновые — в них нога не скользит. И конечно, примус: деревьев на острове нет, костерок не разведёшь. Одеяло по-теплее, свитер — даром что лето, может и снег пойти...

— Это в июне-то?

— В июне.

Самой страшной была первая ночь. Катер, который привёз её, ушёл. Набежали тучи, солнце село — темнота! Ни зги. Висит где-то между чёрной водой и чёрным небом крошечная палатка, в ней на железной койке маленькая женщина.

Где-то внизу ворочается океан. Ветерок шевелит траву, а женщине кажется: кто-то подкрадывается. Идёт кто-то по скале, всё ближе, ближе... Камень упал. Крикнула морская птица...

Достала Эля из ящика примус, чиркнула спичку — разожгла. Вспыхнул над примусом голубой огонёк, зажурчал. Набрал силу, стал жёлтым, красным, по палатке побежало, заструилось тепло. Шумит примус! Будто появился собеседник: торопится что-то рассказать, шумит захлёб, а Эля сидит, слушает его и кивает...

Потом привыкла. И к темноте, и к ветру. Бывает, задуёт он — белой пеной покроется океан. Волны — с размаху — о камень. Гудит скала!.. Посыплет дождь — тонкой водяной плёнкой покроет скалы, траву, тропинки.

И только птицы, верные соседи, по-прежнему галдят, хлопочут.

— Я их тогда и полюбила, — говорит Михтарьянц. — Они бесстрашные! Хотите, расскажу, как они ведут себя в ненастье?

На островок обрушивается шторм, а колония не прерывает дел. Во время самых диких ветров можно видеть в воздухе птиц. Только когда сидят, они поворачиваются носами к ветру да потеснее прижимаются к скале...

И ещё рассказала Михтарьянц: когда на Арий

камень первый раз упал туман, она тоже оробела.

Было безветрие. Туман напoлз с океана плотной стеной. Стало трудно дышать. На лице, на плечах — мелкие водяные капли. Всё — как в молоке, вытянешь руку — не видно пальцев.

— Туман застал меня на берегу озера. До палатки — шагов десять, а не дойти. Вдруг упадёшь со скалы? Или подвернёшь ногу... Села я на камень и стала ждать. В тумане, вы знаете, слышен даже самый слабый звук. И вдруг отовсюду понеслись крики, зашуршали крылья. Это взлетали и садились ары, бакланы, ссорились чайки, свистели крыльями топорики. Представляете: в такой туман не выпускают самолёты, бывает, становятся на якорь корабли, а птицы летают!

Молодцы!

Я заметил, как по-особенному научилась здесь Эля ходить. Тихо. Движения плавные, как в замедленном кино. Птицы её не пугаются. Идёт она прямо на чайку, та взмахнёт крылом, отскочит на шаг и продолжает свои дела — рвёт что-то на кусочки, ворчит.

— Будто собака! — сказала Михтарьянц про одну злую чайку.

Мы ходили по острову, и Эля рассказывала про птиц.

ИЗ РАССКАЗОВ МИХТАРЬЯНЦ

На Арий камень птицы прилетают весной. Надо снести яйца, вывести птенцов, поставить их на крыло, спустить на воду. Всё это у каждой птицы по-своему.

У чайки-моёвки птенец появляется на свет слабым, первую неделю лежит в гнезде и только к концу шестой недели крепнет, поднимается на ножки, пробует выходить на край обрыва. Станет здесь, развер-

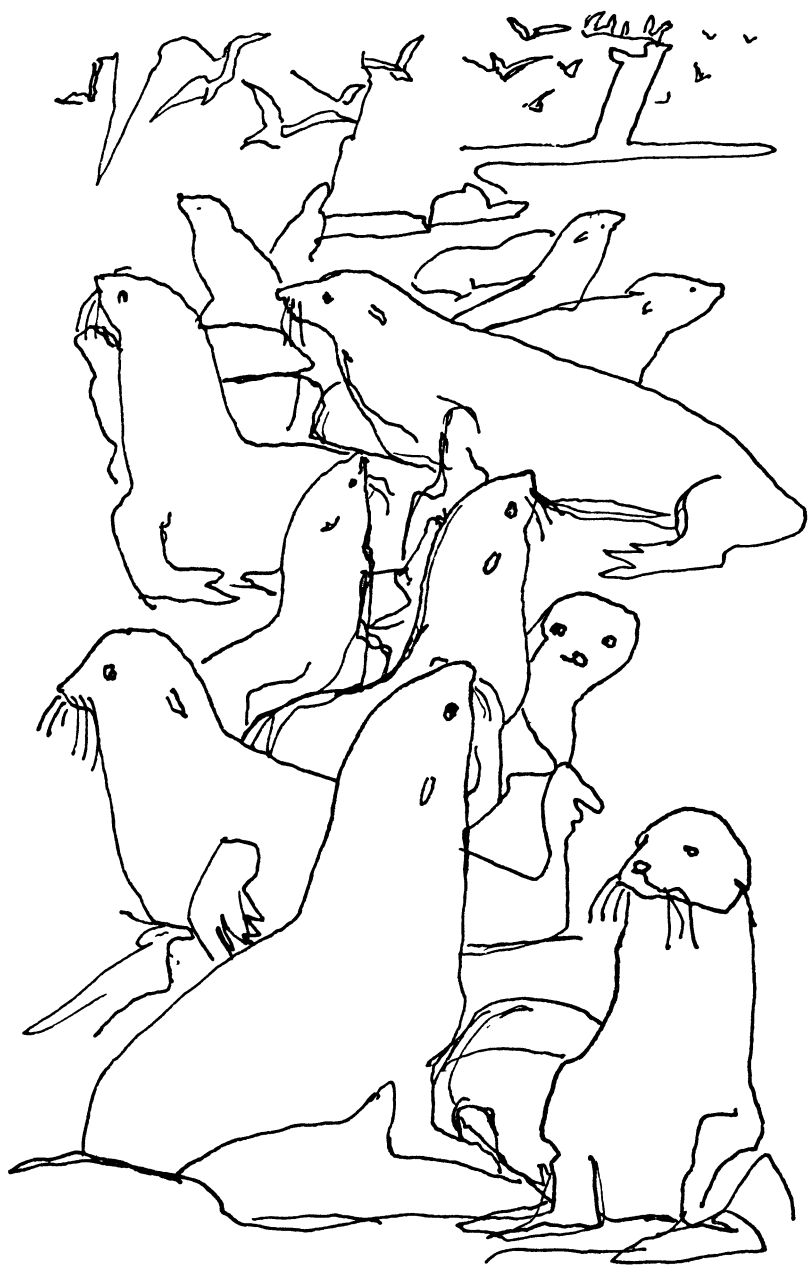

нёт крылья, с опаской посмотрит вниз — страшно! А справа и слева такие же, как он, — серые, голенастые, бедовые. Кричат, подбадривают. Вьются над ними с криками отцы, мамы. Но вот настает час — словно что-то толкнуло его, кувыркнулся птенец с обрыва, отчаянно замахал крыльями. Принял его воздух, поддержал. Описал смельчак петлю и снова вернулся к гнезду. А за ним — как купальщики холодной осенью, зажмурив глаза, в ледяную воду — братья, сестры, соседи по скале — прыг, прыг!

Эти первые полёты продолжаются примерно месяц. Держится теперь молодёжь выводком. Постепенно смелее — всё позднее возвращаются молодые на скалу. Всё дальше и дальше их полёты. Значит, скоро на юг!..

У маленького топорика детство совсем не такое. Первые дни проводит малыш не под открытым небом, как чайка, а в глубине норы, на подстилке из сухой травы и перьев. Подрастёт — всё чаще начнёт выбираться на свет, расхаживать у входа в нору. И вот, подбадриваемый родителями, устремляется пешком через гальку, через обломки камней — к воде! Добежал до неё, упал, заработал лапками — поплыл. Прочь от берега! Больше не вернётся сюда в этом году маленькая красноносая птица. Уплывёт в открытое море. Будет там расти, откармливаться, взростеть среди кочующих рыбьих стай и холодных свинцовых волн.

Такое же детство и у птенца кайры. Этот, правда, растёт на свету, на ветру, быстро оперяется, набирается сил. Но тоже придёт день — станет малыш на краю обрыва. А под ногами-то пропасть! Еле видны мелкие, как чешуйки, волны. И вдруг — замерло сердце, отчаянно затрепетали крылья. Вытянул вперёд шею, растопырил ноги — полетел! Вниз, вниз. По пути задел скалу, отскочил от неё, как мячик. Всё ниже и ниже. Держат крылышки, как парашюты, работают перепончатые лапки. Вот и вода. Уф!

Заработал ножками — поплыл! Как и топорик, прочь от берега. А неподалёку уже отец и мать. Радуются, торопятся плыть следом. Им всем троим долго жить в море...

И уж совсем удивительно прощаются с берегом птенцы кайры на острове Тюленьем — ещё на одном острове, где побывала Михтарьянц.

Тюлений — небольшая плоская скала. У подножия её — котиковый пляж, на ровной, как стол, вершине — тысячи птиц. Отсюда совершают они полёты в море, чтобы накормить горластых большеротых птенцов.

Но вот птенцы подросли. В жизни колонии наступает великий день. Небывалое волнение охватывает и без того шумный птичий базар. Тысячные толпы кайр совершают не осмысленные на первый взгляд перемещения: они то сбиваются в стаи, то рассыпаются вновь. Но постепенно вся эта чёрно-белая масса сдвигается в сторону моря. И тогда происходит самое важное: какой-то сигнал, общее по наитию решение, случайный шаг вперёд одной птицы — и птичья толпа упорядочивается. Взрослые птицы спускаются со скалы и выстраиваются шеренгами, образуя проходы между котиками. И никогда не издававшие воды птенцы ручейками устремляются к морю. Они скатываются с обрыва и бегут по этим коридорам между коричневых рыкающих зверей, пока не достигнут камней, покрытых пеной. Бегут, бросаются в волны, а огромные звери, шумно дыша и вытягивая шеи, удивлённо смотрят им вслед.

КРАБЫ

На острове были ещё жильцы: кроме птиц, его населяли крабы. Мелкие, плоские, с паучьими ножками и острыми клешонками, они сновали у самой воды или сидели на камнях и аккуратно состригали с них жёлтые нитевидные водоросли.

Я спустился к самой воде, примостился на обломке скалы.

Сидит краб, перебирает клешонками, отправляет в рот ниточку за ниточкой. Клешнями ест, а глаза-бусинки смотрят вверх. Мелькнула над скалой светлая тень, зашелестели крылья — краб боком-боком к самому краю камня. Присел на краю, посмотрел ещё раз вверх и в воду — шлёп!

Я не уйду, продолжаю наблюдать. Справа и слева от меня на облитых водой, солёных, поросших водорослями скалах — тысячи крабов. Расселось, расположилось тонконогое, закованное в панцири воинство. Блестят тёмными спинками, размахивают клешнями. Вдруг, как по команде, бросили еду, двинулись к воде. Я уже знаю, в чём дело. В небе — чайки.

Но вот чайки улетели, и крабы полезли из воды. Выскочит крабишка, встряхнётся, замрёт.

«Почему они так проворно из моря выскакивают?» — подумал я.

Осторожно (как бы не сорваться!) сполз к самой воде. Видно хорошо, до самого дна. Впрочем, какое тут дно — уступ скалы. На уступе — глаза. Смотрят на меня квадратные зрачки — не мигают. Вокруг глаз голубоватое облачко колышется, снуют белые колечки-присоски.

«Да это, никак, сам осьминожек к нам в гости пожаловал!» — догадался я.

В стороне от него из расселины ещё пара глаз смотрит.

Краб для осьминога — главная добыча. Вот отчего так странно ведут себя крабы. Не сладкая у них жизнь: только от чайки в воду спрятался, надо на берег от осьминожка бежать!

Над скалой всегда дикий гвалт: кричат во всё горло птенцы, торопят родителей маленькие кайры, бакланы, топорики, напоминают о себе, зовут, упрашивают. Все хотят есть.

Мечется взад-вперёд от скалы к скале легион чёрных, белых, коричневых птиц. Каждая пара кормит детей.

Но охотятся птицы каждая по-своему.

Чайка ловит добычу на лету. Нырять она не любит. Высмотрит у самой поверхности рыбёшку, пронесётся над ней, клювом, как крючком, подхватит — цоп! — и готово.

Кайра — та может нырнуть. Но долго под водой не сидит. Догоняя рыбу, гребёт чаще одними лапами. Схватила добычу — и тоже навверх.

Совсем другое дело — топорик. Этот под волной чувствует себя как дома. Плоский нос вперёд вытянул, лапами и крыльями как заработал... Мчится стрелой, никакой рыбине не уйти!

У огромной олуши и у маленькой вилохвостой крачки — своя манера охотиться. Эти пикируют, входят в воду, падая, как камни. Поднимется олуша метров на тридцать, крылья сложит — и вниз. Берегись! Бывали случаи, находили в воде: олуша — сама мертва и на шее — пробитый клювом баклан или топорик. Это она его невзначай, как копьём, пронзила...

— Но самый ловкий подводный пловец, — утверждает Эля, — баклан. Этот, когда плывёт, и лапами гребёт, и всем телом, как бобр или выдра, извивается. Баклану нырнуть на десять метров ничего не стоит. Несколько минут пробыть под водой — для него пустяк... И ещё о чайках, — говорит Михтарьянц. — Не удивляйтесь — самые странные и самые ленивые птицы. Недаром их морскими воронами да побирушками называют. Никакой падалью не брезгают. Видели, что делается у рыбоконсервных

заводов? Их там туча! Крик, гвалт, из-за каждого кусочка драка. Чайкам что чешуя, что кусочек кожи, что кишки — всё равно. Недаром теперь многие чайки переселились в города. Я их называю помоечными чайками.

— Ну, за что вы их так! — говорю я. — Чайка — птица красивая, не глупая.

— Умная, — соглашается Эля. — Не видели, как она с морскими ежами расправляется? Ёж колючий, в известковой броне. Чайка заметит одного — скажем, в море отлив и он в луже, обсох, — на лету клювом за колючку подцепит — и вверх. Поднимется, пролетая над берегом, разожмёт клюв, ёж с высоты об камень — бряк! Иглы вдребезги. А чайка уже тут как тут. Села рядом, лапой перевернула и давай клевать.

Умная птица, но злая и хищная!

ЧАЙКА

Надо мной с диким криком парила серая чайка. Она то взмывала вверх, то пикировала, едва не ударяя крыльями. С ней то и дело случалась «медвежья болезнь» — все плечи и спина у меня были забрызганы белой зловонной жидкостью. От такого крика мог переполошиться весь птичий базар. Но птицы не обращали на неё никакого внимания.

В чём дело?

Я сделал шаг — и из-под ноги с хриплым писком вывалился огромный, с курицу, птенец. Он был серый, покрыт пухом, не умел летать, скользил по камням, проваливался и истошно орал.

Так вот отчего беспокоилась чайка — это была его мать! И вот почему не обращали на нас внимания остальные птицы — разберётесь, мол, сами!

Вещи Михтарьянц мы перенесли к шлюпке. Только не сумели снять палатку — она была намертво прикреплена к стальным штырям, вбитым в камень. Такую не сорвёт даже зимний шторм!

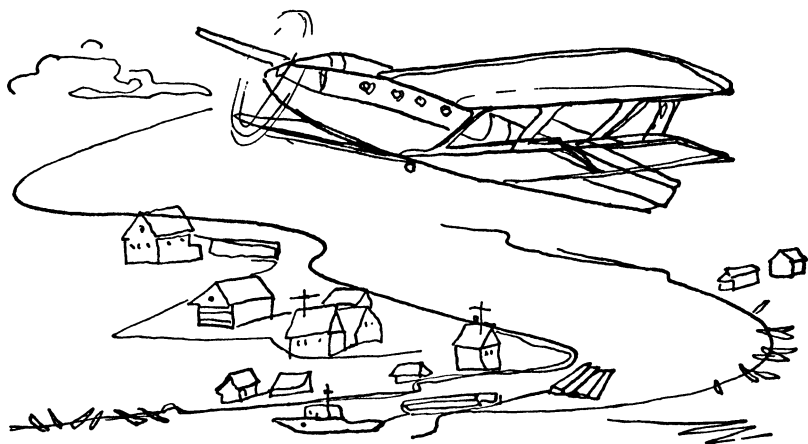
Мы волокли, переставляли с камня на камень ящики, пустые баки из-под воды, спустили тюк, перебросали из рук в руки разную мелочь. И вдруг со звоном упал и покатился примус. Эля за ним — да куда там! С камня на камень — и в океан. Бульк!

Мы уложили всё в шлюпку, отвязали конец и, торопливо гребя, отошли от берега.

— Жаль мне его, — сказала вдруг Михтарьянц (я понял, что это она про примус). — В городах мы отвыкли от него. Газ да электричество. А ведь он был у меня как товарищ. Разговорчивый такой!

Я представил себе: май, по океану носит сахарные ломкие льдины. То и дело находит туман. А в крошечной палатке около тёплого подрагивающего примуса — женщина. Одна на скале посредине океана. Сидит и слушает, как шум огня мешается с криком улетающих в туман ар.

КАТЯ СЕВЕРНАЯ

Самолёт, в котором мы летели, гремел, свистел и больше всего напоминал летающую консервную банку. Он круто взмыл, сделал поворот и, оставляя позади реку Мезень с её плотами, синим устьевым разливом и россыпью деревянных домов по берегам, лёг курсом на север.

Полярный круг, невидимая и не обозначенная на земле линия... Внизу двигались, уходя из-под крыла, зелёные и ржавые пятна — тундра.

Была посадка. Едва открыли дверь, как рой зеленоглазых алчных слепней бросился в кабину.

Пилоты торопились. Они не стали выходить из машины. Несколько пассажиров покинули самолёт, кто-то сел. Дверь снова захлопнули. Отбиваясь от слепней и хватаясь друг за друга, чтобы не упасть — самолёт долго бежал по кочкам, — мы пережили взлёт. В кабину со свистом ворвался ветер, слепней отнесло и прижало к задней стенке.

Рыжая тундра и коричневые торфяные речки справа, слева — блестящее на солнце Белое море. Час

полёта, и мы у цели — самолёт уже катится по гладкому песку. Над горбатой оранжевой дюной висит полосатый маяк, а от него бегут к нам навстречу почерневшие от осенних и зимних непогод бревенчатые дома.

Я брёл по посёлку, с трудом вытаскивая из песка ноги. Жёлтая дюна наступала на посёлок.

Там, где приземлился самолёт, песок лежал тонким слоем. Самолётные шины едва отпечатались на нём.

У первых домов песок закрывал нижние венцы. В середине посёлка он уже доходил до окон.

Я прошёл улицей, вскарабкался на вершину песчаного холма и от удивления присвистнул. Разбитые фарфоровые ролики висели ниже моих коленей. Рядом торчала из песка печная труба. Дюна поглотила дом.

Перевалил холм, и всё пошло в обратном порядке: показались верхушки телеграфных столбов, вылезли концы печных труб, остатки крыш. Стены, занесённые до половины. До четверти. Обнажённые, стоявшие на земле развалины домов. Отсюда дюна уже ушла.

Песок стал твёрже, темнее. Близко вода.

Я вышел на берег моря.

Здесь в посёлке надо ждать пароход, который повезёт меня дальше на север, туда, где кочуют по тундре олени стада и где живут охотники за морским зверем.

А как жильё? Ночлег? Вернувшись в посёлок, постучал в первый попавшийся дом. Послышался скрип внутренней двери, звякнуло — откинули крючок, — на пороге показалась девчонка, рыжая, худенькая, на лице и на руках жёлтые веснушки.

— Мама, пришёл кто-то!

Появилась крупная темноволосая красивая женщина, на дочь удивительно не похожая, выслушав меня, вздохнула.

— Пожить надо?.. А что? Изба у нас — развальяха, да комнат много — три. Отчего не пустить. Заходите, мы только что чай пить сели.

Я занёс рюкзак и чемоданчик в дом, и скоро мы втроём уже сидели в горнице.

Квадратный, покрытый узорчатой, с петухами, скатертью стол, пузатые расписные чашки. Стены увешаны рамочками, висели в них коричневые фотографии, грамоты, полученные хозяйкой, памятные подарки, рукоделия.

И вдруг моё внимание обратила на себя тарелка в глубине буфета.

Удивительный синий рисунок раскинулся по фаянсовому кругу: остроконечные черепичные крыши поднимались над кирпичным средневековым городом. Тут же стояли, уронив паруса, усталые корабли, а полные, добродушные люди с трубками во рту сидели за вынесенными на улицу, уставленными пивными кружками столами.

— Что это за тарелка? — спросил я.

Мне ответила Катя:

— Что — не знаю, а для чего — скажу. Для красоты.

— Да нет, я хотел спросить: откуда она?

— Материна. А у матери от бабки. Наш дед, сказывали, привёз.

— Купил, что ли?

Вернулась мать — она выходила за чайником на кухню. Объяснила:

— Такой посуды ни у кого теперь не осталось. Её наши от норвегов привозили.

Я постучал ногтем по краю тарелки. Звук тупой: тарелке не меньше ста лет. Я бережно поставил её на место.

— Норвеги-то и сами к нам бегали. Их даже мама помнит. Правда? — сказала Катя. — Революция уже

была, а они всё к нам за зверем ходили. Изба у них здесь стояла... Потом, как границу установили, они и перестали бывать.

— Пароход у нас без расписания ходит, — меняя тему разговора, сказала мать. — Потомитесь. С недельку проживёте. Уж это точно...

И я стал жить.

Ночи в посёлке не было. Солнце проходило север, не касаясь горизонта. Оно плыло над морем, равнодушно освещая далёкие оранжевые берега, жёлтую дюну, чёрные бревенчатые стены домов, лагуну с поставленными в ней на якорь карбáсами и дóри.

На некоторых дори — больших мореходных моторных лодках — горели иллюминаторы. Лучи солнца попадали в них, и тогда на судёнышках словно бы загорался пожар. Фиолетовая стывшая вода. В воздухе — тишина. Слышно, как поскрипывают якорные канаты. Огоньки на дори загорались и гасли, будто кто-то переносил их с судна на судно. Солнце неторопливо катилось над северным гористым берегом, уходя всё дальше на восток.

Тянуло дымком — кто-то поторопился распалить печь. Кому-то показалось, что день уже начался.

Мы с Катей бродили по посёлку. Странное зрелище представлял он!

Со стороны моря на посёлок наступала дюна. Отступая, дома уходили в тундру. Добротные, рубленые, в два этажа, во многих окнах нет занавесок, на стёклах — пыль. Я подошёл, ухватился за наличник, приподнялся на цыпочки, заглянул внутрь. Комната пуста, облупленная штукатурка на пыльном полу. Мёртвый дом...

Около большого пирса стояла и поскрипывала канатом баржа. Десятка два лёгоньких карбасов в лагуне на якорях. И всё... Зато по берегу, начиная от пирса, в глубину лагуны — полузарытые в песок, на боку или перевёрнутые вверх днищем, с проломлен-

ными палубами и бортами сейнера. Целый флот. Тут же его мёртвое береговое хозяйство: покосившиеся, с продавленными крышами, пустые сараи, пустые козлы для сушки сетей... Всё заброшено, оставлено. Гниль, тлен...

— Давно лежат? — спросил я Катю.

— Эти-то? Семь лет. Рыбкомбинат тут был. Вон какой флот большой. А потом шторм случился. Страшной силы. Такого старики и не упомнят — всё на берег вынесло. Комбинат тогда у нас и закрыли...

— Зачем же закрывать его было?

— Так сейнеров-то не стало.

— Новые могли дать.

— А что ловить? Рыба у берегов перевелась. Раньше, говорят, чуть отскочил в море — и бери её. А потом она в океан ушла.

Над нами возвышался пробитый, весь в дырах, борт судна. Ржавая цепь выпала из клюза. В одном месте в борту было аккуратно выпилено квадратное отверстие. Через него достали когда-то ненужный мотор.

Я понял, как погиб посёлок. Ушла рыба, ловить её небольшими судами стало невозможно, а ту, что осталась в малых количествах, невыгодно. И когда гремел тот страшный шторм, рыбокомбинат, для которого был построен посёлок, закрыли.

Значит, и у поселений и городов своя судьба. Они знают рождение, юность, уверенную в себе зрелость и, увы, старость. На Аляске, говорят, стоит город Ном. В годы «золотой лихорадки» в нём жило сорок тысяч жителей. По шумным улицам скакали собачьи упряжки. По вечерам в ресторанах и игорных домах гремела музыка. Пышные траурные процессии провозжали на кладбище удачливых золотоискателей, которым не до конца повезло в жизни. Но золото кончилось. Люди уехали. Теперь в этом городе живёт всего две тысячи человек. Можно пройти много улиц и не увидеть дымка над трубой — покосившиеся дома с заколоченными окнами и дверьми. Город мёртв.

— Вы с мамой давно здесь живёте? — спросил я Катю.

— Мама из Лампожни, деревня такая на Мезени есть. Её те, кто любит, Лампочкой называют. Отец там лесником был. И я там родилась. А потом отец ночью стал через реку в карбасе переезжать и утонул. Мама сказала: «Без него тут жить не могу» — и уехала. Наша фамилия ведь как? Северные. Так вот мама дальше на север и подалась. Школа тут хорошая, мама завхозом работает. Зимой мы вместе с ненцами учимся, для них наша школа зимой — интернат. Сейчас они у родителей в тундре... Хотите, я вам свой секрет покажу?

- Настоящий секрет?
- Настоящий.
- Ну, покажи.

Мы вышли из посёлка, перелезли через дюну и побрели берегом моря. По пути, у самого края дюны, попалась изба. Когда проходили мимо, раздался лай, звяканье цепей. Из кривобокого дощатого сарая, гремя железом, вывалилась и остановилась, заметалась задержанная цепями свора собак. Я сделал шаг навстречу.

— Осторожнее! — испуганно крикнула Катя. — Они такие. В прошлом году две в тундру убежали. У ненцев оленя отбили, давай гнать. Выгнали к морю. Олень с обрыва вниз — и разбился. Ненцы пришли в посёлок с председателем колхоза штраф выписывать, так и их чуть не порвали.

— Да что это за собаки такие?

— Ездовые.

— А порода?

— Каторжная.

Собаки громадные, каждая с телка́, разномастные, с тяжёлыми тупыми мордами, обгрызенными ушами и тяжёлым, исподлобья, взглядом. Точно — каторжные...

От избы мы спустились к морю, на лайду.

Отлив. В мелких стеклянных лужах шевелятся кудрявые рыжие водоросли. Белой сыпью сидят на камнях рачки-балянусы. Они сидят в известковых домиках, приоткрыв дверки и шевеля усами. Между камнями бродят прозрачные крабы.

И вдруг на склоне опускающегося к морю холма я увидел тёмный прямоугольник скрытого дёрна.

— Вот,— сказала Катя.— Пришли. Тут, мама говорит, они и жили.

Кто — они?

Здесь когда-то была изба. От избы остались одни нижние венцы. Между ними — размытая дождями, осевшая рыжая глина.

Я перелез через трухлявое бревно и, присев на корточки, поднял комок. Он рассыпался, что-то укололо ладонь. На землю упал маленький плоский камешек с острыми краями.

Вытащил из кармана платок, протёр его. В тусклом свете пасмурного августовского дня на ладони вспыхнул и засиял кусочек южного неба. В руках — осколок голубой фаянсовой тарелки.

Так вот к какой избе привела меня Катя! Изба норвегов.

Я нашёл щепку и начал ковыряться в земле, но больше ничего не нашёл.

Обошёл венцы. В траве угадывалась старая тропа. Она начиналась у стены и сбегала вниз, к морю. Это по ней бежали по тревоге к судам молчаливые норвежцы. Бежали и оглядывались на сопку. А оттуда, вытягивая руку, показывал им направление дозорный — на берег вышли моржи!

Зверя били на берегу — били, отесняя от воды. Начинали с крайних, только что вышедших из моря.

Когда мы шли назад, Катя сказала:

— У нас все девчонки и мальчишки говорят: кончим школу — уедем. Учиться или работать, только бы отсюда. А я не смогу: маму жаль, да и привыкла. Тут всё такое своё... В магазин меня ученицей обещали взять. Знаете, чего там у нас больше всего? Холодильников. Двадцать штук. По ошибке завезли. Нам тут холода и своего хватает. Зима семь месяцев. А всё равно останусь...

Находка в норвежской избе не давала покоя, и я уговорил Катю поискать около дома. Мы взяли лопату, отошли за угол, чтобы никто нас не видел, и стали копать.

Копнули — наткнулись на клочок газеты. Названия не видно, а число есть — прошлогодняя.

Ещё копнули — выскочил ржавый патрон. Да не охотничий, а от боевой винтовки. А что? Во время

войны на том берегу, за морем, был фронт. Наши боялись десанта. Ходили патрулями бойцы, лежали у пулемётных гнёзд.

А ну, что там ещё, глубже?

А глубже — монета. Царская, с гербом. Зелёная монета тысяча восемьсот непонятно какого года. Тоже всё ясно: промышляли поморы, приезжали за пушниной, торговали с ненцами в тундре купцы.

А ещё глубже?

Зола. Черепки битые. Камень. Дальше лопата не пошла. Тонкая тут земля, видно, мало успели её нанести ветры, набросать люди.

Чья зола? Чьи черепки? Кто разбил красной глины грубо сработанный горшок? Что хранили в нём?

Может, приходили сюда триста — двести лет тому назад, задолго до норвегов, устюжане, архангелогородцы? Держали здесь избу, тоже промышляли морского зверя, ловили песцов.

А может, заглядывали мангазейцы? Жители самого северного в мире и самого удивительного, далеко за Полярным кругом поставленного города? Вёз купец в горшке масло, не уберёт сосуд — вот и черепок.

Нет, вроде не должен был он оказаться тут. Шёл мангазейский морской ход южнее: по волокам, через тундровые озёра, в обход сурового Канина Носа. Но всё может быть!..

Мы с Катей не взяли ничего, всё положили на место и закопали — монету, патрон, черепки. Чего только не было на этом клочке холодной заполярной земли! Есть что любить, что искать, чему радоваться.

ДЕВОЧКА И ДЕЛЬФИН

Это рассказ о жизни дельфина.

Всё началось прекрасным летним днём — потому что всякое рождение прекрасно, а дельфинёнок появился на свет именно летом, в полдень.

Мать подтолкнула его носом — малыш всплыл и очутился в верхнем, самом тёплом слое воды. Как только его голова показалась на поверхности, он судорожно глотнул воздуха, и в тот же миг с глаз его упала пелена, застилавшая мир, плавники обрели упругость, и он издал робкий свист. Хвост его шевельнулся, тельце выгнулось, он ударил хвостом воду и почувствовал, как прохладные струи легко и щеотно текут вдоль боков.

Его мать — дельфиниха Русалка — плыла рядом и смотрела, как борется с водой сын. Вода выталкивала дельфинёнка, новорождённый попытался сделать

вдох — накрыла его с головой. Кончилось тем, что волна перевернула его.

— Не торопись, Малыш! — сказала мать.

Так дельфинёнок узнал своё имя.

В первый же день он понял, что плавать — это большое умение. Он узнал, что, если пристроиться чуть выше матери и чуть позади её спинного плавника, вода сама потащит тебя вперёд. Это удивительно: мать несётся, пронзая добрым голубым телом прозрачные глыбы воды, а ты, едва изменяя положение плавников, мчишься рядом, подобно пенному гребню, увлекаемому волной.

Но мать всё время помнила: Малыш должен учиться плавать сам. Проплыв немного, она останавливалась, и тогда дельфинёнок летел через голову, растопырив плавники и трепеща хвостом.

Вскоре после рождения сына Русалка с Малышом вернулась в стаю.

Они стали жить в ней, кочуя по морю и охотясь за серебристой кефалью и зеленоватой скумбрией.

Большой старый дельфин, по прозвищу Пятнистый, вёл стаю в её странствиях по миру. Мир для дельфинов — это вода, а над ней — небо. Всегда одинаковая упругая зеленоватая вода и переменчивое — то синее, заполненное белыми и лиловыми облаками, то свободное от них — небо. Когда небо было чистым, за стаяй тёплым блестящим глазом следило солнце, и Малышу в такие минуты хотелось радостно кувыркаться.

Мир был прост и понятен.

Впрочем, как-то, когда стая охотилась, путь ей пересекло странное сооружение. Оно шло по морю, мерно стуча, и по нему сновали какие-то двуногие существа.

— Это пароход, а на нём — смотри внимательно! — люди, — сказала Русалка и, хотя некоторые дельфины бросились навстречу судну, отвела Малыша в сторону.

Оттуда они следили, как мчатся, выпрыгивая из воды перед самым носом парохода, уверенные в своей ловкости дельфины и как беснуется за кормой парохода жёлтая пена.

В другой раз, выставив из воды голову, Малыш увидел на горизонте странные облака. Они были зелёными снизу, синими сверху. Самые высокие венчали белые шапки, и, сколько ни смотрел на них Малыш, эти облака не двигались.

— Почему они стоят на месте? — удивился он.

— Это горы. Там около них и живут люди, — объяснила мать.

В тот день она учила Малыша охотиться.

— Хорошая рыба всегда быстрая, — говорила она. — С ней зевать нельзя. Делай, как я! — И она, издав свист, бросилась вперёд.

Постепенно Малыш научился издавать такой же свист и так же покачивать головой, слушая, откуда придёт эхо. Вот он свистит. Справа, рассыпаясь, как льдинки, доносятся ответные свистки. Он мчится вдогонку, эхо всё чаще, и наконец из голубоватой дымки показываются удирающие кефали. Ещё усилие — и Малыш, первый раз в жизни, хватает зубами сверкающую рыбину.

В Чёрном море нет ни хищных акул, ни косаток.

— Остерегайся сетей! Люди ловят ими рыбу, — говорила мать. — Тонкая сеть прозрачная, она — беда.

И беда пришла.

Как-то дельфины, увлечённые погоней за косяком рыб, очутились около самого берега. Вожак пытался повернуть стаю назад, в море, но, привлечённые близостью добычи, молодые дельфины продолжали нести вперёд.

Пятнистый был опытный зверь. Его челюсти и морду покрывали белые шрамы — следы укусов и ран. Говорили, что когда-то не было в стае второго такого задиры и охотника. Но сегодня даже он был бессилен.

Стая плыла вдоль берега, и Малыш с удивлением разглядывал горные склоны, поросшие деревьями, и белые, как облака, дома, и людей, которые двигались между домами.

Он не заметил, как отделился от стаи. И неожиданно почувствовал, что нос его упёрся в какую-то преграду. Зелёные нити разделили воду перед глазами на ровные квадраты. Это была сеть. Нити не пускали вперёд. Он рванулся назад — сеть последовала за ним. Попробовал всплыть — никак.

Малыш испугался. Он никогда не задумывался над тем, как долго может обойтись без воздуха. Дельфинёнок издал резкий тревожный свист. Несколько пузырьков воздуха выскочило из дыхальца, он забился — сеть обернулась вокруг хвоста. Малыш пискнул, в лёгкие вошло что-то сверлящее, острое — он задыхался... И вдруг из лиловой мглы к нему приблизилось чёрно-белое чудовище, сеть начала опускаться. Малыш бросился наверх — в глаза ударило солнце. Он глотнул обжигающего воздуха и потерял сознание.

Очнулся он оттого, что кто-то осторожно подтачивал его снизу. Малыш открыл глаза и увидел Пятнистого. Огромный дельфин терпеливо ждал.

Дальше они поплыли вместе.

Уже издали, приближаясь к стае, они услышали тревожные свистки. Стая металась, окружённая кольцом блестящих, прыгающих на волнах поплавок. Около них покачивался с борта на борт катер.

На палубе сустились люди в сверкающих оранжевых куртках. Поплавки плыли к борту — люди выбрали сеть.

И вдруг люди сделали что-то не так — полавки разошлись. Образовался проход. Издав призывный властный свист, Пятнистый рванулся туда. Через проход один за другим навстречу ему стали выскакивать дельфины.

Люди торопливо подтянули невод — кольцо снова сомкнулось. В нём осталось несколько животных.

И тогда Малыш услышал свист матери. Внутри сети носилась широкими кругами Русалка. Сеть наступала, оттесняя её к борту катера. Люди подобрали нижнюю часть невода — дельфины очутились в мешке. Сеть подтащили. Перегибаясь через борт, люди стали ловить животных за хвосты и плавники, осторожно, по одному, втягивать на борт. Последней подняли Русалку. Катер дал ход и пошёл к берегу.

Около входа в узкую бухту над песчаной косой возвышались крыши домов. Здесь катер уменьшил ход.

Один из людей, высокий бородатый человек, перегнулся через борт и удивлённо сказал:

— Смотрите, кто тут ещё!

Следом за катером плыл Малыш.

— Дайте-ка стоп! — крикнул Бородатый.

Он перегнулся через борт и ухватил Малыша за плавник. Маленький дельфин обезумел от ужаса. Он ничего не видел, не слышал и не понял, как очутился в длинном, наполненном водой ящике. Стучал мотор, шумели люди. Катер подошёл к причалу. Ящики с животными — их было четыре — снесли на берег.

Так началась для Малыша новая жизнь.

Учёные — люди в оранжевых куртках были учёными — поместили дельфинов в вольер — огороженную сетями часть бухты. Здесь можно было плавать, приближаясь к самому берегу, опускаться на дно, покрытое крупным красным песком. На дне росли рыжие кустики водорослей и бродили, щупая усиками песок, рыбы-барабульки.

Малыш с матерью плавали по вольеру, тревожно поглядывая через сеть на бухту, на синее вдалеке, за косой, море.

Малыш был голоден. Проворные барабульки при его приближении удирали, и ему приходилось каждый раз возвращаться к матери ни с чем.

Прошла голодная, тревожная ночь. Утром,

проплывая около сети, Малыш заметил на воде тень.

Солнце едва поднялось, и поэтому тень была длинной. Она начиналась на берегу и кончалась в воде.

На берегу стоял маленький человек — девочка.

Девочка присела на корточки и постучала ладошкой по воде.

Дельфины испуганно метнулись в стороны.

Девочка ушла и возвратилась с ведром, из которого торчали рыбы хвосты. Вытащив рыбину, она присела на корточки. Она держала рыбу за хвост, и стучала ею по воде, и смотрела на дельфинов.

Подошёл Бородатый.

— Ну как, Оля,— спросил он,— не берут?

Девочка покачала головой и швырнула рыбу на середину вольера. Мелькнула серая молния — Русалка помчалась по кругу, держа в зубах серебристую скумбрию. Она подплыла к Малышу, дельфинёнок схватил рыбу и, повернув её во рту языком — дельфины всегда едят рыбу так,— жадно проглотил.

— А теперь идите все сюда! — позвала девочка.

Но дельфины боялись. Тогда девочка надела на ноги блестящие, похожие на рыбы хвосты зелёные ласты, на голову — маску с огромным стеклянным глазом и вошла в воду. Держа перед собой в вытянутой руке скумбрию, она выплыла на середину. Первой решилась Русалка. Она приблизилась к девочке и осторожно взяла...

Теперь дельфины носились вдоль стенки вольера. То и дело кто-нибудь из них выходил из круга, подлетал к девочке, хватал рыбу и возвращался. Вода кипела. Огромное серое колесо, образованное телами животных, стремительно вращалось.

Малыш мчался вместе со всеми.

«Я уже вырос! — радовался он.— Я не отстаю от них!»

«Какой он ещё неумелый и неловкий», говорила себе Русалка, кося глазом на сына.

Однажды, когда Малыш подплыл, чтобы взять рыбу, девочка погладила его. Дельфинёнок вздрогнул. Острое, неизведанное чувство пронзило маленькое тельце.

На следующий день, когда девочка уселась на помосте, свесив ноги, он подплыл и ткнулся носом ей в колени.

— Ну, что тебе? — спросила девочка, а сама подумала: «Ты маленький хитрец. Я прекрасно знаю, что тебе нужно».

«Неужели она не догадывается?»

Девочка опустила руку и начала его гладить. Она провела ладонью по челюсти, прикоснулась пальцами к горлу и стала щекотать мокрую кожу там, где начинается плавник...

Теперь она проводила у вольера всё свободное время. Как-то, сев на краю помоста, она взяла в руки маску и шлёпнула ею по воде. Малыш подплыл и осторожно сжал кончиками зубов податливую резину. Девочка подняла маску. Дельфинёнок подпрыгнул и выхватил маску из рук. Это была игра. Прошла неделя, Малыш понял: взятую маску надо возвращать. А ещё они играли так: девочка падала с мостков, а Малыш, поднырнув, пытался вытолкнуть её наверх. У него не хватало сил, а девочка хохотала и кричала:

— Ну, что же ты?

После августовских штилей, когда вода в море до самого горизонта лежала гладкая и блестящая, как рыбий бок, наступила осень. Отгремел первый шторм. Огромные волны приходили с той стороны, где по вечерам пряталось в море солнце. Они с шорохом выползали на косу и опрокидывались, грохоча и вымётывая вверх белые фонтаны брызг.

Волны проникали и в бухту. Вода, раскачиваясь, подняла со дна частицы песка и кусочки водорослей и стала непрозрачной. Впрочем, дельфины, посвисты-

вая, по-прежнему уверенно плавали вдоль сети, а слышав шаги девочки — скрип тифлек на песке, — собирались возле помоста.

Как-то пришёл Бородатый. Он говорил, остальные люди его внимательно слушали. Он произносил непонятные слова — «Батуми» и «дельфинариум» — и поглядывал на беспокойное море и на качающиеся в бухте сети.

А потом появился пароход. Не доходя до берега, он уменьшил ход, что-то отделилось от его носа и с грохотом полетело в воду. Пароход замер, задержанный якорем.

Около вольера вновь выстроились в ряд деревянные ящики. Учёные расхаживали между ними. Ящики наполнили водой. Потом в вольер бросили невод, и два человека, медленно плывя, стали оттеснять одного из дельфинов к берегу. Животные уже привыкли, что люди не причиняют им вреда, но когда первого дельфина стали взваливать на носилки, он забился. Носилки подняли и понесли к ящику.

Последним отловили Малыша. Дельфинёнок снова увидел, как ослепительно вспыхивает мир, лишённый воды, почувствовал, как тело охватывают жара и сухость, услышал, как тихие, ясные звуки моря сменяют какие-то другие, мучительно громкие и непонятные.

Он уже лежал в ящике, когда увидел склонённое над собой лицо Оли. Закусив губу, она опустила в ящик обе руки и дрожащими пальцами начала гладить голову Малыша. Потом она заговорила. Голос её срывался, несколько непонятных капель — Малыш решил, что это дождь, — упали в воду. Дельфинёнок ударил хвостом — удар пришёлся по доске.

Бородатый отвёл девочку в сторону. Ящик закачался — его подняли и понесли.

А потом был снова стук мотора и знакомые размахи морской волны, которая поднимает и опускает катер. Затем послышался удар, треск — катер неосто-

рожно подошёл к пароходу. Над ящиком навис чёрный, уходящий к самому небу борт. Скрипучие канаты подхватили ящик, и он, раскачиваясь, поплыл по воздуху.

Дальнейшее Малыш помнил плохо. Мерно дышала паропроводная машина, подрагивали доски ящика, и, смещаясь от стенки к стенке, плескала вода. Она с каждым часом становилась всё теплее. От невозможности плавать ныло всё тело. От сухого, пропитанного горькими запахами воздуха кололо в лёгких.

Изредка к ящику подходил Бородатый. Он наклонялся над Малышом, лил ему на голову и на спину воду и что-то говорил, говорил, успокаивая.

Малыш очнулся, когда ящик наклонился и он вместе с водой рухнул в какую-то бездну. Сразу стало прохладно, померк и стал лёгким для глаз свет, в уши вошла тишина. Дельфинёнок изогнулся, ударил хвостом и вдруг почувствовал, что стенок ящика больше нет, а впереди снова открытая, наполненная зелёным ликующим светом вода.

Он поплыл, то поднимаясь и набирая полные лёгкие воздуха, то погружаясь, медленно приходя в себя. Но он ещё воспринимал всё окружающее плохо и поэтому не очень удивился, когда путь ему преградила белая каменная стена. В ней было круглое окно, а в этом окне — человеческое лицо. Человек внимательно смотрел на Малыша. Острота зрения возвращалась к дельфину, и Малыш вдруг понял, что это смотрит на него Бородатый.

Потом рядом с Малышом появилась мать. Проплыли два других дельфина.

Очень скоро дельфины поняли, что они не вернулись в море, а находятся в огромной, выложенной блестящим белым камнем яме — бассейне. Около него всё время ходили люди, и всё, кроме воды — она была очень прозрачной, — напоминало вольер.

День начинался так же — с кормёжки. Приходили люди, приносили в вёдрах ту же скумбрию, так же стучали ею по воде, приглашая брать рыбу из рук.

Люди и здесь были добры, но Малышу после ящика и переезда почему-то не хотелось играть. Отделившись от матери, он плавал вдоль белых стен, равнодушно посматривая на посетителей, которые каждое утро заполняли скамейки, установленные в несколько рядов вокруг бассейна.

Скоро Малыш заметил, что один из дельфинов плох. Он стоял на месте, держась около самой поверхности, и только изредка привсплывал, показывая над водой затылок. Его хриплое дыхание пугало Малыша. Больному становилось всё хуже. Он уже не двигался, и только Русалка, проплывая мимо, каждый раз помогала ему подняться для вдоха.

Это увидели люди. Они опустили в бассейн маленькую лодку, поддерживая руками, отвели дельфина к борту бассейна, а потом унесли.

«Неужели он не вернётся?» — подумал Малыш.

— Теперь нас трое, — сказала Русалка.

Третий дельфин — люди прозвали его Одиноким — был очень самолюбив и всегда держался особняком.

Вскоре в бассейне начались перемены. Бородатый, решив, что звери уже привыкли к новому дому, стал приносить и бросать в бассейн разноцветные круги и мячи. Ветер гнал их. Бегущие по воде мячи вызывали желание подтолкнуть носом, задеть плавником, а круги — взять в зубы и тащить.

Бородатый внимательно наблюдал: что будет? И как только увидел, что Русалка гонит перед собой мяч, тотчас подозвал её и дал рыбу.

Затем её получил Одинокий.

Малыш остался без награды. Он плавал задумчиво; хотя, вероятно, то, что приходило ему в голову, не было думами, а было, скорее всего, только смутным желанием перемен.

— Непонятно! — сказал Бородатый, наблюдая за

Малышом.— Прежде был такой бойкий, а теперь... Ладно, посмотрим!

Начались представления. С утра скамейки вокруг бассейна заполняла пёстрая толпа. Приходили загорелые и ярко одетые люди, прибежали шумные, вёрткие дети. Звучал колокольчик. Русалка и Одинокый подплывали к помосту. Там стоял Бородатый. Он гладил дельфинов и незаметно совал им в рот кусочки скумбрии.

Потом на воду спускали плот. На него усаживали куклу, и Одинокый, взяв в зубы кончик верёвки, возил её по бассейну. Потом дельфины брали из рук стоящего высоко над водой человека рыбу, и прыгали через подвешенное кольцо, и даже немного играли в мяч.

На этом представление заканчивалось.

Но люди не уходили. Бородатый долго им что-то рассказывал, то и дело показывая на дельфинов. Он говорил в микрофон, и его низкий, рокочущий голос перекатывался над водой.

Малыш в представлениях не участвовал. Он плавал в стороне, а если задавали вопрос, почему не играет и не прыгает маленький дельфин, Бородатый отвечал обычно, что он ещё мал и надо подождать.

Это был пасмурный, дождливый день, каких немало бывает в Батуми. Дождь набегал на город короткими ливнями. С неба на землю опускались белые струи, а навстречу им от камней и асфальта поднималась клубами водяная пыль. Капли падали в бассейн, и тогда поверхность воды становилась рябой, а если дождь усиливался, вся покрывалась ломкими белыми пузырями. И вот в минуту, когда дождь на время утих, Малыш вдруг услышал полузабытый звук: кто-то похлопывал ладонью по воде.

Что-то тревожное, знакомое было в этом стуке. Он повторился. Малыш пересек бассейн и выглянул из воды.

Дождь прошёл. Из-за туч появилось солнце — всё вокруг блестело. Блестели листья деревьев, блестели скамейки, блестела вода в бассейне. Всё было ярким, словно покрашенным заново. И среди этого обновлённого мира, блестя мокрыми волосами, в ярком, неожиданном новом платье стояла Оля.

Малыш не сразу понял, что произошло. Не отдавая себе отчёта в том, что делает, он подплыл, ткнулся мордой в ладонь, и детские пальцы опять сжали ему кожу у рта, скользнули вниз, к горлу, и, потрепав скользкий упругий бок, замерли у плавника.

— Я приехала, Малыш. Как я рада видеть тебя! Мы будем вместе целый месяц! — сказала Оля.

«Она вернулась навсегда!» — подумал дельфинёнок.

Бородатый, придя вечером в бассейн, не сразу понял, что происходит. На помосте стояла девочка и держала в руке красную пластмассовую кеглю. Малыш, сильно разгоняясь, раз за разом выскакивал из воды и то брал из её рук игрушку, то возвращал. Сделав круг по бассейну, он стремительно разогнался, вылетал из воды, поднимался в воздух, на мгновение застывал и, прежде чем начать падать, лёгким движением головы касался её рук. Кегля ярко сияла на солнце, с неё летели во все стороны красные брызги, девочка смеялась, а небольшая кучка поздних посетителей, стоя у края бассейна, радостно хлопала в ладоши.

— Оля, ты откуда взялась? — удивился Бородатый. — Надолго к нам? Узнал он тебя? Вот хитрец — в один день научился! А я-то с остальными бьюсь по месяцу...

Два голубых зверя стремительно промчались мимо них. Одинокий преследовал Русалку. Он догонял её. Впрочем, так казалось ему. Русалка была сильнее и, если бы захотела, легко могла ускользнуть. Она то незаметно замедляла ход, то снова, когда Одинокий настигал её, рывком уносилась прочь.

Теперь для Малыша дни закружились весёлой вереницей. Он охотно участвовал в представлениях — научился кувыркаться в воздухе и забрасывать в баскетбольную корзину мяч. Но любимый их номер был такой. Оля ложилась на воду. Она лежала непод-

вижно, а Малыш, важно пыхтя, «спасал» её — подерживал снизу лбом и подталкивал к берегу.

Люди весело кричали и размахивали газетами, дети подбегали к краю бассейна и с завистью смотрели на девочку.

...Она уехала таким же дождливым днём. Прощаясь, долго стояла у воды и что-то говорила Малышу, но тот, ничего не поняв, тронул зубами опущенную руку и быстро поплыл к мосткам, куда принесли еду.

Он не сразу заметил, что девочки больше нет.

В бассейне темнело и становилось опять светло — закрытое облаками солнце бледным пятном скользило над крышами домов. Оля не приходила, и тогда Малыш понял, что это — всё. Он опять перестал участвовать в представлениях. Другие дельфины показывали трюки, а он неподвижно стоял в дальнем углу.

— Ну, брат, ты меня так удивляешь! — сказал Бородатый.

Он развёл руками и решил, что это уже не просто память, а нечто большее, может быть похожее на то, что чувствуют друг к другу люди, и что лучше всего Малыша не трогать.

«Он, наверное, болен», — подумала Русалка. Но думала она это уже спокойно, потому что знала: сын вырос, и ещё потому, что теперь всё больше и больше проводила часы с Одиноким, помогая ему делать трудные номера и даже иногда уступая свою рыбу.

Между тем летели дни, и однажды люди заметили, что из бассейна уходит вода. Бородатый, надев резиновый костюм, опустился на дно. В белом кафеле зияли трещины.

— Этого еще не хватало! — сказал он и распорядился, чтобы в море неподалёку от берега установили небольшой вольер и туда на время ремонта перевели дельфинов.

Так они снова очутились в море.

Вода здесь была мутной от мелкой известковой пыли, которая поднималась со дна. Волны шевелили гальку, и белые облака, клубясь, входили в вольтер.

Безмолвие бессейна снова сменил разноголосый шум моря. Малыш радостно слушал его. Вот поскрипывает, переливаясь по дну, галька. Вот шумят хвосты идущих на добычу тунцов. Вот заскрежетал жаберными крышками и умолк морской петух — тригла. Вот, стуча клешнями, пробежал по дну тяжёлый, в каменном панцире краб.

Но что это? Громкий свист. За ним другой... Шумят хвосты больших животных. Звуки всё ближе. Не выдержав, Малыш свистнул в ответ. И тотчас же из бело-голубой мглы выплыли силуэты. Дельфины! Стая окружила вольтер. Самый большой из дельфинов сразу же начал осматривать сеть, время от времени покачивая головой. Что-то знакомое почудилось Малышу. Следы укусов на голове, морду пересекает белый шрам... Пятнистый!

Старый дельфин узнал и Малыша и Русалку. Он ещё раз осмотрел сеть и, найдя место, где волны сорвали и унесли несколько поплавков, положил на верёвку голову. Та подалась. Дельфин навалился на неё всем телом — сеть притонула, образовав проход...

Пятнистый внимательно посмотрел на Малыша.

Осторожно, стараясь не задеть плавником верёвку, маленький дельфин проплыл над сетью и очутился на свободе.

Оставались ещё двое. Пятнистый продолжал держать.

Одинокий равнодушно отплыл в угол и повернулся головой в сторону берега. Русалка заметалась. Она подплыла к Пятнистому. Глаза их встретились. Старый дельфин с трудом удерживал сеть.

И тогда тяжело, словно таща за собой груз, она направилась к Одинокому. «Я не должна оставлять его!» — повторяла она про себя. Она подплыла к Одинокому, и они застыли бок о бок, покачиваясь вместе

с водой. И тогда Пятнистый снял с верёвки голову Сеть всплыла.

Пересвистываясь и выпрыгивая из воды, стая понеслась прочь. Впереди мчались Пятнистый и Малыш. Они плыли плавник к плавнику, одновременно показываясь над водой и погружаясь.

«Как прекрасно — я снова в море!» — радовался маленький дельфин.

«Он долго жил среди людей и многое видел. Из него когда-нибудь выйдет хороший вожак!» — думал Пятнистый.

Прошёл пароход. Он направлялся в Батуми. Стая повернула следом. Всегда лучше держаться около порта или близ устьев рек, где часто встречаются косяки и где рыба нагуливает жир...

Пожалуй, на этом можно бы закончить историю о Малыше. Всё случилось именно так, как думал Пятнистый. После его смерти вожаком стаи сделался Малыш. И хотя он больше не рос, а так и оставался небольшим дельфином, не было в Чёрном море вожака умнее и справедливее его. Он всегда знал, в какое время подходит к берегу ставрида и скумбрия, каких пароходов и катеров следует бояться, и мог освобождать излюбых сетей запутавшихся дельфинов.

И всё-таки это ещё не конец истории.

Девочка вернулась в Батуми — на этот раз навсегда. Она стала здесь жить и ходить в школу, а ещё — помогала Бородатому. Во всём этом не было бы ничего странного или необычного, если бы с некоторых пор её родители и соседи и даже её друг — Бородатый — не стали замечать, что она часто по вечерам уходит одна на пляж.

Если ночью ожидается дождь, солнце над Батуми идёт к закату красное. Оно опускается в лиловые

облака. Облака громоздятся друг на друга, и в щелях между ними, как иглы морского ежа, торчат красные солнечные лучи.

В такие вечера на городском пляже мало народу. Сложенный из серой гальки пляж тянется вдоль всего побережья, от реки Чорох до Батумийской бухты. За пляжем, отделяя его от городских домов, начинается бульвар. Там шелестят крепкими, как картон, листьями невысокие пальмы и одуряюще пахнет лавром.

Вечерами на пляж приходит девочка. Она сбрасывает платье, входит в воду, нагибается, берёт два камня и начинает постукивать ими. Она держит камни у самого дна. Короткие щелчки разбегаются во все стороны, гаснут, если они устремляются вдоль берега, и несутся беспрепятственно и далеко, если направлены в море.

И тогда в лиловой вечерней воде показывается чёрная точка, она мчится, то исчезая, то появляясь, прямо к берегу, и скоро становится видно, что это кривой, изогнутый плавник. Последние метры дельфин плывёт не погружаясь, и красные блики заходящего солнца вспыхивают на его гладкой блестящей коже.

Малыш подплывает и тычется носом в колени девочке. Она гладит его по голубоватой морде, а он пыхтит и делает вид, что хочет вырваться из детских ладоней.

Потом девочка делает шаг вперёд — глубина здесь увеличивается очень быстро, и они плывут прямо в море навстречу темноте, чтобы там, невидимые для случайных посетителей пляжа, вести свои продолжительные беседы и игры.

Они плавают так до тех пор, пока небо на востоке не станет совсем чёрным, а в противоположной стороне тучи, если они есть, не обнимут весь горизонт.

Тогда они направляются в сторону берега. На бульваре уже вспыхнули огни, и поэтому серая полоска пляжа кажется белой. Они подплывают,

девочка становится ногами на зыбкое каменистое дно, хлопает дельфина по спине, и тот, круто повернувшись, устремляется назад.

...Если дождь не ожидается, закат в Батуми короткий и одноцветен. Едва только скатится за горизонт оранжевая капля солнца, сумерки наполняют аллеи и красят в голубой цвет галечный пляж.

По нему идёт девочка. Круглые голыши щёлкают в такт её шагам. Подошвы скользят. Девочка спотыкается, и при этом короткие волосы падают ей на лицо. Она отбрасывает их, поворачивается и смотрит на море. По тёмной его поверхности удаляется, вспыхивая и угасая, пенная точка. Небольшой дельфин стремительно плывёт назад к стае, которая терпеливо дожидается своего вожака.

ПАКО

Я жил тогда на Кубе, в маленькой рыбацкой деревне на берегу Карибского моря.

Отведённая мне под жильё хижина стояла на самом краю деревни. За стеной высились огромные пальмы — начинался лес.

В комнате стояли низкая кровать и стол, сколоченный из грубых досок.

Приехав, я бросился на кровать, вытянулся и услышал ровный гул. Где-то вдалеке огромные, неторопливые волны накатывались на риф. Они опрокидывались, порождая мерный, как дыхание, звук. Звук достигал берега и замирал.

«Настоящий живой коралловый риф! Наконец-то!» — подумал я.

И уснул.

Когда проснулся, деревня ещё спала. Через открытую дверь виднелось застывшее, стеклянное море.

Тяжёлые листья пальм, простёртые над домами, не шевелились.

«Скорее!»

Тёплая, не успевшая остыть за ночь вода приняла меня.

Я плыл. Сейчас будет риф!

Светлый песок... Ровное, медленно понижающееся дно. Бугристые, похожие на следы тракторных гусениц ходы моллюсков.

Затем появились пучки черепаховой травы. Голубые островки её превратились в сплошной ковёр. Я плыл над этим нескончаемым полем до тех пор, пока не почувствовал, что устал.

Рифа всё не было.

Оглянулся. Далеко позади жёлтая полоска песка. Над ней крыши. Впереди — ровная морская синь. Сколько ещё плыть? Час? Два?

Забираться одному так далеко в море? Безрассудно! Но отступить нельзя. Я вздохнул и продолжил путь.

Проплыл ещё немного, и в зелёном ковре водорослей появились разрывы. Блеснул белый песок. Мёртвая коралловая ветвь. Чуть дальше — причудливые очертания пёстрых камней. Наконец-то!

Навстречу мне двигался, поднимался со дна моря каменный лес. Оранжевые, жёлтые, зелёные ветки, стволы. Стайками и поодиночке в нём хороводили разноцветные рыбы.

Красная рыба-белка появилась из-под развесистого камня, вытаращила большие выпуклые глаза, вильнула раздвоенным хвостом и снова скрылась.

Два бледно-зелёных попугая деловито общипывали коралловую ветвь. Рыбы висели головами вниз и — крак! крак! — обламывали кусочки коралла массивными изогнутыми клювами.

Вдали над верхушками оранжевых кораллов появились длинные голубые тени: какие-то хищники

шли на лобychу. Словно ветер подхватил разноцветных рыбок, закружил, завертел, унёс. Риф опустел, рыбы исчезли.

Голубые тени пропали, и пространство между каменными деревьями снова наполнилось весёлой суетой. Красные, оранжевые, голубые рыбёшки продолжили своё движение. Вот она какая — заповедная страна кораллов!

С этого дня я стал постоянным её посетителем.

Со стороны берега риф был пологий, обломки его, мельчая, переходили в песок. Здесь было светло и тихо. Вместо разноцветной карусели рыб и буйства коралловых красок спокойный серый цвет. Ровное, как стол, дно, лишь кое-где холмики — их оставили, пробираясь в песке, моллюски.

Я решил раскопать один холмик и плыл к нему, когда внимание моё привлекло странное пятно.

Кто-то обронил на дно сковородку! Вот припорошённая песком её ручка, вот и она сама — хорошо угадываются круглые края...

Коричневая тень возникла слева от меня, что-то стремительно пронеслось сверху вниз и ударило в сковородку. Песок разлетелся как от взрыва, в дымном сером облаке показались очертания круглого плоского тела: большой скат, неистово размахивая плетью-хвостом, взлетел вверх, кинулся в сторону и повис, натянув белый шнур. В рыбу попал гарпун.

Я повернулся в сторону выстрела. Там, опустив голову и торопливо подбирая шнур, в воде висел мальчишка, смуглый, почти чёрный, одетый в рваную рубаху и трусы. На его ногах болтались разной величины и разного цвета ласты.

В два гребка я приблизился к нему и, не говоря ни слова, тоже ухватился за шнур.

Вдвоём мы едва удерживали рыбину: острый шип на хвосте, которым скат может нанести глубокую рану! Мальчишка, очевидно, про него знал: всякий

раз, когда скат, описывая вокруг нас круги, приближался, он начинал торопливо отпускать шнур и что-то невнятно взahlёб выкрикивал, предупреждая меня.

Гарпун пробил жабры, скат быстро терял силы. Когда он совсем перестал биться и повис на шнуре, мы проволокли его к берегу, вытащили на песок и сели рядом. Мальчишка снял ласты.

У него была большая голова с маленьким прямым носом и плотно свитыми курчавыми волосами. К правой ноге привязан нож с самодельной рукоятью.

— Как... тебя... зовут? — спросил я, собирая по крупикам знания испанского языка.

— Пако, — ответил он и нараспев добавил: — Франциско.

Это было всё, что мы сказали друг другу. Но в этот час я приобрёл друга, который целый месяц исправно делил со мной все радости и невзгоды рифа.

Первая беда не заставила себя долго ждать. Мне вздумалось полезть в воду не там, где мы с Пако делали это обычно, — на песчаном берегу против деревни, а левее, за стоянкой лодок, где из моря выходила узкой полосой скала мёртвого коралла — себорукко.

Здесь было много ежей-диадем. Они были похожи на подушечки, утыканые иголками. Ежи сидели в выбоинах и ямках. Чёрные, тонкие их лучи торчали над серым камнем, как пучки волос.

Был вечер. И был закат. Тяжёлые низкие волны медленно выкатывали на отлогий берег и отступали, оставляя между волчьими клыками себорукко блестящие разорванные лужи.

Я пошёл в воду.

Мутная, тёмная волна захлестнула колени. Ещё один шаг. Кончик ласты зацепился, вода толкнула, потеряв равновесие, я упал и опёрся рукой о камень.

Острая, дикая боль!

Падая, опустил под воду вторую руку. Сотни электрических искр снова вошли в ладонь.

Сжав зубы, едва не завывая от боли, я выскочил из воды и побежал к дому. В пальцах чёрными смоляными точками рябили обломки игл. Вокруг каждой медленно расплывалось белое колечко, пальцы немели.

Я добежал до хижины и стал судорожно рыться в чемодане, отыскивая иголку, чтобы вытащить обломки игл. Руки тряслись — никак не отыскать!

Я побежал к Пако.

Он сидел на деревянном стуле около дощатой хижины, крытой пальмовыми листьями, и, вода пальцем по странице, читал книгу. Я знаками показал израненные руки и знаками объяснил, что ищу иглу.

Пако покачал головой. Он поднял ладонь, растопырил пальцы и начал легонько постукивать ими.

Надо стучать пальцами, и обломки выйдут сами — втолковывал он мне. Взяв мою руку в ладони, он показал, как раздуются и опухнут пальцы, если я вздумаю ковырять их стальной иглой.

Я смирился и принялся ходить взад-вперёд, держа руки на весу и подставляя горящие ладони ветру.

Мало-помалу боль стала утихать и скоро прошла совсем.

Теперь у меня было занятие. Целыми днями я постукивал пальцами. Я выгонял обломки игл. Скал и ежей было много, всегда находились и ёж, и камень, и волна, из-за которых я натывался на проклятые иглы. Стучать пальцами вошло у меня в привычку.

Сидя за столом, я постукивал о доску. Стоя у какого-нибудь дерева — по ветке. Сидя в лодке — о её борт.

Разговаривая с собеседником, я стучал.

Не знаю, рассасывались ли иголки сами по себе, или они действительно выходили от постукивания, мало-помалу чёрные пятнышки исчезли...

Над деревнею всё время дул ветер-пассат. Он дул с востока на запад.

Ночью ветер ослабевал. По звёздному, похожему на чертёж небу медленно проплывали белёсые, с зелёными краешками облака. Шум моря становился всё тише и тише. К утру море успокаивалось, умолкало.

До полудня было наше время, моё и Пако: мы плавали на рифе. Ещё это было время рыбаков — их лодки покидали берег и молчаливо разбредались по неподвижной, стального цвета воде.

Когда солнце поднималось в зенит и горячие струи воздуха над островом сливались в один могучий, восходящий поток, ветер усиливался. На воде появлялись мелкие, едва заметные глазом чешуйки. Они лепились в полосы, ветер дул всё сильнее, полосы превращались в волны, волны — в медленные валы. На рифе вспыхивали буруны, море становилось рябым от пены. На рифе возникал угрожающий, низкий гул.

Там, где горячий воздух подхватывал и уносил вверх насыщенные влагой испарения болот, над островом рождались облака. Они росли, как мыльная пена, сбивались в башни. Основания башен темнели: ветер смещал облака на запад. Тонкие серые нити опускались с подножия облаков на землю. Начинался дождь. Он шёл каждый день в одно и то же время, между полуднем и закатом.

Дождь проливался над морем, солнце опускалось всё ниже, гул прибоя ослабевал. Когда солнце падало за горизонт, небо наливалось чернильной синевой и пассат успокаивался. Огромное воздушное течение ослабевало. Среди ослепительных, похожих на фонари звёзд снова двигались неторопливые, с зелёными кромками облака.

Звёзды пылали над деревней. Они качались в чёрном небе и роняли на землю длинные, колючие лучи. Созвездия тлели над крышами домов.

Низко, у самого горизонта, теплилась Полярная звезда. Она была чуть видна. Тусклый черпак Большой Медведицы, как часовая стрелка, описывал около неё круги.

Мы с Пако выходили на дорогу и, задрав голову, следили за движением звёзд. Красноватый Арктур пересекал зенит. Похожее на старинный герб созвездие скользило над морем — семь огней Ориона отражались в чёрной воде.

Купол неба поворачивался — и звёзды, как зёрна, сыпались за горизонт.

Душная тропическая ночь пылала над островом.

Плавая около огромного каменного уступа, я заметил небольшое чёрное пятно — вход в пещеру. Несколько пёстрых рыбок, с трудом удерживаясь против течения, вертелись около него.

Одна из рыбок доверчиво приблизилась ко входу и вдруг, словно подхваченная вихрем, исчезла.

Что такое?

Озадаченный, я стал наблюдать.

Смутные тени внутри пещеры мало-помалу принимали очертания огромной головы, и вдруг я обнаружил, что нахожусь всего в пяти-шести метрах от исполинской рыбы, избравшей пещеру местом засады.

Серый, с чёрными пятнами лоб, толстые губы. В пещере ворочался большой каменный окунь.

Великан подался вперёд, и теперь его огромная губастая голова наполовину высунулась из-за камня.

Рыбы по-прежнему вертелись около пещеры. И тут окунь зевнул. Он распахнул похожую на сундук пасть — струя воды, увлекая ближайшую рыбёшку, хлынула внутрь. Великан сомкнул губы, и всё приняло прежний вид. Это произошло настолько стремительно, что рыбы даже не успели разбежаться, а я потряс головой, чтобы убедиться: не померещилось ли мне?

Невдалеке послышался стук. Это, привлекая моё внимание, стучал ладонью о воду Пако.

Шнур с гарпуном, как всегда, запутался у него среди кораллов. Я подплыл, взял ружьё.

Пако набрал полную грудь воздуха, нырнул. Осто-

рожно подёргивая шнур, стал освобождать его. Сунул руку в щель между камнями и, неожиданно отдёргнув, ракетой взлетел вверх.

— В чём дело?

На лице у мальчишки было написано отвращение.

— Рыба-змея,— сказал он.— Там, внизу.— Он сплюнул.

Под белой, образованной шнуром петлей что-то шевельнулось, потекли чёрные и зелёные пятна — над краем расселины показалась узкая голова мурены. Приоткрыв полный тонких, изогнутых зубов рот, хищник внимательно осмотрел камни. Холодные, крошечные глазки без всякого выражения скользили по дну.

Но гарпун-то надо спасти!

Мы с Пако нырнули. При нашем приближении рыба неторопливо, по-гадючьи сворачиваясь, убралась в щель. Отцепив шнур, мы всплыли.

Прежде чем плыть к берегу, я ещё раз посмотрел вниз, на убежище мурены.

Чёрно-зелёная, в мелких пятнышках голова снова торчала над камнем. Хищник высматривал добычу. Мелкие рыбы-попугаи, до этого беззаботно вертевшиеся на рифе, сбились в кучу и насторожённо ждали: что будет?

Мурена наблюдала за Пако и за мной. Её светло-зелёное горло вздувалось и опадало. Тяжело дыша, она продолжала сидеть в засаде.

Для защиты от мурены Пако принёс мне нож. Он был широкий, длинный, с костяной рукояткой, и когда я привязывал его ниже колена, доставал до самой ступни. Пако улыбался и прищёлкивал языком.

— Му бьен! Очень хорошо! — говорил он и показывал, как я буду убивать рыбу-змею.— Кх-хх!

Каждый день, вооружённые до зубов, мы отправлялись на риф.

Пако охотился. Он то и дело нырял, часто нажимал на спусковой крючок и потом долго распутывал застрявший между кораллами шнур или разыскивал оборвавшийся гарпун. Его увлекала не добыча, а сама охота.

Так, его забавляли рыбы-ежи.

Они лениво лежали под ветвями кораллов и неторопливо дышали, раздувая и сжимая бока. Их колючки, толстые и блестящие, поднимались и опадали.

Пако нырял и, тщательно прицелившись рыбе в хвост, стрелял. Пробитый гарпуном ёж бросался наутёк, шнур останавливал его. Рыба начинала судорожно глотать воду, раздувалась и становилась похожей на футбольный мяч. Пако всплывал вместе с ней и, надев матерчатые отцовские перчатки, поднимал рыбу над головой. Хрюкнув, ёж начинал выпускать изо рта струю воды. Бока его опадали. Когда рыба принимала обычный вид, Пако осторожно вытаскивал из хвоста гарпун и выпускал ежа. Ошеломлённый, тот погружался на дно и тотчас же забивался в какую-нибудь нору.

— Они живучие, им ничего не будет,— уверял меня Пако.

Я каждый раз качал головой...

— Давай договоримся,— сказал я наконец,— ты будешь стрелять только ту рыбу, которая нужна для еды.

Пако кивнул. Ежи получили покой.

Моё внимание привлекла рыба, которая упорно вертелась около дырки в скале. Собственно, это было просто углубление в камне, небольшая ниша.

Даже когда рыба заплывала в неё, она всё равно была хорошо видна.

Прятаться рыбе приходилось раз по десять на час. Мимо то и дело проходили стаями полосатые барракуды, нет-нет да следовал стороной серебристый тар-

пон, показывала из-под камня голову зелёная мурена.

И каждый раз рыбка входила в углубление, прижималась к скале, озабоченно поглядывая на хищника плоскими, бесцветными глазами.

Нет, это не убежище!

Но почему тогда рыбка так упорно держится за него? Заинтересованный, я набрал полную грудь воздуха и нырнул. Рыбка спряталась.

Я подплыл к скале и, придерживаясь одной рукой за камень, сунул другую в углубление.

Пальцы тотчас же ощутили скользкую рыбью чешую. Я попробовал выгнать рыбу — она не шевельнулась, сдвинуть с места — она была неподвижна.

Я подобрался пальцами к самой рыбьей голове. Какая-то сила крепко прижимала её к камню. Ничего не поделаты!

Я всплыл.

Пако вопросительно посмотрел на меня.

Я постарался объяснить, чего не понимаю в поведении рыбы. Пако кивнул и сделал из большого и указательного пальцев что-то вроде пистолета. «Крак!» — произнёс он и несколько раз поднял и опустил палец-курок.

Я ничего не понял. Мальчик и рыба знали какой-то секрет. Камень сам держал рыбу. Мелкая пещерка была надёжным убежищем от врагов.

Тогда я лёг на воду, затаился и стал ждать.

Вот из пещерки высунулась рыбья физиономия. Рыбка долго осматривалась, потом, осмелев, вылезла на одну треть, наполовину... Но что это? На спине у рыбы какой-то шип. Толстая костяная пластинка, похожая на курок.

Вдруг эта пластинка исчезла. Рыба опустила шип, прижала к спине.

И тогда я понял, в чём разгадка её странной привязанности к этой низкой пещере. Большая, с высоким потолком ей и не нужна. Нужен низкий потолок, в который можно упереться шипом!

Я представил себе: вот рыбка входит в своё

убежище, вот прижимается боком к стене, вот поднимает шип. Курок упирается в потолок — и стоп! Теперь её никому не достать.

В деревне было три радиоприёмника. Их почти никогда не включали днём и редко — вечером.

Теперь работали все три.

Они были включены на полную громкость, и среди дощатых хижин неслось: «Клара! Клара!»

К острову приближался ураган. Какой-то весельчак много лет назад придумал давать ураганам женские имена. Сейчас вслед за радио все жители посёлка повторяли шёпотом: «Клара!»

Сначала в небе появились изогнутые облачные нити. Они, как коготки, царапали голубой свод и медленно смещались к северу. Потом напоззла хмарь — серые слоистые тучи заслонили солнце, протянулись до горизонта. Тонко завыл ветер.

В деревне закрыли окна и двери.

Торопливые женщины волоком тащили под навесы снятые с верёвок связки белья.

Небо потемнело. Ниже тёмных, насыщенных влагой туч появились обрывки тумана. Они неслись уже над самой землёй.

Тонкий свист ветра превратился сначала в завывание, а потом в рёв. Хлынул дождь.

Потоки воды не успевали достичь земли — их подхватывал вихрь. Белые струи изогнулись и помчались параллельно земле. Дождь лил не на крышу — сноп водяных брызг обрушивался на стену дома. Дождевые капли неслись над лужами, ударяясь о воду, подпрыгивая и улетаая прочь. Лужи слились в одно большое болото. Дома очутились в воде. Там, где недавно была дорога, бушевал коричневый мутный поток.

Ветер отжал от берега воду, и море, тусклое, кофейного цвета, всё в ореоле брызг, отступило, обнажив каменные клыки рифа...

Наш берег «Клара» задела крылом. Отбушевав, к вечеру она ушла. Притихшая, почерневшая от воды деревня молча встретила ночь.

Вызвездило. Небо очистилось от туч, и замысловатые, похожие на старинные испанские гербы созвездия яркими огнями вспыхнули над островом.

Море вернулось. Невидимые в темноте водяные валы равномерно, как удары часов, обрушились на берег.

Даже редкие в этих местах москиты исчезли, но сна не было. Я лежал на влажной постели и широко открытыми глазами смотрел в окно на огромные разноцветные звёзды.

Утром, чуть свет, мы с Пако отправились на берег. Там уже собралось чуть ли не всё население деревни. Люди кричали что-то друг другу и показывали на море.

Среди коричневых водяных валов к берегу двигалось блестящее чёрное пятно.

— Кит! Кит идёт!

Животное было обречено. Каким-то чудом ему удалось миновать рифовый барьер, и теперь кит-бутылконос, находясь на мелководье, двигался вместе с волнами к берегу. Он останавливался, ударял по воде хвостом, временами оказывался на камнях и замирал до тех пор, пока очередной вал не снимал его.

Волны несли животное к тому месту, где песок подходил к самым хижинам и где были вытащены на берег лодки.

— Скорее! — сказал Пако, когда синяя туша оказалась в полосе прибоя. — Бежим!

Люди наперегонки мчались к киту.

Ещё несколько ударов волн, и он очутился у самого берега.

Это было не очень большое животное, иссиня-чёрного цвета, с высоким спинным плавником и выпуклым большим лбом.

Нижняя челюсть выдавалась вперёд, и на ней белели два больших зуба.

Пако побежал к рыбакам просить: не стащат ли они животное назад в воду.

Песок под бутылконосом медленно окрашивался в алый цвет.

— Он ранен,— сказал я.

Рыбаки, которые уж начали было суетиться около лодок и принесли канат, чтобы накинуть на хвост животного петлю, ушли.

Светлое брюхо кита было разорвано об острые края кораллов в то время, когда волны перебрасывали его через риф.

Животное истекало кровью.

Помочь ему уже было никак нельзя...

Пако было жалко кита.

Он зашёл в воду по пояс и, стоя в пене и брызгах около огромного животного, гладил скользкий складчатый иссиня-чёрный бок.

Вода то окатывала их с китом, то отступала, обнажая серый песок с розовыми, идущими от кита пятнами...

Мы сидели на красных клыкастых камнях, подложив под себя ласты, и смотрели, как возвращаются с моря рыбаки.

Паруса, покачиваясь, двигались вдоль рифа.

С трудом подбирая слова, я спросил Пако, кем он собирается стать.

Он задумался.

— Врачом или учителем.

— А почему ты не хочешь стать механиком, как отец?

Пако долго искал ответа.

— Мой отец механик. Он даёт деревне свет. У него в сарае мотор и машина, из которой выходит электричество, но в деревне есть ещё один механик... А врача нет. Мы ездим к врачу далеко, вон за тот мыс.

— А учитель?

— Один. Но он старый. Он скоро умрёт.

— Ты ещё в начальной школе?

— Конечно. Осенью меня увезут в город. В секундариию...

Секундария — школа второй степени. Я сказал:

— Ладно, как учит учитель, ты знаешь. А вот врач. Как он живёт? Трудно ему или легко — что ты можешь сказать?

— Он лечит. Потому что люди болеют и их надо лечить.

Коричневые паруса обогнули риф и направились к деревне. Они шли теперь прямо на нас. Ветер дул им в борт, и лодки сильно кренились.

— А рыбаком ты не хочешь стать?

Пако покачал головой.

— Нет. В прошлом году у нас утонули двое. Они пошли в хорошую погоду, а потом разыгрался ветер. Из города приходил моторный катер. Он ничего не нашёл.

— Но ты же храбрый.

— Ну и что ж? Рыбаков много.

Первая лодка достигла берега. Не доходя метров десять, она уронила парус, нос лодки приподнялся и со скрипом вылез на песок. За ней косяком подошли другие.

— Эй, Пако! — крикнули с первой лодки. — Сбегай к председателю, скажи: у нас много рыбы. Нужна машина — в город везти.

Пако вскочил, поднял ласты и трусцой побежал к домам.

Приближалась осень — время дождей и ураганов. В деревне становилось всё меньше жителей. Многие уезжали в город. Пора было в школу и Пако.

Машина туда отходила из соседнего посёлка, и до него надо было ещё добраться пешком.

Тёплым утром меня разбудил камешек, со щёлканьем покотившийся по оконным жалюзи.

Я вышел. На дороге перед домом стоял Пако. У ног его лежала туго набитая вещами и книгами сумка.

Я подошёл к нему.

Пако нагнулся, вытащил из сумки огромный зазубренный нож и протянул его мне.

— Вот,— сказал он, не улыбаясь,— возьмите. У вас маленький. А вам ещё надо плавать. Я уйду. Я покачал головой.

— Я тоже уеду, Пако. Сначала в Гавану. А потом улечу к себе в Советский Союз. Буду лететь — увижу сверху твою школу.

— Я буду стоять возле неё,— сказал Пако.— Я на всех переменах буду выходить и стоять около школы. В этом году у нас будет география, мы будем изучать вашу страну. Я буду хорошо учиться.

— Спрячь нож. Он тебе пригодится на следующий год. Ты ведь опять станешь плавать?

Пако кивнул и спрятал нож обратно в сумку.

— До свидания.

На дороге показался отец Пако — большой Франциско.

Он подошёл к нам, поздоровался и сказал:

— Пошли!

Мальчик поднял сумку и пошёл следом за отцом. Они шли гуськом, друг за другом, оба в одинаковых клетчатых рубашках и потёртых, выгоревших на солнце штанах.

— До свидания, Пако! — крикнул я.

Маленькая фигурка остановилась, Пако повернулся и помахал мне рукой. Он махал до тех пор, пока его отец не скрылся за поворотом. Тогда пустился догонять его.

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛОВ

ОХОТНИКИ ЗА КРОКОДИЛАМИ

В детстве я много читал про охотников за крокодилами.

В Бразилии крокодилов-жакарé ловят сетью. Охотники окружают животное в воде, захватывают его неводом и волокут на сушу.

В Африке на крокодилов ставят петли. Находят тропу, по которой они ходят через болото, вбивают колышки, привязывают к ним ловушку из веревок. Стоит крокодилу попасть в петлю хотя бы одной ногой — песня его спета.

На островах Индонезии ещё недавно на поимку крокодила выходили всей деревней. Строили в воде из кольев загородку и туда загоняли животное.

А во Флориде жил и такой охотник (фотографии его были напечатаны во всех журналах мира): он ловил крокодилов с вертолётa. Заметит в болотной

жиже зверя, прикажет пилоту снизиться, и когда до воды остаётся метра три — прыг крокодилу на спину. Дальше — кто проворнее, кто раньше успеет: или человек сжать крокодилу челюсти, или крокодил цапнуть человека...

Я даже придумал вопрос, который задам охотнику, если когда-нибудь в жизни встречу такого:

«Правда ли, что ваша работа — самая опасная в мире?»

ОНИ — В ГУАМЕ

И вот я на Кубе, в маленьком городке Тринидаде, где на каждом углу стоят врытые в землю дулами вниз пушки с захваченных много веков назад пиратских кораблей.

Я шёл по узенькой кривой улочке, а навстречу мне шагал с длинным, только что срубленным стволом пальмы на плече молодой весёлый негр.

— Скажите,— обратился я к нему через переводчика (негр мне сразу поправился),— здесь водятся крокодилы?

— Кокодрилос? — переспросил негр по-испански и заулыбался ещё шире.

Переводчик повторил вопрос.

Негр, не опуская длинного бревна, начал ему что-то толковать.

— Он говорит,— сказал наконец переводчик,— что крокодилов здесь нет, но они есть в болотах Гуамы. Туда надо ехать несколько часов на машине, а потом плыть на лодке. Там есть деревня на сваях — Гуама. Там крокодилов много.

Поблагодарив весёлого негра, мы отправились в путь.

Свежий ветер с моря свистел над островом, врывался в открытые окна автомобиля и напевал: «Гуама!»

Пересев из машины в лодку, мы к концу дня попали на место.

Гуама оказалась удивительной деревней.

Она не стояла на месте, а плыла по озеру: дома — на маленьких зелёных островках. Между ними — синие озёрные протоки.

Был вечер.

Оранжевое солнце садилось в воду.

По изогнутым, сплетённым из жердей мостикам нас отвели в одну из хижин.

Когда стемнело, я вышел на крыльцо. У самых ступенек журчала, плескала вода. Мимо проплыла, тараща на меня светящиеся зелёные глаза, огромная лягушка. Где-то вдалеке прокричало животное. Оно заревело, как бык, — натужно, низко.

Я вернулся в комнату, забрался под марлевый полог и уснул.

Ночь я спал беспокойно. Гудели над пологом москиты, под полом кто-то с уханьем плескался, неумолчно звенел лягушачий хор.

Рассвело, и я с удивлением обнаружил, что живу в хижине не один. Прямо против моей кровати прилепилась к стене, собранной из бамбуковых стволов, нежно-зелёная лягушка-квакша. Она сидела неподвижно и, не моргая, смотрела на меня. Потом покосилась вверх. Там, уцепившись тоненькими коготками за потолок, висела спиной вниз изумрудная ящерица. Она вертела головой и с любопытством смотрела на меня и на лягушку. Мы с лягушкой не шевелились.

Ящерица не выдержала. Она пробежала по потолку, юркнула под крышу и, прошуршав сухими пальмовыми листьями, исчезла.

Вторым ушёл я — надо было торопиться к крокодилам.

Квакша осталась дома.

Мы плыли в крокодилий заповедник, лодка скользила вдоль ровной стены тростников. Бурые кустистые водоросли проходили под днищем. Ломкая вода, уступая движению вёсел, дробилась.

В протоках огромного озера можно было заблудиться. Зелёное море тростника со всех сторон. Лишь кое-где на редких островках одинокие верхушки деревьев да шапки кустарников.

Болотные птицы, заунывно крича, предупреждали о нашем приближении птенцов. Голубые панцирные щуки, завидя лодку, стремглав исчезали в путанице коричневых корней.

ЗАПОВЕДНИК

Лодка ударилась о причал. На берегу какие-то домики, у воды проволочные загородки. Кое-где, от протоки к протоке, от озерца к озерцу, — мостки.

Я подошёл к одной загородке, перегнулся через неё и остолбенел... На берегу небольшого озера лежали, как брёвна, сотни крокодилов! Их было так много, что, если бы кто вздумал пройти между ними, некуда поставить ногу.

Загородка вокруг озера низкая, мне по пояс. К ограде приставлены две лесенки. Одна с нашей стороны, другая со стороны крокодилов. Перебраться по ней сообразительному животному легче лёгкого.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Не успели мы подойти, как один крокодил поднялся, посмотрел на нас, трусцой побежал к загородке, в полуметре остановился и щёлкнул челюстями. По спине у меня побежали мурашки.

Ужасная тварь стояла за металлической сеткой и,

выкатив стеклянные коричневые глаза, поскрипывала зубами.

— Как вы думаете...— осторожно спросил переводчик,— а может... такой... напасть на человека?

— Наверное, может.

Клыки у крокодила были жёлтые, каждый длиной с большой гвоздь.

НЕ ТЕ КРОКОДИЛЫ

Мы прожили в заповеднике трое суток. Бродили от загородки к загородке, от озера к озеру, часами просиживали у воды, пытаясь понять, как живут эти необычные существа.

Мы привыкли видеть в наших зоопарках крокодилов, которые похожи на причудливые немые камни.

Они сутками лежат без движения, прикрыв глаза и расставив лапы.

Электрические лампочки льют на них скудные струйки тепла.

Эти крокодилы в заповеднике были прогреты тропическим солнцем, подвижны и предприимчивы. Полежав на берегу, вскакивали и отправлялись на поиски добычи. Или плавали. Или гонялись друг за дружкой.

Если за маленьким крокодилом гнался большой, малыш то и дело оборачивался и огрызался.

И ещё — они оказались шумным народом. Крокодилы поменьше кричали, побольше — лаяли. Однажды огромный, похожий на плывущее бревно крокодил причалил к берегу, вылез до половины, осмотрелся — что-то на берегу ему не понравилось — и, подняв высоко морду, заревел.

Я вспомнил ночь в Гуаме. Так вот какой звук, возникнув в болоте, тогда долетел до нашей хижины: это ревел матёрый крокодил!

У крокодилов оказались совершенно разные характеры.

Были крокодилы-лежебоки. Эти проводили время, греясь на низком, покрытом болотной грязью берегу. Они ленились сползти в воду, даже когда становилось очень жарко, — лишь открывали, как собаки, огромные пасти и шумно дышали.

Были шустрые. Они носились взад-вперёд среди лежащих как колоды собратьев, разыскивая обглоданные кости. Стоило на другом конце озера плеснуть рыбе или проквакать лягушке — такой неуёмный крокодил тотчас бросался в воду и устремлялся за добычей.

Были храбрецы, и были трусы. Однажды у меня упал за ограду фотоаппарат. Крокодилы это заметили. Штук шесть тотчас подбежало к нему. Мы принесли шест и стали их отгонять. Огрызаясь, они отступали. Но два крокодила оказались храбрыми. Эти дружно вценились в палку.

Крак! — крепкий, в руку толщиной, шест переломился, как спичка...

Аппарат надо было спасать.

Обломками шеста мы стали отталкивать крокодилов.

Они ворчали, скалили зубы, но не отступали.

Тогда переводчик сбегал на кухню заповедника и принёс оттуда ящик рыбьих хвостов.

Мы вынесли его за ограду. Хрипя и толкая друг друга, крокодилы бросились за рыбой.

Я, как пушинка, перемахнул через забор, схватил аппарат и снова взлетел на ограду.

Занятые рыбьими хвостами, два храбреца не обратили на мои манёвры никакого внимания. Зато под самой лестницей, уставясь на меня, уже сидел другой — один из тех, кого мы прогнали палкой.

Я замахнулся на него аппаратом. Крокодил испуганно отвернул голову и пополз назад.

ДРАЧУНЫ

Были среди них настоящие забияки.

Лежит по грудь в воде большое сильное животное. В пасти здоровенная кость с обрывками коричневого мяса. Крокодил её грызёт. Погрызёт, подбросит вверх — клац! — поймал на лету и снова грызёт.

Вдруг, откуда ни возьмись, — второй, поменьше. Он долго лежал в стороне, наблюдал — и решился. Осторожно подкрался, высунулся из воды, усталился на кость. Лежат крокодилы морда к морде, смотрят друг на друга.

Большой, вероятно, думает: «Ну, куда ты, пигалица, лезешь? Захочу — хвостом, как плетью, перешибу!»

А маленький уставился на кость и прикидывает — как бы её стянуть половчее.

Выбрал момент, рванулся вперёд. И полетели во все стороны грязь, вода, куски тины! Хрипят крокодилы, ворчат, тянут кость каждый к себе. Большому бы отпустить её да тяпнуть обидчика зубами — кость жалко! Меньшему бы тоже отпустить да убираться восвояси, пока не попало, — характер не позволяет.

Пока дрались, сползли с мелководья на глубокое место. Поплыли, кость то у одного, то у другого. Рвут её каждый к себе, торопятся. До берега доплыли, вылезли, улеглись в грязи. Опять морда к морде, один за один конец кость держит, второй — за другой.

Уж до того устали — лежат бок о бок, похрюкивают, грызут кость. Тот, что побольше, видно, смирился: кость большая, хватит на двоих. А забияка доволен: не уступил силачу!

МАНХУАРИ И ВАСИЛИСК

Однажды, когда я сидел на перевёрнутом ящике около хижины, мимо меня к озеру пробежала ящерица. Сперва я принял её за кролика — коричневое проворное существо бежало на задних лапах. Не останавливаясь, ящерица влетела в озеро и помчалась, изо всех сил работая хвостом и колотя по воде задними лапами. Она добежала до маленького, поросшего тростником островка и скрылась.

Это была ящерица-василиск. Я сел в лодку и отправился за ней следом. Мне очень хотелось рассмотреть эту удивительную ящерицу. Однако, сколько я ни искал, на островке её уже не оказалось. Тогда я вернулся в лодку, поручил её слабому течению и стал всматриваться в воду.

Терпение вознаграждается. Я увидел панцирных щук манхуарí. Голубая, одетая в кольчугу из костяной брони рыба стояла около затопленного коричневого дерева. Когда тень от лодки упала на неё, она

шевелинула хвостом и нехотя поплыла прочь. Она двигалась, как облако,— доисторическая рыба, чудом сохранившаяся до наших дней.

Не успела она скрыться, как я заметил вторую, третью. Щуки плавали у самой поверхности, прямые лучи солнца освещали их, костяная голубоватая броня с жёлтыми желобками светилась.

Щуки плыли, вытянув узкие плоские морды, слегка изгибая хвосты.

ЯМА

В стороне от болотных протоков, где жили крокодилы, был небольшой прудик, почти яма. Я бы ни за что не подумал, что в таком маленьком водоёме может кто-нибудь прятаться. Но однажды, проходя мимо, заметил на берегу кучу гнилых корней и тины.

«Видно, понадобилась зачем-то яма,— подумал я.— Сторожа чистят, хотят пустить туда рыб или черепах».

И вдруг куча шевельнулась. Она двигалась, кто-то невидимый толкал её.

Я осторожно обошёл яму кругом. Упираясь кривыми ногами в грязь, около кучи возился крокодил. Видно, это он выбросил мусор из воды и теперь старался отодвинуть его подальше.

Получалось это у него плохо. Раздосадованный, он ударил по куче хвостом. Куски корней и лепёшки грязи полетели во все стороны.

«Ага, приводит в порядок свой дом,— решил я.— Яма — не озеро, за ней следить надо».

Крокодил меня не заметил: он был занят делом.

СКРЮЧЕННЫЙ КРОКОДИЛ

Около лесенки, которая вела внутрь загородки, всё время лежал согнутый, как буква «С», крокодил. У него, как видно, болела спина, и ему трудно было

двигаться. В воду он сходил редко и плавал там тоже не разгибаясь. Мы долго не могли понять, откуда у этого крокодила такая привязанность к месту у лесенки?

Однажды, когда он был в воде, привезли еду. Её привезли на лошади, запряжённой в телегу. У телеги были дутые резиновые шины, и она смогла подъехать по грязи к самой загородке.

Еда — тухлое мясо с костями — была унакована в кое-как сбитые ящики. Возница брал ящик, отдирав крышку и, поднявшись на лесенку, вываливал мясо через забор.

Едва на дороге появилась лошадь, среди крокодилов произошло движение. Все повернулись мордами к забору и стали прислушиваться. Даже самые сонные и вялые насторожились. Шины зашуршали по траве — поток крокодилов хлынул к забору. Когда первые куски мяса полетели через ограду, внизу всё смешалось. Крокодилы урчали, крикали, вырывали друг у друга куски. Самые проворные, схватив кость, выбирались из кучи, отбегали в сторону и там начинали глотать добычу.

Возница открывал ящик за ящиком и швырял мясо в разные стороны так, чтобы досталось всем.

В это время я заметил скрюченного крокодила. Он выбрался из воды и, волоча своё неуклюжее тело, спешил к месту свалки. Увидев его, возница швырнул кость. Она упала, не долетев шага два. Быстрый молодой крокодил схватил кость и рысью побежал прочь.

Опустошив положенное число ящиков, возница взобрался на телегу, дёрнул вожжи, и повозка бесшумно покатила. Лошадь шла вдоль самой ограды, не обращая внимания на дерущихся животных, осторожно ставя ноги в лужи и прядая ушами.

В этот день, наблюдая жестокую схватку возле лесенки, я понял, почему так упорно держался около неё больной крокодил — в борьбе за кусок он должен быть первым.

И ещё я подумал: может быть, тот крокодил, что бросился ко мне в первый день, был вовсе не самым хищным и вовсе не собирался нападать на меня? Может, он был просто голоден и решил, что я пришёл его покормить?

И вообще, подумал я, может быть, крокодилы не так уж и страшны?

КАК ЛОВЯТ КРОКОДИЛОВ

Я сидел около ограды и размышлял над этим, когда увидел, что ко мне бежит переводчик.

— Идите скорее! — закричал он. — Я такого человека встретил, такого!.. Да бросьте вы своих крокодилов, идёте, пока он не ушёл.

Мы побежали к причалу.

Там стоял смуглый молодой парень в сапогах, в огромной соломенной шляпе. За голенищем у него торчал здоровенный нож.

— Знакомьтесь, — сказал переводчик. — Эрнандо — охотник за крокодилами.

Вот так раз!

— Спросите, — выпалил я, — правда, что его профессия — самая опасная в мире?

Переводчик спросил. Эрнандо так и вытаращил на меня глаза.

Он стоял, широко расставив ноги, и вертел в пальцах шнурок от ножа.

— Он не понимает вашего вопроса, — объяснил переводчик. — Он говорит, что самая опасная в мире профессия — это врач. Его брат работает в заразных бараках.

Я вздохнул.

— Ну, пускай тогда он расскажет, как ловят крокодилов.

Эрнандо быстро заговорил. Переводчик едва за ним поспевал.

— Их в заповеднике несколько человек. Он говорит, что они по очереди отправляются в болота и

ищут места, где самки крокодилов кладут яйца. Прежде чем отложить яйца, крокодилиха роет ямку, а потом забрасывает её прелыми листьями и ветвями. Оттого что листья гниют, в ямке всегда тепло. Найдя такую кучу, Эрнандо разрывает её, собирает яйца в сумку и приносит сюда, в заповедник. Здесь крокодилы яйца помещают в инкубатор, и из них вылупляются крокодилята. Крокодилят выращивают и выпускают в загоны к большим животным. У крокодилов очень дорогая кожа. Ради неё их и разводят.

— А как же ловля сетями? Как же петли? Как вертолёт? — растерянно спросил я.

— Не нужны. Проще всего крокодилов ловить именно так.

— А нож? Зачем ему нож?

— Нож ему нужен, чтобы прорубать дорогу в тростнике. Эрнандо спрашивает, не хотим ли мы посмотреть, как живут маленькие крокодилята?

КРОКОДИЛЯТА

Длинные, закрытые частой сеткой вольеры.

Эрнандо подвёл нас к одному, снял замок и распахнул дверь. Внутри узкого, с проточной водой посередине вольера произошло какое-то движение. Сперва я даже не понял, что случилось. Просто шевельнулся и подвинулся в сторону воды чёрный волнистый пол.

Затем я присмотрелся и даже присвистнул от удивления. Пол был покрыт сплошной шевелящейся массой маленьких крокодильчиков. Каждый длиной чуть больше авторучки. При виде нас они дружно кинулись к воде. Самые проворные успели прыгнуть и притаиться на дне.

Один крокодилёнок отстал. Он замер, прижавшись пузечком к песку, подняв вверх острую мордочку и насторожённо глядя на нас. Губы бантиком... Выпуклые бисерные глазки... Крокодилёнок с минуту смотрел на Эрнандо, который возился с дверью, потом

перевёл взгляд на мои ботинки. Должно быть, он принял их за живые существа (я переминался с ноги на ногу). Крокодилёнок вздрогнул и стремглав бросился догонять товарищей. Не рассчитав, он промчался по их спинам и — шлёп! — плюхнулся в воду.

Мы вышли из вольера. Эрнандо запер его.

В соседних сидели крокодилята побольше.

— Здесь — двухмесячные... Здесь — четырёхмесячные... — объяснял он. — Больших нельзя держать вместе с маленькими — маленькие останутся голодными. И в озеро пускать нельзя — съедят.

Я вспомнил, как зубастые папаши этих крокодилят рвут на куски жилистое мясо.

Конечно, пускай подрастут, пускай сперва сами станут зубастыми.

ПРОЩАЙ, ЭРНАНДО!

В день отъезда мы в последний раз отправились побродить по заповеднику.

Около озера стояла знакомая повозка. Лошадь, опустив морду, щипала хрусткую траву. Возница перетаскивал к загородке ящики. В стороне над забором качалась шляпа Эрнандо.

Охотник сидел внутри загородки на стволе упавшего дерева. Это было когда-то большое, могучее дерево. Теперь оно лежало, подняв кверху короткие чёрные корни. Ствол измазан болотной грязью.

Я подошёл к Эрнандо. Он пел. В руке у него была палка, распевая, он то и дело ударял ею по стволу.

— А-ра-ра-раа!.. — пел Эрнандо.

Стук! Стук! Стук! — стучала палка.

И тут болотная жижа у ног Эрнандо шевельнулась, большой скрюченный крокодил неуклюже, боком вылез на берег и уставился на человека.

Эрнандо слез с дерева, подошёл к загородке, вытащил из травы припрятанную бычью кость. Он бросил её крокодилу, и тот стал жадно кусать, как собака,

приподнимаясь на передних лапах и ударяя костью о землю.

— Эрнандо, не уходи, подожди минутку! — попросил я и бросился за переводчиком.

Вот какую историю рассказал нам охотник.

Это был самый быстрый и самый ловкий из всех крокодилов Гуамы. Ему ничего не стоило переплыть четыре раза в день лагуну, если на другом берегу кричали цапли или плескалась рыба. Когда привозили кости, он успевал захватить самый большой кусок. В драке ему не было равных.

Но однажды крокодил заболел. Надо сказать, что крокодилы болеют так же, как люди. У них бывает воспаление лёгких, резь в желудке и даже больное сердце. У этого крокодила болезнь поразила позвоночник. Она изогнула его кости. Животное не могло теперь быстро плавать и драться. Маленькие крокодилы стали вырывать у него изо рта мясо. Он превратился в пожирателя слизняков и дохлых рыб.

И вот тогда-то Эрнандо впервые принёс ему еду. Чтобы другие крокодилы не могли отнять её, он приучил больного приплывать на стук.

— Бедный кокодрило! Порой ему кажется, что он по-прежнему ловок и силен, он вступает в драку и каждый раз получает затрещины. Если ему ещё сломают и челюсть, он погибнет, — закончил Эрнандо свой рассказ.

С дороги уже доносились гудки автомобиля.

— Прощай, Эрнандо! — сказал я.

Мы протянули друг другу руки. Эрнандо стоял по ту сторону загородки, я по эту. Около его ног замер, опустив морду и полузакрыв глаза, больной крокодил.

Рука охотника была жёсткая, с узловатыми пальцами.

— Про-чай-те! — сказал он и засмеялся. Он первый раз в жизни говорил не по-испански. У него были весёлые, добрые глаза — у этого охотника за крокодилами.

ПТИЧНИЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ МАДРАСА

МАНГУСТА И КОБРЫ

Над низкими грязноватыми домами плавал бензиновый дым. Над этим сиреневым облаком, как вершины ледяных гор, вздымались стеклянные башни небоскрёбов. Пёстрые рекламы кричали о товарах, которые необходимо продать. Вдоль тротуаров рядами сидели нищие.

Бомбей гремел и стучал, визжал автомобильными тормозами, стонал сиренами электропоездов.

По улице нёсся поток автомобилей, текла разноязычная, пёстрая толпа.

Спасаясь от бензина и жары, мы зашли в маленький скверик. Здесь была тишина и была тень. Под развесистым, многоствольным баньяном стояла толпа. Люди стояли молча, кольцом и чего-то ждали.

В центре сидел, поджав ноги, смуглый человек в серой чалме. В руке он держал длинную дудку с медным наконечником. Перед музыкантом стояли две плоские, плетёные, закрытые круглыми крышками корзины. Рядом смуглый мальчишка держал на поводке зверька величиной с кошку, с острой хищной мордочкой и подвижными жёлтыми глазами — мангусту.

Не отпуская её с поводка, мальчик обошёл толпу. В руке он держал деревянную чашечку. Застучали монеты. Я бросил синюю хрустящую бумажку. Мальчишка радостно заулыбался.

Началось представление. Мужчина резким движением сбросил крышку с одной из корзин. Оттуда взвилась как пружина, закачалась на хвосте большая коричневая змея.

Мужчина направил на неё дудку, змея отпрянула, на шее раздулась плоская, украшенная тёмным иероглифом кожная складка — капюшон. Секунда — и очковая змея выскользнула из корзинки. Она очутилась на заранее расстеленном грязном коврике, свернулась ещё для одного броска, но в этот момент мужчина заиграл.

Он свистел, наклоняясь к самой змее. Жёлтый наконечник раскачивался над головой у кобры, и огромная гадина, глядя в упор на сверкающую медь, тоже стала раскачиваться. Кобра поднималась, когда поднималась дудка, и сворачивалась, опускалась, когда дудка шла вниз. Мужчина описал дудкой круг, и змея послушно повторила его движение.

У меня вспотели руки. Что же я делаю? Почему стою неподвижно? Немедленно снимать! Я пробился в первый ряд — люди вежливо уступили место, — поднёс аппарат к глазам, поймал в окошечко видеоискателя извивающееся тело змеи и нажал спуск. Снимок... ещё... ещё...

Внезапно факир опустил дудку. Быстрым движением он схватил змею поперёк тела, швырнул её в корзинку и захлопнул крышку.

Теперь вперёд вышел мальчик с мангустой. Мужчина снял крышку со второй корзинки. Оттуда ещё более стремительно вылетела вторая кобра. Извиваясь, она ползла к толпе. Но к ней уже спешил мальчик. Мангуста тянула его, едва не обрывая поводок. Она налетела на кобру, сбила её в пыль, перевернула и мёртвой хваткой вцепилась в горло.

Всё было кончено. Мальчик пошёл по кругу, таща за собой упирающегося зверька. Возбуждённая мангуста скалила зубы и смотрела на нас безумными глазами.

Толпа радостно гудела, в чашечку снова посыпались монеты. В той же руке, которой мальчишка держал поводок, он нёс змею (голова её была в крови).

Он показывал её всем — убедитесь, как чисто сделано!

Ошеломлённый, я выбрался из толпы.

Тишина лопнула с тихим звоном. Шум большого города снова обрушился на нас.

«КНИГА ДЖУНГЛЕЙ»

Индия приходит в нашу жизнь «Книгой джунглей». На первой её странице — портрет автора. Небольшого роста, сумрачный, с коротко подстриженными усами офицер английской колониальной армии. Редьярд Киплинг. Он первый рассказал мне о громадной, покрытой непроходимыми лесами стране у экватора. Населил эту страну животными, которые, как люди, умели разговаривать, любить и ненавидеть. Поведал о мальчике, которого вскормили волки.

Маугли...

Машина мчит по равнине, по красноватой земле, нарезанной на одинаковые крошечные дольки. Никаких лесов вокруг — их давно уже нет. Полуголые крестьяне понукают белых быков с тонкими рогами,

выкрашенными в красный и голубой цвет. Быки волочат крошечные плуги.

Ослепительное солнце плавит асфальт шоссе. Куруется красным дымком борозда под лемехом. Жаром несёт от крыши и дверей автомобиля. Встречный ветер, врываясь в кабину, обжигает лицо.

Красная пыль ложится на газетные листы. Я перебираю вырезки. Их я сделал ещё в Ленинграде. Это свидетельства очевидцев: встречи с новым Маугли. Звери до сих пор воспитывают человеческих детей. Журналист видел в индийской деревне двух девочек восьми и двенадцати лет. Их нашли в джунглях. Обе не умели говорить и ходили на четвереньках. Младшая умерла, осталась старшая. С фотографии смотрит детское испуганное лицо. Всклопоченные, никогда не знавшие гребня волосы. Снимок сделан сверху — девочка стоит на полу по-звериному, на четвереньках.

Автомобиль летит мимо бесконечных полей и селений. Одна деревня, не кончаясь, переходит в другую.

Проезжаем небольшой городок. Густая толпа медленно течёт по улице. Она течёт мимо лавок, набитых дешёвыми тканями, овощами, медной и глиняной посудой. Мимо лотков с жареными зёрнами риса и кукурузы. Гремит музыка, над жаровнями вьётся дым. Кончается какой-то религиозный праздник, а на смену ему уже идут выборы. На стенах развешаны плакаты с эмблемами партий — корова, серп... На дорогу выкатывают пустые металлические бочки. Они ярко раскрашены — белые, зелёные, красные полосы. На полосах причудливые надписи — призывы голосовать. Бочки, смеясь, катят молодые ребята — работа им нравится.

Улица, запруженная народом, бежит мимо нас.

От порта Мадрас на север и на юг — пляжи золотого песка. Ровный зюйд-ост гонит на них рядами океанские молочно-голубые волны. Вода тут неимоверной солёности, она обжигает рот и слепит глаза.

Несколько дней я пытался, плавая и ныряя, найти на дне раковины — я собираю их — и отчаялся. Вода была непрозрачной: прибой перемешал её с песком.

Так я пришёл к самой простой мысли: купить раковины — и отправился вечером на пляж.

Длинная цепочка торговцев тянулась от городских домов до самой воды. Заходило солнце. Оно опускалось на плоские крыши домов. Жёлтые несильные его лучи вяло светились на деревянных статуэтках, резных роговых гребнях, медных бусах, стеклянных браслетах. Тут же в жаровнях разогревали приправленный красным перцем рис, жарили кусочки бананов, кипятили чай.

Красные блики огня играли на выпуклых боках раковин. Раковины были уложены рядами: белые ногастые «пауки», вывороченные алые «бычьи губы», пятнистые чёрные и коричневые каури.

Я уже начал было копаться в них, когда увидел в сторонке, на самом краю подстилки, несколько конусов.

Конус — скромная раковина. Она никогда не бывает большой, похожа на фунтик, который сворачивают из газет продавцы семечек. Окраска её тоже не бросакая: на белом фарфоровом бочке коричневые или жёлтые пятнышки. Но эта скромность кажущаяся. Именно к конусам относится играющая всеми цветами радуги самая редкая на земле раковина «слава моря». (Рассказывают, что, когда таких раковин было известно всего пять, безумец, в коллекции которого оказалось две, разбил одну, чтобы сделать оставшуюся ещё более редкой.)

Раковины, которые я заметил, были матерчатыми, или, как их ещё называют, текстильными, конусами. Пёстрая их поверхность покрыта тонкой сеткой, мелкие, словно нанесённые гравёром, желобки, пересекаясь, создают впечатление, что раковина одета в матерчатый чехол. Они шершавы на ощупь, просты на вид, но рисунки их никогда не повторяются.

— Сколько просишь? — обратился я к темнолицему продавцу.

Тот назвал цену.

Я полез было в карман, как вдруг от толпы отделился человек в европейском костюме, в тёмных очках и, подойдя, сказал:

— Вы, очевидно, давно собираете раковины?

— Да. Но... Как вы это узнали?

— Вы не обратили внимания на самые пёстрые и дорогие.

Действительно, в центре подстилки лежали два великолепных, с человеческую голову величиной, перламутровых, зеленовато-голубых «тюрбана».

— И ещё — вы приехали с севера?

— Да.

— Этот продавец спекулянт. Утром с моря возвращаются рыбаки. Они ловят у Тутикорина, на юге. У них вы купите действительно хорошие раковины. Приходите к семи тридцати. В восемь начнётся отлив.

Я был удивлён и, пытаясь поддержать разговор, спросил (далеко не каждый знает время начала прилива):

— Вы моряк?

— Почтовый чиновник. Всего хорошего!

Он церемонно поклонился. На нём, повторяю, были чёрные очки (они удивили меня — ведь темно, вечер!), белый европейский костюм и, несмотря на жару, галстук.

Через несколько дней мы должны были ехать в заповедник Ведантангáл, где, если верить книгам, на озёрах и болотах живут тысячи птиц. Но ехать одному, без сопровождающего, не хотелось: можно пройти в двух километрах от гнездовья розовых фламинго, не найти мест, где охотятся пеликаны,— словом, ничего не увидеть.

— Короче говоря, вам нужен «птичий» человек,— сказали мои собеседники-индийцы.

Они сказали так, чтобы не составлять по-английски длинное выражение: «Человек, который хорошо знает повадки и места обитания здешних птиц».

— Именно, птичий.

— Постараемся найти.

Вечером радостный голос сообщил по телефону, что птичий человек найден.

Однако в ответ на просьбу поехать со мной в Ведантангал этот человек рассмеялся и сказал, что там нет сейчас никаких пеликанов и фламинго, нет вообще никаких птиц, потому что сейчас лето и все местные птицы давно уже улетели на север, в страну, откуда я приехал, в Сибирь и Казахстан, строить гнёзда и выводить птенцов. Он сказал, что лучшее, что он может предложить,— это сопровождать меня в маленький заповедник за городом, где по крайней мере есть попугаи.

Я мысленно выругал себя: «Ведь надо же: плавал на Каспий, видел летом, как тянутся на север через море стаи, прилетевшие из Индии и Африки, видел гнездовья в бухтах, на островах и не сообразил...»

Мистер Буч просил заехать за ним в шесть часов.

Птичий человек стал реальностью — у него появилось имя.

Пустыми, не проснувшимися ещё улицами автомобиль выехал на набережную, свернул к посёлку на самом берегу океана и остановился около маленького двухэтажного домика.

На звук мотора открылась одна из дверей, оттуда вышел человек. Он был в белом костюме, при галстукe, в чёрных очках.

Мой знакомый с пляжа!

— Входите! — сказал он, не подав вида, что тоже удивлён. — Мне нужно переодеться.

В низенькой пустоватой комнате меня встретили насторожённым молчанием двое курчавых, шоколадного цвета детей. На стене висело рулевое колесо.

Вошёл хозяин. На нём теперь были обтрёпанные, но хорошо защищающие ногу туфли, залатанные, из плотной материи брюки, такая же куртка. На голове — выцветшая от дождей и солнца панама. В руках фотоаппарат и бинокль.

— Я готов, — сказал почтовый чиновник мистер Буч.

«И всё-таки он был когда-то моряком».

— А знаете, — сказал я, — раковины я тогда купил именно утром.

В ЛЕСУ

Казуарины с длинной, тусклой, словно пыльной, хвоей, пальмы с высоко поднятыми к небу метёлками листьев, дикие низкорослые тамаринды, колючий непроходимый кустарник, редкая жёсткая низкая трава — таким оказался заповедный мадрасский лес.

Мы углубились в его заросли.

Странное зрелище: лес, зажатый между городом и океаном, на узкой полосе прибрежных песков, ограж-

дѣнный проволокой и шлагбаумами, с дикими животными, которые с трёх сторон видят крыши городских домов.

Что-то хрустнуло впереди, за кустами мелькнула коричневая спина. Кто-то, сбивая на бегу сухие ветки, метнулся прочь. Что-то прошуршало в траве...

Ноги вязли в песке. Запела и испуганно замолчала птица.

Что-то снова прошелестело в кустах. Метровая ящерица выскочила на открытое место, оглянулась и, вместо того чтобы скрыться, бросилась к дереву.

Вскарабкавшись на него, ящерица замерла. Она позволила подойти почти вплотную и с трёх шагов сделать снимок. У неё была великолепная, украшенная зубчатым гребнем голова и могучие, с острыми когтями лапы. Она была похожа на сказочного дракона.

Когда щёлкнул аппарат, ящерица сделала ещё несколько шагов вверх по стволу и вдруг осторожно, волоча по ветке хвост, стала к кому-то подкрадываться.

Из листьев, пискнув, выпала пѣстрая, с красным надхвостьем пичужка. Падая, она расправила крылья и улетела, испуганно крича.

Утомлѣнный жарой (солнце всходило стремительно и так же стремительно накапливался в воздухе зной), я присел под деревом, притаился и стал ждать.

А что, если даже в этом, полупустом, легко доступном для людей лесу повезѣт?

СЛОМАННАЯ ПАЛЬМА

Прямо передо мной торчал мѣртвый ствол. Тропический ураган сломал пальму, и ствол её теперь заканчивался обрубком. Кора на стволе была серого, бетонного цвета, ровная, без единой морщинки. По

ней, вероятно, не сможет взобраться на верхушку дерева ни одно животное.

Я сидел, нет-нет да поглядывая на ствол, как вдруг на самой вершине его что-то шевельнулось. Мелькнуло зелёное перо. Показался кончик хвоста. Какая-то птица возилась на сломанной пальме. Наконец вспыхнуло яркое зелёное пятно, развернулись два крыла, завертелась крутолобая, с толстым крючковатым клювом голова — на вершине сидел зелёный красавец попугай.

Он посмотрел вниз, прикинул, что блестящая штука со стеклянным глазом в руках у меня не опасна, потом посмотрел так же внимательно направо и налево, расправил крылья и не торопясь перелетел на соседнее дерево.

Над моей головой послышался шорох. Сверху спускалась ящерица. Она задела хвостом моё плечо — я сидел совершенно неподвижно, — прошла по песку, прошуршала в траве и исчезла.

Попугай уже летел обратно. В клюве он нёс тон-

кую, гибкую веточку. Птица мастерила гнездо! Верхушка сломанной пальмы была её квартирой.

Зелёный красавец приладил ветку, снова посмотрел на меня, затем направо, налево. Он смотрел так пристально, что я понял: я тут не один.

Осторожно привстал. Слева от меня в кустах стоял коричневый, с россыпью белых пятнышек на спине олень. Наши глаза встретились, олень подпрыгнул, повернулся в воздухе и умчался, с треском ломая кусты.

Лёгкий стук копыт погас.

И тогда справа от меня из кустов поднялась цветущая панама. Блеснул выпуклый стеклянный глаз бинокля. Мистер Буч сделал знак рукой: «Идёмте!»

— На этом дереве попугаи гнездятся уже шестой год подряд, — сказал он. — Я каждую неделю прихожу сюда и наблюдаю... Сейчас вы увидите оленей.

МИФЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Мы шли лесом. Я спрашивал. Буч отвечал, и для меня умирали мифы. Великолепные мифы об Индии.

Буч сказал, что, кроме предгорий, в ней не осталось места для лесов и вообще для дикой природы. Всё заняли поля и селения.

— Нас шестьсот пятьдесят миллионов, — говорил он. — Это океан, под волнами которого исчезли джунгли и пустыни. А ведь мы ещё не промышленная страна, наши реки ещё не отравлены, а земля не заражена. Нельзя сказать, что мы не любим и не ценим живое. Наоборот. Вы могли видеть на дорогах людей, рты которых закрыты повязками из марли. Это джайны. Они верят, что ничто живое не должно быть убито. Они закрывают рты, чтобы не вдохнуть мошку или комара. Мы всегда гордились своими дрессиро-

ванными слонами, а тигров убивали лишь тогда, когда они становились людоедами.

— Зато звери и сейчас платят добром за добро народу Индии. Только в вашей стране есть до сих пор случаи, когда звери воспитывают детей.

Мистер Буч рассмеялся.

— Редьярд Киплинг великий писатель, — сказал он. — Мои дети любят его. Но Маугли не существовал никогда. Я почтовый работник, но всю жизнь посвятил изучению птиц и зверей. Все заблудившиеся в джунглях были съедены. Никогда волки не вскормили ни одного потерянного матерью оленёнка или детёныша обезьяны. Что говорить о человеке? Маугли — это прекрасная сказка.

— Но я видел в газете фотографии...

— Я видел их тоже. Мало того, видел, как журналист сфотографировал в деревне мальчика. Мальчик не умел говорить и ходил на четвереньках. В наших деревнях раньше рождалось много больных детей. Для Индии время перемен только наступило.

— Значит, Маугли нет... — Новая мысль неожиданно пришла мне в голову. Я вспомнил Бомбей. — А укротители змей? И это миф?

— И это... — Мой собеседник говорил почти печально. — Индия полна чудес, но факиры к ним не относятся. У змей, которых вы видите на улицах, вырваны ядовитые зубы. И даже сражение, которое факиры показывают, не настоящее. Это не битва мангусты с коброй.

— Вот это вы уже напрасно! Я видел такое сражение сам.

— Да, но в суматохе вы не рассмотрели хорошенько вторую змею. Её выпустили из другой корзины?

— Да...

— Во второй корзинке обычно сидит рат-снейк, крысиная змея. Она меньше кобры, хотя похожа на неё по цвету. Только она не ядовита, и у неё нет капюшона. Крысиных змей много, и они дешёвы.

Впрочем, за хорошие деньги мангусте дадут расправиться и с коброй. Особенно если змея стара и её уже пора менять. Это очень эффектное зрелище. Ведь мангуста не знает, что кобра без зубов, и поэтому дерётся очень осторожно, по всем правилам.

— Не знаю, что и сказать... Вы меня ошеломили.

— Что делать...

Мы стояли на плоском невысоком холме. Осторожно раздвинув кусты, Буч зна́ком пригласил меня посмотреть вниз. В неглубоком распадке, около запруды, разлился ручей. У коричневой лужи стояли на скользкой глине два хрупких олени и, опустив головы, жадно пили. Время от времени то один, то другой пугливо осматривались.

— Не спугните. Олени боятся людей. Они не боятся автомашин.

Послышалось лёгкое урчание мотора. В распадок по грунтовой дороге въехала наша машина. Шофёр осторожно провёл её мимо лужи, олени внимательно посмотрели на неё, но от воды не ушли.

— Мне пора ехать. Ведь я всего лишь почтовый чиновник! Извините,— сказал мистер Буч.— Довезите, пожалуйста, меня до конторы.

РАТ-СНЕЙК

В тридцати милях южнее Мадраса, на берегу океана, в местечке Махалибапурам стоят вырубленные из целого камня низкие, почерневшие храмы. Причудливые каменные фигуры слонов и многорукие боги украшают их стены. Внутри храмов полумрак, курятся тусклые свечи, едва слышно шелестят шаги. Богомольцы, молитвенно сложив руки, что-то шепчут, обращаясь к каменным изваяниям.

В храмах прохладно, и, когда выходишь наружу, раскалённый, стекающий с обожжённых полуденным солнцем крыш воздух обрушивается на тебя, как кипяток.

Я торопился к машине, как вдруг увидел в тени около стены две знакомые плоские корзины.

Укротитель с дудкой сидел рядом. Поодаль отдыхал, привалясь спиной к каменной стене, мальчишка со зверьком на потёртом пеньковом шнурке.

Словно кто-то перенёс и корзины, и мужчину с дудкой, и мальчика с мангустой сюда, за тысячи километров от Бомбея, и вновь поставил их на моём пути.

Первым заметил меня мальчик, он крикнул что-то отцу, тот наклонился к корзине и, делая широкие жесты, пригласил подойти поближе.

— Драка мангусты с коброй! — нараспев объявил он.

Я подошёл. Палящее солнце делало всё окружающее неправдоподобным: слишком яркие краски, слишком чёрные тени. Ослепительный песок, которым посыпана площадь перед храмом. Звон крови в ушах и щёлканье пальмовых листьев над головой...

Мужчина взял у меня деньги — больше желающих посмотреть представление не нашлось — и снял с первой корзины крышку. И снова оттуда поднялась и стала на хвост огромная коричневая змея. Снова раздула капюшон с очками и, раскачиваясь, стала следить за движениями дудки.

Когда кобра, как решил мужчина, потанцевала вполне достаточно, он опустил дудку и, схватив змею, небрежно сунул её в корзину. Он сделал это недостаточно проворно и плохо закрыл крышку. Крышка слетела, и змея устремилась прямо ко мне. Она ползла, не замышляя ничего плохого, а я, помня о вырванных зубах, стоял на одном колене и продолжал снимать. В окошке видеоискателя то показывалась, то исчезала голова с раздутым капюшоном. Потом змея исчезла — факир, схватив кобру за хвост, вновь водворил её в корзинку. Забыв о том, что надо изображать осторожность, он просто взял её в руки и, затолкав в корзину, прижал крышкой.

Тогда вперёд вышел мальчик. И снова была сброшена крышка со второй корзины, снова оттуда пулей вылетела серо-коричневая змея. Мангуста бросилась на неё. Я подошёл слишком близко, они покатались мне под ноги. Мангуста с первого же удара прокусила змею затылок, и всё было кончено.

Мальчик поднял змею и протянул её мне. Это действительно была не кобра, а рат-снейк. Мангуста царапала коготками песок и рвалась к удушенной змее. Та висела плетью.

— Хорошая работа! — сказал я мальчику.

Я сказал это совершенно серьёзно. И он, и его острозубый зверёк сделали то, что нужно было сделать. Быстро и точно.

От зноя кружилась голова. Каменные божества слепыми глазами смотрели на пыльную раскалённую землю.

Я вспомнил слова Буча: «Маугли — это прекрасная сказка».

«И змеи. Змеи Индии — тоже», — подумал я.

МОРЯК ИЗ КОРАБЫ

Эту историю мне рассказал мистер Буч — работник мадрасской почты.

...Капитан Каушик стоял около трапа, по которому только что сошли с катера пассажиры, и терпеливо слушал, что говорит ему чиновник пароходной компании.

— Мы не для того доверили вам судно, чтобы вы бесплатно перевозили на нём разных оборванцев, — говорил чиновник.

Он был в наглухо застёгнутом мундирчике, стоячий воротничок врезался в шею. Чиновнику было жарко и душно, но порядок есть порядок, и он продолжал выговаривать капитану.

Зелёная океанская вода в гавани медленно поднималась и опускалась. За молом с глухим пушечным грохотом разбивались волны. Привязанный к причалу катер шевелился.

«Он совсем как живой, ему тоже скучно слушать правоучения», — подумал Каушик.

Капитан родился на самом юге Индии, в штате Кералá. Там жарко и влажно, каждые четыре месяца зреют кукуруза и соя, а дерево гевéя, если надрезать её кору, круглый год даёт белый тягучий резиновый сок.

Каушик жил в деревне с отцом и матерью и помогал им на маленьком поле, на клочке коричневой земли, как губка, пропитанной влагой. А потом, когда отец и мать неожиданно один за другим умерли, староста деревни отвёз его в город Кочín, сказав, что везёт к дяде.

Кочин разбросан по берегам узких протоков. Они образуют здесь лабиринт, по которому день и ночь идут пароходы, а рано утром, подняв треугольные паруса, скользят к выходу рыбацьи лодки.

У воды стоят крытые железом склады. Пароходы подходят к ним, и смуглые полуголые люди вереницей переносят на берег мешки с рисовыми и кукурузными зёрнами или липкие, пронзительно пахнущие светло-коричневые пачки табачных листьев.

Выше тянутся узкие улочки с глиняными белёными домами. В окнах нет стёкол, а двери всегда открыты настежь. Тут ютится бедный люд: носильщики, мужчины-прачки, рабочие маленьких фабрик. Ещё выше — асфальт, каменные дома, скрытые в зелени ухоженных садиков. Здесь цветут по весне маки, а над ними полыхает оранжевым и красным огненное «дерево Будды».

Дядя был больной, злой человек. Его мучило ожирение, он кряхтя ковылял по складу, ругал рабочих, которые в беспорядке сваливали мешки, и конторщика, который медленно считал их и записывал в книгу. Дядя часто доставал из кармана стеклянный пузырёк и, отсыпав на ладонь маленькие белые шарики, глотал их.

Он не любил объяснять мальчику, как пройти по

городу и как найти нужного человека, какую надо купить в лавке бумагу для счетов и накладных. Каушик целый день бегал по раскалённым улицам, а возвращаясь, всякий раз боялся, что дядя набросится на него с попреками или даже поколотит.

Скоро он понял, что если переезжать через лагуну, а не обходить её по берегу, то путь сократится в несколько раз, и тогда в жизнь его вошёл новый страх — страх перед капитанами и матросами паромов. Войдя с толпой переезжающих, он прятался в трюм между мешками и сидел там, слушая, как мешаются удары его испуганного сердца с ударами судового двигателя. Ждал, когда двигатель замолкнет, раздастся гортанная команда и причальные канаты упадут на землю.

...Каушик сидел на камне около дверей склада, когда его окликнул конторщик:

— Дядя зовёт, скорей, парень!

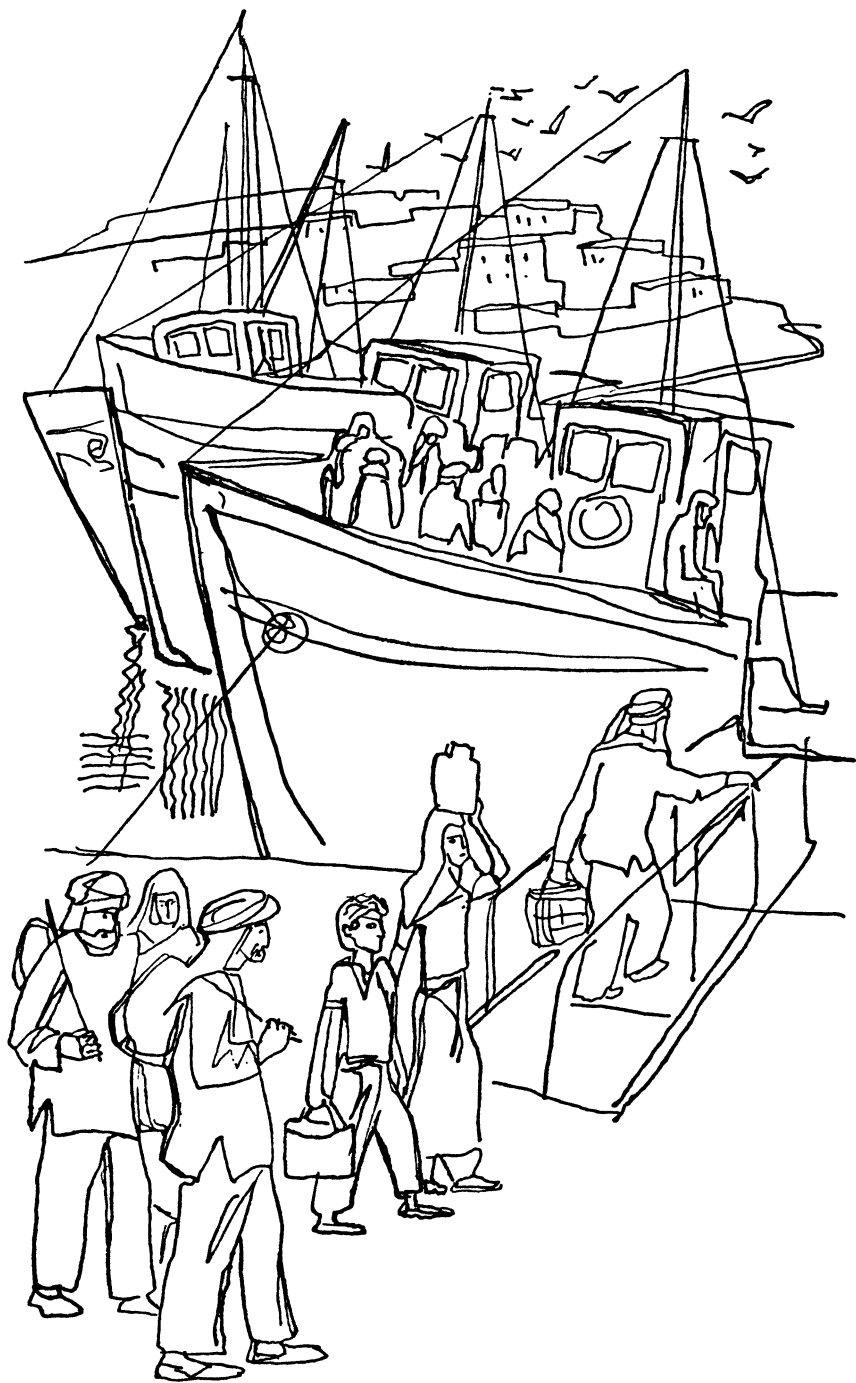
— Прохлаждаешься на улице, лучше бы подмёл около ворот. И зачем только я согласился взять тебя? — забормотал дядя. Он был в плохом настроении и даже ущипнул мальчика за ухо. — Ступай, бездельник, на центральную почту, отправишь это письмо в Бомбей. Да смотри, чтобы тебе правильно выписали квитанцию, письмо должно стоить сорок пять пайса. Вот деньги!

И он отсчитал ему — монетка в монетку.

На пути в город Каушику повезло: он попал на большой паром, на котором перевозили автомобили, нашёл два грузовика, которые стояли так тесно, что между ними не мог протиснуться человек, залез под машину, лёг там около высокого, пахнущего резиной и бензином колеса и просидел всю дорогу.

За пакет с него взяли ровно сорок пять пайса, и назад он шёл без гроша. Когда подошёл к берегу, отчаливал катер. Мальчик, не долго думая, прошмыгнул на него мимо матроса, который собирал у сходни плату за провоз.

На корме лежали два туго набитых мешка, и

Каушик, свернувшись, как хвост спящей мангусты, лёг за ними. Стучал где-то в середине катера мотор, шелестела, вылетая из-под винта, вода. Мальчик задремал.

Проснулся он оттого, что кто-то дёргал его за ногу.

— Эй, это ты мне не платил? Думаешь, я не приметил тебя? — Над самым его ухом кричал матрос, который собирал плату. — Вылезай, идём к капитану!

Он вытащил Каушика из-за мешков и повёл к мостику, на котором стоял около руля и машинного телеграфа пожилой морщинистый человек в рубашке на голое тело и в смятой морской фуражке.

— Кто ты такой? — спросил капитан, рассматривая мальчишку. Тот испуганно жался к брезенту, которым был обнесён мостик.

— Меня послали на почту.

— И поэтому ты не должен платить?

— Не сдавайте меня полиции, прошу вас! — взмолился Каушик.

— Я и не собираюсь этого делать. Кто твои родители?

Берега Кочина медленно проплывали мимо катера, от встречных лодок несло свежепойманной рыбой. Лицо у капитана было доброе, и Каушик рассказал о себе всё.

— Я хочу стать моряком, таким, как вы, — неожиданно для себя выпалил он.

— Значит, ты не хочешь жить у своего дяди? Не хочешь всю жизнь быть мальчиком на побегушках, а хочешь плавать? — протянул капитан. — Так, так... Но ведь он твой дядя, и по закону ты не можешь оставить его, пока не достиг совершеннолетия. Он, вероятно, твой опекун?

— Я думаю, что он вовсе мне и не дядя, — признался Каушик. — Он никогда не расспрашивал меня об отце и матери, а они никогда не говорили, что у них есть в Кочине родственник. Это староста отвёз меня сюда. Он хотел избавиться от меня.

— Может быть, может быть...

Капитан задумался, а когда катер, скрипя железом о дерево, привалился к причалу, сказал:

— Ну ладно, останешься пока у нас. Посмотрим, что будет.

Так началась для Каушика новая жизнь. На катере было ещё тяжелее, чем в складе: мальчик убирал вместе с двумя палубными матросами весь катер, носил мешки с продуктами и ящики с запасными частями для мотора, научился варить обед и дежурить у трапа в самые тяжёлые ночные часы, когда слипаются глаза и плечи наливаются свинцом. Он научился обмениваться сигналами с проходящими катерами и с сигнальным постом, который наблюдает за движением по лагуне. И хотя к вечеру он валился на койку как убитый, никогда не жалел, что остался.

Однажды, когда Каушик стоял около сходни и собирал с пассажиров монетки за проезд, он увидел, что к катеру идёт дядя.

Сердце мальчика оборвалось, он метнулся по сходне и, убежав в ходовую рубку, которая была и каютой капитана, прижался к стенке.

— В чём дело? — спросил капитан. — Почему ты вошёл, не постучав?

— Здесь... мой дядя... — пробормотал испуганный Каушик. — Я боюсь.

Капитан вышел, притворив дверь. Немного погодя застучал мотор, катер снялся. Первый раз Каушик не помогал на переходе матросам.

— Он ни о чём меня не спросил. У него очень больной вид. Я думаю, он поехал в город к врачу. Иди занимайся своими делами, — сказал, вернувшись в каюту, капитан.

Это случилось в июле, в разгар муссона, когда каждый день с утра до вечера дождь развешивает над берегом свои серые полотнища.

Катер наняли тащить из одного города в другой

баржу, груженную мешками с джутом. Мешки были лёгкие, и хозяин баржи не поспешил — навалил целую гору.

Баржу привязали к катеру стальным тросом, и катер, постукивая мотором и таща её за собой, отошёл от причала. Дождь, который с утра падал мелкими каплями, набрал силу. Капли стали тяжёлыми и плотными, берег исчез за серой пеленой воды, по палубе катились пенные потоки. Лица у людей покрылись, как оспинами, жёлтыми каплями, рубахи намокли и облепили тела.

Потеряв из вида берег, капитан уменьшил ход, а затем вообще дал «стоп». Катер закачался на мелких чешуйчатых волнах. Дождь уже хлестал не переставая, стальной трос провис и ушёл в воду. Баржи за белой стеной дождя не было видно.

И вдруг случилось непонятное: трос вырвался из воды, натянулся, как струна, катер поволокло назад. Матросы бросились на корму, капитан сбежал с мостика. Трос, вздрагивая, продолжал волочить их.

Наконец катер остановился, осел на корму, нос его задрался к небу, из трюма и кают с рёвом и свистом стал вылетать воздух. Катер задрожал и стремительно, кормой вниз ушёл под воду.

...Каушик очнулся в больнице, на койке. Над ним склонилось лицо человека в белом халате. Врач положил мальчику руку на лоб, послушал, как бьётся сердце, и сказал:

— Этот будет жить.

В газетах, которые прочитали мальчику, было потом написано, что мешки с джутом на барже были плохо укрыты, намокли и стали тяжёлыми, как камни. Баржа, нагруженная сверх всякой меры, стала тонуть, а когда она пошла на дно, то утащила за собой и катер. Погибли капитан и почти вся команда.

Из спасшихся никто, кроме Каушика, не вернулся на море. А Каушик — помогла газета: она собрала нужные деньги среди читателей — уехал из Кочина, чтобы учиться, и со временем стал капитаном.

Катер, на котором он теперь служит, ходит из Мадраса на юг в местечко Махалибапурам. Там из древних чёрных камней — древнее камней, говорят, нет на земле — изваяны в скалах храмы. Огромные чёрные безмолвные слоны поддерживают спинами своды, и тусклые оранжевые огоньки свеч днём и ночью горят перед изваяниями странных многоруких богов. В деревнях вокруг народ живёт бедно, и поэтому многие садятся на катер, чтобы попытаться счастья в большом многолюдном Мадрасе.

— Компания не потерпит, чтобы ей наносили убыток, перевоза бесплатных пассажиров, — закончил чиновник и, не прощаясь, пошёл от причала, прямой как палка, страдающий от жары, с кожаной папкой под мышкой.

— Что он вам выговаривал, капитан? — спросил портовый механик. Они с Каушиком нравились друг другу.

— Так, пустяки.

— А что вы сказали ему? Отчего он поморщился, словно проглотил кислое яблоко бильвы?

— Я сказал, что всегда, пока плаваю, буду брать в рейс по одному босоногому оборванному мальчишке. По одному, но буду. Пусть компания терпит.

ЧЁРНЫЕ ЛЮДИ МАКОНДЕ

Ливингстон умирал. Он лежал под развесистым деревом на берегу озера и слушал, как бьётся в ушах кровь. Дул ветер, и кирпичного цвета волны с размаху кояотились о глинистый берег.

Великому путешественнику было за шестьдесят. От беспрерывного хождения ноги его почернели и высохли. Год за годом он углублялся в экваториальные дебри Африки. Его пути лежали в районе Великих озёр — Виктории, Ньясы и Танганьики.

Незабываемым было открытие водопада на реке Замбэзи. Рёв воды он услышал почти за сутки. Полдня шёл тропами, следуя за проводником. Наконец стена кустов раздвинулась, и над ней взметнулось белое облако брызг: река полным течением падала почти со стометровой высоты. Дрожала земля...

Ливингстон закрыл глаза, сказав, что хочет спать. Он не проснулся.

«Мзее умер!» — горестный барабанный бой разнёсся над берегами Танганьики.

Слуги путешественника подняли на плечи ящик с его телом и понесли к океану. Они шли около полутора тысяч километров. В Багамбёо, в единственной в те годы часовне на берегу океана, шествие закончилось. Здесь ящик лежал почти месяц, ожидая парохода, который мог бы отвезти прах в Англию.

Это был первый случай, когда мир поразился дружбе белого человека и чёрных жителей Африки...

И вот я в Африке, как раз в тех местах, где странствовал и погиб знаменитый путешественник.

Машина катит по асфальту. Деревья мánго с зелёными, похожими на огурцы плодами и мясистыми листьями соединяются над нашими головами.

Под огромным, как серая бутылка, баобáбом стоит старик с велосипедом. За его спиной висит плетёная корзина.

Из корзины торчат суставчатые усы и ноги. Огромные раки печально смотрят на мир выпуклыми стеклянными глазами.

Шофёр затормозил. Дорогу переходила обезьяна. Длинный, закрученный, как у собаки, хвост покачивался. Обезьяна перепрыгнула канаву и исчезла в кустах.

За поворотом в тени орехового дерева сидели старик и молодой парень. Перед ними на циновке стояли чёрные деревянные фигурки.

Мастера сидели на земле, подвернув под себя босые ноги. В руках на весу каждый держал чурку чёрного дерева.

Мы вышли из машины.

Семья причудливых деревянных человечков выстроилась вдоль дороги. Маленькие водоносы с кувшинами. Старики с огромными животами, на тонких изогнутых ножках. Присевшие на корточки женщины с плетёными корзинами на головах...

Из незаконченных статуэток во все стороны торчали, как взъерошенные волосы, стружки.

Но самыми удивительными были другие скульптуры. Сначала казалось, что перед тобой маленькое дерево — переплетение веток, изогнутый ствол... И вдруг ты замечаешь человека. Одного. Второго. Целая семья. Люди, стоящие на плечах друг у друга. Голова нижнего даёт начало ступне того, что сверху. Руки соседей сливаются, ноги переходят в головы... Люди растут из одного корня. Ты — это я, все мы — одна семья, уверяет мастер.

Парень, не обращая на нас внимания, продолжал работать. Полуоткрыв рот, он напряжённо всматривался в кусок дерева, словно пытаясь угадать, что в нём заключено. Подняв инструмент, похожий на топорик, наносил удар. Топорик врезался в чурку.

Остро пахнувшая стружка, уступая пальцу, с хрустом ломалась.

Скуластая голова человечка показалась из дерева. Глаза были закрыты, человек ещё не жил. Но и мастер не торопился. Он то и дело останавливался, пытаясь понять: что получается?

Старик начал передвигать статуэтки и, часто повторяя «бв́ана», стал уговаривать меня сделать покупку.

Крайней в шеренге уродцев стояла одноногая статуя — непонятное существо с выпученными лягушачьими глазами.

Я отсчитал горсть монет, взял статуэтку и вернулся в машину.

Странное существо стояло на одной ноге, второй служил ему хвост змеи. Рука уродца шла за спину и там соединялась с ногой. Она вливалась в неё, подобно тому, как некоторые ветви дерева возвращаются к стволу.

Но самым странным было лицо. Вместо носа — змеинная голова, рот — пасть рыбы. Из рта торчат плоские широкие зубы. Ушей нет. Огромные лягушачьи глаза.

Отчаявшись что-либо понять в этом порождении африканской фантазии, я сунул статуэтку в чемодан.

Несколько дней я прожил неподалёку от Дар-эс-Сала́ма, в маленьком рыбацьем посёлке, на берегу океана.

Хозяева хижины были на заработках в городе, я жил один.

Каждый день рано утром я шёл к устью реки, нанимал лодку и отправлялся на остров. Он бело-зелёной полоской тянулся вдоль берега — небольшой коралловый островок в миле от посёлка. Там рыбаки оставляли меня, а сами отправлялись к барьерному рифу — «кику́йя», где много рыбы и за которым в шторм вдоль всего горизонта вытягивается пенная белая полоса.

В ожидании их возвращения я забирался на скалы или лежал на песке, наблюдая, как уходит в отлив вода, обнажая подножие острова — ровную известковую платформу, выстроенную миллионы лет назад неутомимыми жителями моря — кораллами.

В отлив берег обнажался на протяжении нескольких морских миль.

Вот вода ушла. До самого горизонта тянется ровная, как стол, серо-зелёная равнина. Лужицы. В них шевелятся, мечутся, пускают пузыри не успевшие уйти вместе с водой обитатели океана.

А впрочем, зачем уходить? Им и тут неплохо. Здесь, в лужицах, пересидят отлив, дождутся большой воды мелкая рыбёшка, осьминожки, крабы.

Бродить по лужам опасно: того и гляди, в ногу вопьётся игла морского ежа, осколок раковины или цапнет за палец похожая на зелёную змею мурена. Вот почему я отправлялся туда в носках и ботинках, в них шлёпал по горячей, как чай, воде, бродил по камням, с хрустом продавливая каблуком мелкие, похожие на собачьи зубы белые раковины балянусов.

Берег острова — известковые скалы. Океанские волны выдолбили в них ниши, пещеры. Здесь царство крабов. Целые полчища. Подходишь и уже издалека слышишь непрерывный треск. Пощёлкивают, пускают пузырьки тысячи ногастых существ, облепивших каменные стенки. Ты замер — утих и шум, крабы ждут. Сделал ещё несколько шагов — дрогнула, поползла вниз стена. Двинулись к воде, к спасительным лужам, колченогие обитатели ниш. Ты ближе — и уже потекли ручейками пучеглазые угловатые твари, с плеском посыпались в воду, разбежались, скрылись на дне.

Секунда — и их нет, снова тихо стоят известковые стены, молча глядят чёрными глазами пещер.

Неподалёку от хижины в океан впадала река. Берега её густо поросли лесом. Собственно, никаких

берегов у реки не было: кусты и деревья стояли прямо в воде. Лес вместе с рекой вливался в океан и двумя узкими чёрно-зелёными мысами уходил от берега. Солёная вода качалась между стволов.

Лес, растущий из моря! Деревья по колено в воде! Это был мангровый лес. Мангры манили. И однажды я рискнул углубиться в них.

Кончился песок, розовый ил зачавкал под ногами. Бредёшь, сгоняя с кустов тучи насекомых. Плотные кожистые листья ударяют в лицо. Вокруг блестят лужи...

Потом ветки поднялись, сомкнулись над головой, и я очутился в царстве полумрака. Ил стал жидким. При каждом шаге со дна поднимались тучи пузырей. Они лопались, распространяя удушливый запах серы. По колено в грязи, окружённый полчищами жалящих, я брёл до тех пор, пока впереди не блеснул свет и я не вышел на прогалину. Мангровые деревья — фантастические, переплетённые друг с другом стволы. Отделяясь от них, корни падают в воду. На ветвях сидят крабы. Они сучат около безгубых ртов клешонками и что-то едят. Огромная лягушка с выпуклыми коричневыми глазами повернула ко мне голову, качнула уродливым шишковатым лбом, грузно шлёпнулась в воду.

Две змеи, плоские и полосатые, беззвучно скользнули следом.

Я сделал шаг и провалился по пояс. Под ногой кто-то завертелся, забился, невидимое, плоское на ощупь существо вырвалось, ударило хвостом по ноге и, прочертив в воде полосу, умчалось.

Катятся на берег светло-зелёные волны, опрокидываются, выбегают на мель, откипев белой и жёлтой пеной, гаснут.

Здесь в лесу, среди мангровых стволов, вода колыхается еле-еле. Бредёшь, присматриваешься: кто притаился на дереве? С кем следующая встреча?

Каждая — самая интересная.

Я брёл по мелководью, высматривая плоских жёлто-синих крабов. Впереди, уронив в воду десяток узловатых корней, стояло дерево. С него при моём приближении кто-то головой вниз бросился в воду. Лягушка? Я сделал шаг. Ещё один прыгун прочертил по воздуху дугу, упал, не смог нырнуть и вдруг, трепеща не то плавниками, не то крыльями, понёсся по воде, оставляя за собой цепочку колец. Добежав до глубокого места, нырнул, исчез.

Я направился к дереву осторожно, чтобы никого не спугнуть, стал обходить его.

Прямо против моего носа, прижавшись пузечком к стволу, на дереве сидела... рыбка! Похожа на маленького бычка, только передние плавники длиннее, глаза — на самой макушке.

Она по-лягушачьи тарасилась на меня. Я притаился. Замерла и она.

На лоб сел москит. Я поднял руку. Этого оказалось достаточно — рыбка толкнулась плавниками, расправила их и вниз головой полетела в воду. Бульк!

Следом за ней попрыгали не замеченные мной её подруги.

Ну и рыбы! Летают по воздуху, бегают посуху.

Мысль о часовне, в которой лежало тело Ливингстона, не покидала меня. Я решил найти её и отправился в Багамоё.

Он оказался маленьким, белым, пыльным городком, с шумным базаром и полутёмными пустыми магазинчиками. Ничто в нём не напоминало о громком прошлом, разве что серые, зубчатые, покрытые сухой мёртвой плесенью и трещинами стены большой крепости.

После долгих и бесплодных блужданий по узким малолюдным улочкам узнал, что часовня где-то рядом с городским музеем.

Музей нашёлся на окраине. Почерневшие от вре-

мени, обнесённые широкими, каменными, в два этажа верандами дома бывшей католической миссии. Рядом — часовня, а может быть, маленькая церковь с четырёхгранной, похожей на карандаш колокольной. Дверь её закрыта, на косяке в рамке лист пожелтевшей бумаги.

Выцветшие буквы бесстрастно сообщали, что именно здесь в 1874 году хранилось на протяжении месяца тело великого путешественника, ожидавшее отправки на родину.

Я обнажил голову.

У часовни с визгом носились полуголые дети.

Кто-то тронул меня за плечо. Позади стоял сухонький человек в пенсне.

Он стоял у почерневшей от времени двери. На фоне тёмного дерева его чёрное лицо пропадало, серебряные кончики волос реяли в воздухе.

Человек поклонился: «Что желает ндугу?»

Я рассказал, что привело меня сюда.

Мой собеседник понимающе кивнул.

Из-за плотно закрытой двери доносился неясный гул. Так гудят пустые, наглухо заколоченные дома.

— Сохранилось ли что-нибудь в часовне?

— Нет. Идёмте, я покажу вам музей.

Мы вступили в полумрак комнат.

Щиты, обтянутые шкурами зебр, стрелы с плоскими железными наконечниками, глиняные сосуды, изготовленные руками гончаров на берегах Таньганьки. И цепи, цепи... Чёрными гирляндами висели они вдоль стен...

Рабство. Музейные полки хранили память только о нём. Они говорили то шёпотом — серый лист из памятной книги торговца, колонки цифр — число погибших и доставленных к побережью рабов, то криком — колода, на которой рубили руки и головы тем, кто пытался бежать. Железное клеймо и походный переносной горн...

— Иногда меня спрашивают: зачем? В конце концов, места в музее не хватает, а рабства давно нет.

Предлагают повесить диаграммы — число школ, число деревень, где уже есть трактора. Я отвечаю: вот они, школы, одну видно из этого дома. И трактора видит каждый... Я учился в Париже. Меня приглашали остаться преподавать древнюю литературу на языке суахили. У меня две учёные степени. Но я вернулся сюда. Африка не должна забывать своё прошлое. Никто на земле не имеет права не знать Багамойо... «Багамойо» на суахили значит: «Оставь своё сердце». Так говорили друг другу люди, когда их, как скот, грузили на корабли...

Мы шли с ним по тенистой аллее, образованной огромными ореховыми деревьями. Аллея вела от музея к берегу моря. Зелёные кроны смыкались над нашими головами. Когда-то здесь кончался великий невольничий путь. Трава на берегу была вытоптана. Толпы рабов, окружённые стражниками, закованные в кандалы, неделями ожидали погрузки на суда.

Низкопалубные доу подходили в прилив к самому берегу.

Последние шаги по земле Африки... Впереди Занзибар. Невольничий рынок и последний путь — через океан в Аравию, Иран или Египет.

Оставь здесь своё сердце. Оставь надежду. Забудь, что ты человек...

Мой спутник привёл меня на пустынную площадь у самого берега.

Здесь, в центре пустыря, теперь стоял маленький крытый базарчик. Рыбаки с доу несли сюда рыбу. На низких, потемневших от крови лотках шевелились ногастые голубые лангусты, истекали слизью плоские пучеглазые камбалы, бессильно разевали рты небольшие коричневые акулы.

— Коко-нат, бвана?

Белозубый продавец, не ожидая ответа, взвесил на ладони огромный трёхгранный орех, взмахнул ножом, отсек верхушку, протянул орех мне.

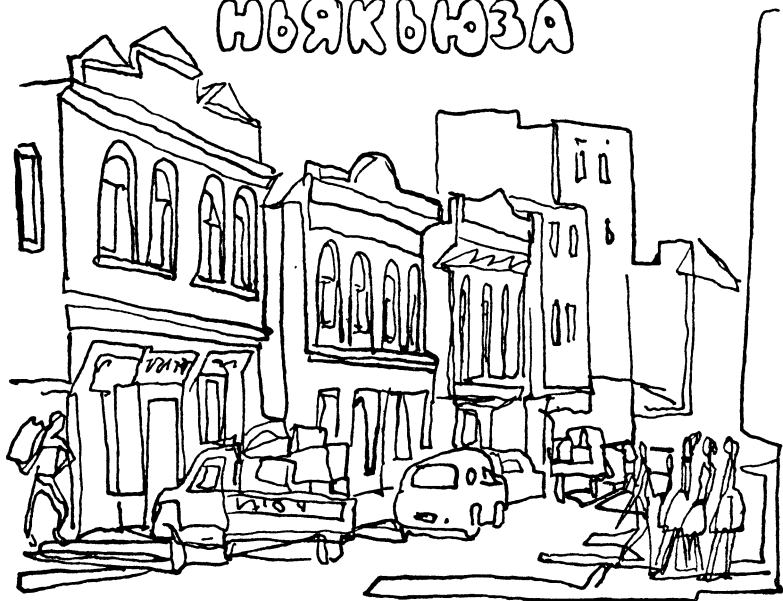
Мы стояли у лотка с рыбой и, запрокинув головы, тянули прохладную мутноватую жидкость.

— Её давали рабам перед тем, как погрузить на доу, чтобы их не укачивало,— сказал мой спутник.

Деревянные фигурки маконде... Я вспомнил их, когда вернулся из Багамойо в свою хижину. Так что же они такое? Вспомнил мангровый лес, железные цепи на стене в музее, вообразил себя беглым рабом, который нашёл убежище в мангровом лесу. Ночь. Болотные видения, туман, пронизывающие душу крики ночных птиц. В моей статуе — и человек, и змея, и лягушка, все ползающие, квакающие, пучеглазые, ногастые и безногие обитатели мангр. Всё соединилось в куске дерева. Ленты тумана и страх человека извлекли из него умелые руки мастера. А остальные фигуры? Люди, стоящие на плечах друг у друга, поднятые руки дают начало ногам тех, кто выше, кто тянется к солнцу. Тела, которые вырастают друг из друга...

Человеку нужна опора, а её может дать только другой человек. Только помогая один другому, мы можем выстоять. Это знали всегда чёрные люди, жившие на восточном наветренном берегу Африки.

ДЕВОЧКА ИЗ ПЛЕМЕНИ НЬЯКЬНУЗА

Я просыпался рано от зычного голоса, который волной прокатывался над Дар-эс-Саламом, над крышами его белых домов.

Едва над океаном начинало сереть, в старой части города возникал слабый стонущий звук. Усиленный громкоговорителем, он проносился над крышами. Это был голос мусульманского служителя — муэдзина. С балкона мечети муэдзин возвещал о начале дня. Он держал микрофон у рта и расхаживал с ним взад-вперёд. Голос его то замолкал, то усиливался до рёва.

В небе одно за другим гасли созвездия.

На улицах появлялись грузовики. Они везли на базар груды кокосовых орехов, бананы в открытых мешках, гулкие жестяные бидоны с молоком. На городскую бойню везли в железных клетках коров. Коровы глухо мычали и бились рогами о прутья.

Появлялись прохожие. Торопились к бензоколонкам рабочие в синих и красных куртках. На их спинах белели названия фирм «Эссо» и «Шелл». Стайками бежали одинаково одетые школьники. В белых рубашках шли служащие.

Последними, держа под мышками блестящие кожаные папки, не торопясь, проходили чиновники из министерств.

С грохотом распахивались железные двери магазинов. Солнце уже висело огненной каплей над резными кронами пальм. Быстро нагревался асфальт.

В день, о котором рассказ, я посетил школу.

На окраине города нашёл несколько огороженных бетонным забором светлых, каменных, с большими окнами зданий.

Около одного из них, у длинной веранды, сидела на стуле женщина и читала книгу. Стайка смуглых девчонок играла перед домом.

Увидев меня, женщина встала и помахала рукой.

— Давно жду вас! — крикнула она. — Заходите.

Это была Юросова, учительница математики из Орла, которая вот уже год как работала в Танзании.

Мы подошли к главному корпусу.

— В нашем интернате учатся одни девочки, — объясняла Юросова. — Из разных концов страны, разные племена, сами понимаете, как с ними трудно. Эта веранда называется — барáза. А это боксы, в которых воспитанницы держат книги и тетрадки. Портфелей у них нет.

Мы вошли в класс. Грохнули стулья. Два десятка темнокожих девчонок с любопытством вытаращились на меня.

— Это наш гость, девочки, — сказала Юросова. — Он хочет узнать, как мы учимся. Сделаем вид, что его нет... Кстати, сегодня после уроков мы идём на огород-шáмбу. Могут остаться только те, кто выпускает рукописный журнал. Что ты хочешь спросить, Джоана?

— Откуда приехал наш гость?

— Так же, как и я, из России.

Лёгкий вздох пронёсся над столами.

Я понял, что молчать дальше нельзя.

— Я прилетел из Ленинграда, — сказал я, — у нас сейчас зима, холодно. Ребята носят тёплые пальто, шапки и варежки. Играют со снегом.

И тут я допустил ошибку. Я спросил:

— А знаете ли вы, что такое снег?

Девочки молчали.

— Кто из вас видел снег?

Юросова улыбнулась.

— Кто видел снег, поднимите руки.

Поднялся лес рук. Двадцать девочек стояли каждая с поднятой рукой.

Я растерялся.

— Вы видели снег? Ах, да... В кино... Или на рисунках в книгах... Правильно?

Девочки заулыбались.

— Кили!.. Кили!.. — закричали они.

Юросова отдёрнула занавеску. Далеко на северо-западе в туманной дымке синели холмы.

— Там, посреди степи, стоит Килиманджаро, — сказала она. — Все наши девочки бывали у его подножия. Они видели вечный снег на его вершине.

Грянул звонок. Юросова громко и отчётливо произнесла:

— Первый урок у нас сдвоенный. Пишем без перерыва контрольную по математике.

Шуршала бумага. Поскрипывали стулья. Двадцать девочек напряжённо всматривались в листы, которые раздала им Юросова.

Я ждал, что они примутся решать задачи, что над столами склонятся курчавые головы и в такт задвигаются пальцы с шариковыми ручками.

Ничего подобного не происходило. Девочки рассматривали листы. Время от времени то одна, то другая что-то отмечали в них. И только!

Я вышел в проход между столами.

Никто никаких задач не решал. Воспитанницы рисовали кружки!

Посмотрит девочка на лист, где записаны задачи, пошевелит губами и обведёт цифру кружком.

Удивительная контрольная!

С трудом дождался звонка, а когда Юросова собрала работы, спросил:

— Что они делали? Вместо того чтобы решать задачи, рисовали!

Юросова засмеялась.

— Вы хотите спросить, что они обводили кружками? Те ответы, которые считали правильными. Мы здесь не требуем от школьников, чтобы они решали задачи, а предлагаем с каждой задачей или примером набор ответов. Скажем: «Сколько будет 5×5 ?» Четыре ответа: 36, 12, 25 и 0. Правильный ответ ученик должен обвести. Вот и всё. Собираем листы и ставим оценки.

— Пятью пять — двадцать пять. Сколько вы мне за это поставите?

— А что у вас было по математике?

— Пять.

Я произнёс это с гордостью. Юросова перевела, девочки засмеялись.

Я удивился:

— А что?

— Пятёрка здесь... не очень высокая оценка. Сколько ты получила за прошлую контрольную, Сари?

— Шестьдесят.

— Немного... А ты, Джулия?

— Сто.

— Вот это другое дело! Сто — высшая оценка.

Девочки, посматривая на меня, заговорили наперебой.

— Они спрашивают, как вы вообще учились в школе?

Я смутился. Мои отметки по сравнению с теми, что получают эти темнокожие девчата, выглядели,

конечно, нелепо. Четыре — это что-то вроде «очень, очень плохо».

— Скажите им, что я учился вполне удовлетворительно.

...Мы сидели на баразе и смотрели, как опускается за горы сиреневое солнце. Синие тени ползли по двору. Из открытых окон школьного клуба доносились песни.

— Это репетиция самодеятельности, — сказала Юросова. — Вы никогда не видели африканские народные танцы?! Только для того, чтобы понимать их, надо знать, что значат отдельные движения.

От дерева, которое росло около огорода — шамбы, отделилась маленькая горбатая тень. За ней вторая... третья... Животные пробежали по земле и скрылись среди грядок.

— Кто это?

— Обезьяны. Надо сказать девочкам.

Юросова ушла, и скоро на шамбе послышались визг и весёлые крики. Заметались белые блузки. Потом они приблизились. Девочки со смехом вошли на баразу. Двое тащили мешок. В нём что-то стонало и билось.

— Поймали! Поймали!

— Кого?

— Молодого бабуина.

Девочки стали спорить, что делать с обезьяной. Одна из девочек что-то запальчиво говорила. Остальные ей возражали.

— Нкелігве, вон та девочка, предлагает выпустить обезьянку. А другие считают, что бабуина надо посадить на цепь. Он будет кричать и отпугнёт остальных!

Мешок с обезьяной унесли.

— Как ни странно, девочки здесь обычно равнодушны к животным, — сказала Юросова. — В школе нет живого уголка. Никто никогда не приносил на занятия ни одного зверька. А ведь я помню, у нас в

Орле это просто бедствие. То ужа в класс принесут, то воробья.

— Это потому, что у нас зверь или птица — редкость. А тут их ещё хватает!

За стеной раздавались голоса. Громко, вызывающе говорила одна девочка, ей запальчиво отвечали другие. Потом раздался вопль и стук падающего тела. Мы с Юросовой вбежали в класс.

На полу лежала рослая крупная девочка, а на ней верхом, вцепившись ей в волосы, сидела маленькая Нкелигве. Вокруг прыгали остальные. Увидев нас, кто-то дёрнул за рукав Нкелигве. Затрещала блузка.

— Как тебе не стыдно, Нкелигве? Немедленно прекрати! Отпусти тотчас Джоану.

— Она сумасшедшая, она оторвёт ей голову!

Дерущихся разняли. Та, на которой сидела Нкелигве, поднялась, упала на стул и залилась в три ручья.

— Что тут случилось?

— Джоана набросила на обезьяну петлю.

— А Нкелигве отвязала и выпустила обезьяну!

— Она сказала — дайте мне лопату, я размозжу Джоане голову.

— Её дед был колдуном!

— Нкелигве, что тут произошло?

— Она сказала, что мне не место в школе. А я спросила: где же мне место? А она сказала: в диком лесу!

— Джоана, перестань плакать! Что ты сказала Нкелигве?

Плакавшая провела ладонью по глазам.

— Я сказала... — Джоана всхлипнула. — Я сказала... Лучше бы ей не учиться в школе, а сидеть на ветке вместе с обезьянами.

При этих словах Нкелигве издала вопль и снова кинулась на Джоану. Я перехватил на лету её руку. Девочка вырвалась.

Я тряс укушенным пальцем.

— Что с вами?

— Пустяк!

— Нкелигве и Джоана, марш в спальню! Нкелигве, ты не смеешь распускать руки. А ты, Джоана, совершенно напрасно лезешь не в своё дело. И напрасно мучаешь животных.

— Я ещё рассчитаюсь с ней...— произнесла, исподлобья глядя на нас, маленькая Нкелигве.

— О случившемся я сообщу директору. Вы обе будете наказаны. А сейчас марш в постели!

— Они из разных племён...— сказала Юросова, когда девочки ушли.— Это не сразу забывается.

Вечером, идя по коридору мимо двери одного класса, мы услышали всхлипывание. За столом сидела, уткнув лицо в сложенные колечком руки, девочка и плакала.

Юросова тронула её за плечо.

— Что с тобой, Нкелигве? — спросила она.

Девочка подняла голову. Мокрые полоски блестя на щеках.

— Что-нибудь случилось?

Нкелигве мотнула головой.

— Я не хочу учить математику,— сказала она.— Не хочу историю. И электричество. Я хочу домой.

— Хорошо,— сказала Юросова, обращаясь почему-то ко мне.— Все мы перестанем учиться. Я уеду назад в Россию, а наша директор — в Индию. Мальчики из соседней школы станут целыми днями играть в футбол, а девочки танцевать. Республике нужны только футболисты и неграмотные девочки, которые убегают в деревни и там танцуют.

— Я буду ветеринаром.

— Сперва надо кончить школу.

— Джоана говорит, что все мы — ньякьюза — упрямы и злы.

— Ты переписала свой рассказ?

Нкелигве, всхлипнув, кивнула.

— Тогда принеси его.

Девочка ушла.

— Я вам не говорила? Она пишет сказки.

Нкелигве вернулась с толстой тетрадью, аккуратно сшитой из листов глянцевой бумаги. На листах разными почерками от руки переписаны сочинения. Они шли вперемежку — написанные по-английски и на суахили, стихи и рассказы, сообщения о делах школы.

— Где твой рассказ? Ага, вот он... Хотите, я переведу его?

И я услышал в переводе русской женщины странную историю, сочинённую девочкой из племени ньякьюза.

ЧЕЛОВЕК И СТУЛ

Один человек хотел почитать книгу и сел на пол. Вдруг перед ним появился стул. Человек очень удивился, встал и хотел снова сесть. Но стул оттолкнул его. Тогда человек положил книгу, которую держал в руке, и попробовал успокоить стул. Тот продолжал лягаться всеми четырьмя ножками!

Тогда человек отшвырнул стул и снова сел на пол. Стул возвратился.

Человек спрятал лицо в колени и почувствовал, что стул легонько его толкает. Тогда человек встал, вытащил из кармана носовой платок и бережно вытер стул. Он даже попробовал немного потанцевать с ним. Но стоило ему снова сделать попытку сесть, как стул отбежал в сторону.

Человек обиделся, взял книгу и пошёл в сад, чтобы усесться там под деревом. Стул последовал за ним. Подойдя к человеку, он остановился.

Тогда человек осторожно сел на стул.

Теперь они оба счастливы — и стул и человек, который может читать, сидя на стуле.

Нкелигве Мвакзёге

— Станный рассказ. Или сказка? Определённо сказка...

Наутро я отправился в небольшую поездку по стране.

Я сидел в машине, откинувшись на сиденье. Автомобиль неторопливо пробирался улочками города, а я думал о сказке.

Стул ходит по комнате, лягает человека, наконец, дружит с ним...

Африканские сказки полны путешествующих, летающих по воздуху барабанов, кувшинов, щитов... Но в этом рассказе есть ещё одно, чего никогда не было в суровых старых сказках, — ласка... Ею можно приручить любое существо.

Африканец всегда жил в мире одушевлённых предметов. У мальчишек и девчонок Танзании своё отношение к миру. Двенадцатилетняя Нкелигве невольно рассказала об этом.

Машину тряхнуло, она накренилась — мы выехали из города и съезжали к реке. Впереди светился жёлтыми брёвнами мост. Он добродушно выгибал спину. Он был живой и приглашал нас проехать по нему.

Очередное поле за окошком машины замедлило бег и остановилось. Пока шофёр копался в моторе, мы подошли к придорожному щиту. Чёрными прямыми буквами на нём было написано: UDJAMAA.

— Деревня уджамáа! — сказал мой спутник. — В ней всё общее. По всей стране создаются сейчас деревни уджамаа.

На вершине холма, куда вела просёлочная дорога, белели крыши: дома были покрыты не листьями и не травой, как обычно, а шифером.

По склону холма брела пара быков. Они тащили плуг. Несколько мужчин и женщин, кольцом окружив животных, управляли ими. Красная земля вываливалась из-под лемехов. Быки брели, опустив к земле зобатые шеи.

— Придёт время — каждая деревня уджамаа будет иметь трактор. Государство поможет им, — объяснял мой спутник. — Даже у школьников здесь есть свои маленькие шамбы... Как там мотор?

Шофёр вытер тыльной стороной ладони потный чёрный лоб и пожал плечами: «В порядке!»

Назад, в Дар-эс-Салам, я возвращался через неделю автобусом. Огромный колёсный корабль с выбитыми иллюминаторами, скрипя и раскачиваясь, подплыл к остановке, и пёстрая толпа, груженная корзинками, связками маниоки, палками и клетками с курами, ринулась штурмовать его.

Я вошёл последним и расположился на чужом мешке с бобами.

Кондуктор — старик с вывороченными розовыми веками — подошёл к автобусу и собрал плату за проезд.

Шофёр нажал сигнал — автобус исторг слабый рёв, — застучал дизельный мотор, и, бросая нас из стороны в сторону, машина двинулась.

Мы последовали узкими улочками и выбрались на пыльную дорогу, проложенную вдоль берега моря.

— Хорошо, если доедем до Кисивайо! — тоном знатока сказал мой сосед. Он сидел на том же мешке, и мы с ним по очереди сползали на пол.

Внизу, за частоколом пальм, белела широкая, обнажённая отливом береговая полоса. На ней лежали, привалясь на бок, чёрные полуразрушенные остовы судов.

Это было кладбище доу.

Суда лежали на боку. Их чёрные мачты были подняты к небу, как руки.

Когда доу отслужит свой век, владелец гонит свой парусник сюда. Он дожидается прилива и направляет судно к берегу. Скрипнув килем о песок, оно садится на мель. Вода уходит, и отслужившее свой век доу валится на бок. Последнее паломничество на него команда совершает по колено в воде. Люди сносят на берег свёрнутый в трубку парус и убогий скарб.

Неподалёку от корабельного кладбища есть кладбище людей. Ему более пятисот лет. Кто похоронен под серыми сглаженными глыбами? Чернокожие царьки? Смуглые арабы, которым несколько сот лет принадлежал этот берег? Белолицые португальцы, сменившие их? Надписи стёрло время. Покосившиеся стелы стоят, как врытые в землю пушечные стволы.

Трава постепенно покрывает камни, остатки стен.

Новые люди пришли на эту землю, построили дома, посадили кокосовые пальмы. Девчонки в зелёных юбках по утрам бегут в школу мимо замшелых плит. Они бегут мимо безмолвных камней и мимо безмолвных доу.

Слепые глазницы якорных клюзов и стёртые надписи на могилах смотрят вслед смеющимся детям.

Миновав древнее кладбище, автобус повернул и стал отдаляться от океана. Новая дорога была вся изрыта ухабами, то и дело ныряла в низины, и тогда наша колымага начинала трястись на бревенчатых полуразрушенных мостках.

Тра-та-та! — стучали колёса.

Тра-та-та! — выбивали дробь зубы.

— Только бы доехать до Кисивайо! — бормотал мой сосед.

Его опасения оказались не напрасными. Правда, до Кисивайо, где просёлок возвращался на шоссе, мы добрались. Автобус вкатил на центральную площадь, взметнул вверх огромное облако красной пыли, его мотор выстрелил всеми цилиндрами и умолк.

Он испортился.

Упираясь в широкую, густо засыпанную пылью корму автогиганта, добровольцы из пассажиров, понукаемые криками шофёра, покатали машину чиниться, а мы, все остальные, сложив в пёструю грудку пожитки, разбрелись по площади, ища тень и место, где можно было отдохнуть до продолжения рейса.

Солнце потоками лило на землю зной. Оно неохотно уступало вечеру — крошечные, прятавшиеся у самых стен тени домов росли медленно.

Прикрыв голову газетой, я уселся около глинобитной стены какого-то дома и стал ждать.

Пустую площадь пересекал мальчишка. Он волочил за собой, как добычу, лист обёрточной бумаги.

Подойдя к стене, он поднял лист, приложил его, разгладил и ловко без молотка прикрепил гвоздями.

Это было объявление. Неумело нарисованная женская фигурка извивалась на нём в танце. На площади собралась половина населения городка.

Выступали танцоры. Четыре парня и четыре девушки, маленький оркестр — две гитары, три барабана.

Барабаны рокотали, босые пары с сосредоточенными лицами топтались на месте. Мягкая пыль качалась в воздухе.

Гитарист растопыренными пальцами касался струн. Их дребезжание подгоняло парней.

Четыре пары топтались друг против друга.

Рокот барабанов усилился, и танцоры, раскачиваясь, пошли по кругу. Они шли пара за парой, наступая и расходясь. Пыль металась над пересохшей землёй.

Белые рубахи парней взмокли. Девушки сбились в стайку. Парни прыгали вокруг них.

Барабанные удары слились в непрерывную дробь.

Она оборвалась, и танцоры остановились в тех позах, в которых их застал конец. Они уронили руки и стояли подняв лица. Вечернее солнце обливало их мокрые тела кровью.

— Исполнялся танец урожая племени няккьюза, — объявил гитарист.

На дороге раздался шум автомобильного мотора. Гремя разболтанными дверями, на площадь въехал ещё один автобус. Он грузно осел, притормаживая, и остановился. Из открытой двери на землю спрыгнула Юrosoва. Она подошла к танцевавшим.

— Пойдём! — сказала она одной из девушек. — Тебя ждут.

Они направились к автобусу.

Юросова вела за руку беглую школьницу — Нке-лигве Мвакзеге. Они прошли через толпу зрителей, забрались в пустую машину и уселись у задней стенки.

Я подошёл и через запylённое стекло сделал Юросовой знак. Она обрадовалась и кивнула, но лицо её осталось озабоченным.

Гремя сумками и мешками, в машину садились женщины. С грохотом завёлся мотор. Автобус обдал площадь золотистым дымом и укатил.

Снова зарокотали барабаны, и танцоры, держась за руки, вышли в круг. Одна пара распалась.

Не успел закончиться танец, как на площадь въехал и наш «дилижанс».

Усевшись на свой мешок, я подумал: «Это совсем не просто — учиться в школе, если ты больше всего на свете любишь танцевать и сочинять сказки, а привезли тебя в школу из лесной деревни, куда ещё не пришло электричество... А ещё — как трудно быть учительницей...»

Через неделю я прощался с Дар-эс-Саламом. Самолёт отпрыгал на бетонных плитах и круто взмыл вверх.

Город наклонился — на окно надвинулся океан. Он был синий и плоский. Задрожал, покатился прочь зелёный, окаймлённый белой пенною лентой берег.

Когда самолёт повернул на северо-запад, океан отступил. Началось Восточно-Африканское плоскогорье: кирпичная саванна, голубые ленточки рек, серые трещины дорог.

С севера уже ползли навстречу облака. Белое одеяло накрывало степь.

В одном месте из-под облаков выпирало что-то похожее на камень. Облачное одеяло вокруг него взлохматилось и распалось. Там, где только что был

белый холм, парила в воздухе вершина огромного вулкана.

— Килиманджаро! — пробормотал мой сосед-кениец. Он, видно, привык тут летать, гора его не интересовала, он достал из портфеля записную книжку и начал её читать.

Килиманджаро!

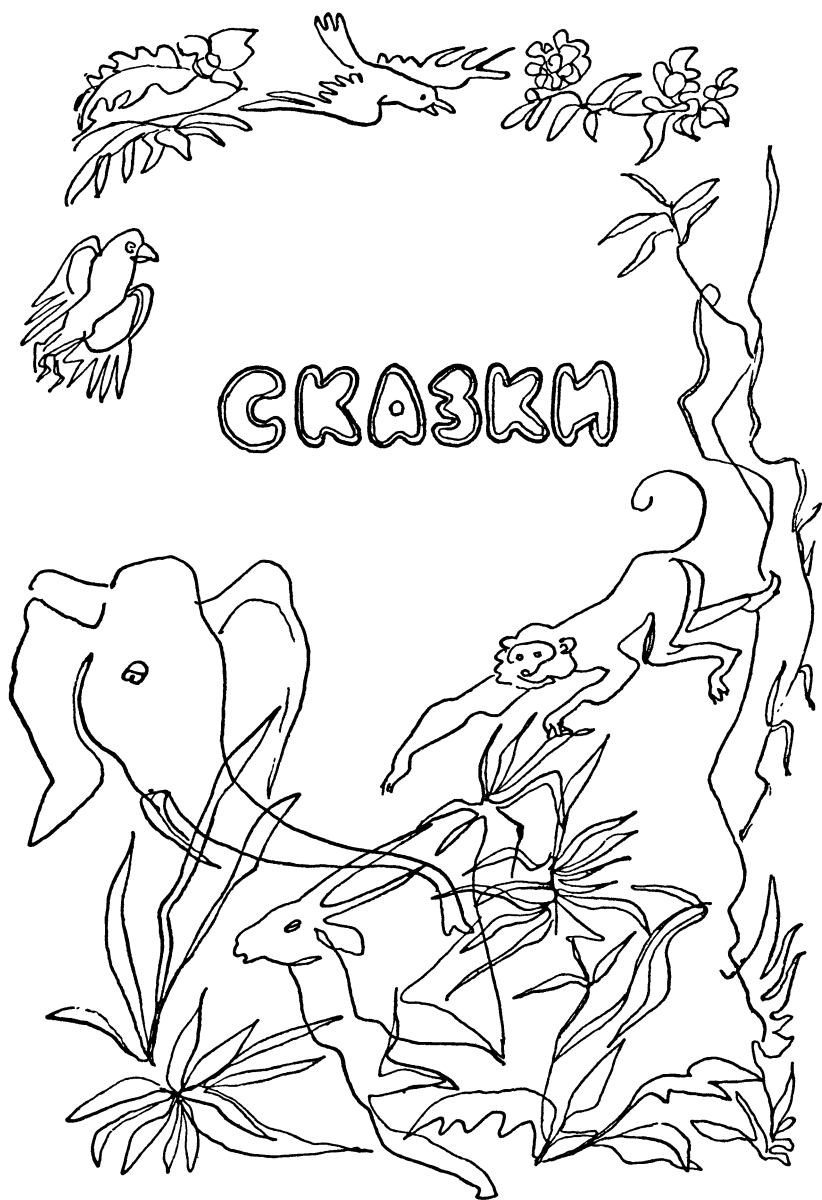
Тонкое облачное кольцо лежало на вулканической вершине. Языки тумана спускались от него по склонам и заканчивались синими ручьями.

И вдруг я понял, что это не облака, а снег!

Снежный великан на экваторе! По его склонам поднимаются автомашины с туристами, а навстречу им из дождевых лесов неторопливо выходят стада слонов. Они расходятся, почти касаясь, слоны и автомобили.

Облака пошли гуще, плотнее. Гора снова утонула в них.

Самолёт летел над белой пустыней.

Это случилось во время Великой Отечественной войны. Стоял сентябрь, осень, похожая на тёплое, нежаркое лето. Наш корабль высадил в порту на западном побережье Чёрного моря десант. Бой, отгремев на улицах, быстро смещался за город, откуда доносились уже только редкие звуки выстрелов. Я с патрулём — горсткой матросов — бродил неподалёку от порта по узкой пустынной улочке, засыпанной битым стеклом, винтовочными гильзами и газетами, которые ветер выдувал из домов. Жители улицу покинули, здания стояли с распахнутыми или выбитыми окнами, местами стены были разрушены, и из квартир на улицу через проломы вытекал поток вещей — какие-то разломанные столы, полки, стулья. Среди них лежали и книги.

Отходить далеко от порта нам не разрешалось — патруль повернул назад. И тут моё внимание привлекла лежавшая на мостовой тонкая зелёная книжечка. На её обложке было напечатано английскими буквами: «Женщина, которая жила в бутылке. Народная сказка». Удивясь — как это мог жить в бутылке человек? — я огляделся, нет ли хозяина. Никого кругом не было, подумал и сунул книжечку в карман. Я унёс её на корабль, а вечером в каюте с помощью словаря прочитал.

Случилось так, что второй раз я прочитал её уже после войны, и сказка снова поразила меня: строем, содержанием, мыслью она совпадала с известной пушкинской сказкой о рыбаке и рыбке. Я решил, что она никакая не народная, а просто автор её читал сказку Пушкина.

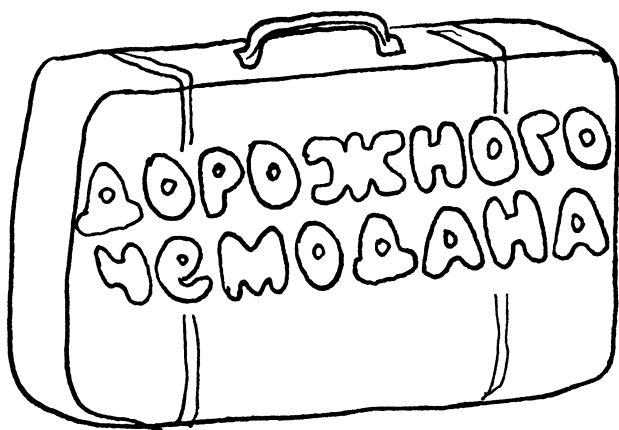
Шли годы, много воды утекло, я сменил несколько профессий, часто переезжал с места на место, но каждый

раз не решался бросить зелёную книжечку, клал её на дно чемодана и увозил с собой. Мало того, случилось так, что я стал писателем, у меня начали выходить свои книги, но эту, переведённую мной, скрывал, не печатал, не говорил о ней никому. Я боялся, что сказка эта известна и что учёные давно уже разобрались, в какой связи она находится с пушкинской.

Это было время, когда я много путешествовал, побывал в Африке, Индии, в Центральной Америке. Отовсюду я стал привозить сказки: какую куплю, какую мне подарят, какую запишу сам. Каждый раз, возвращаясь домой, я доставал со дна дорожного чемодана книги и рукописи и складывал их в ящик письменного стола. И наконец настало время, когда я открыл этот ящик, одни сказки перевёл, другие не только перевёл, но и пересказал по-своему, третьи соединил — несколько сказок в одну. И вот тогда-то, работая, я увидел, что у каждого сказочного сюжета своя судьба и что история о том, как был наказан жадный человек, который не смог вовремя остановиться в своих просьбах, давным-давно бродит по свету. Вот почему в моей книге появились африканская и индонезийская сказки, которые, подобно английской, повторяют горькую и смешную историю рыбака, рыбки и старухи. А те из читателей, кто помнит сказки Редьярда Киплинга, смогут найти в этой книге сказку «Отчего бывают приливы», похожую на киплинговскую историю про краба, который играл с морем. Кубинские же сказки вообще часто совпадают по сюжету с некоторыми сказками, известными нам с детства...

Итак, «Сказки из дорожного чемодана».

СКАЗКИ ИЗ

ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ЖИЛА В БУТЫЛКЕ (АНГЛИЯ)

В давние времена многие люди в Англии, особенно те, чей дом расположен между Ипсвичем и Лондоном, знали женщину, которая жила в бутылке. Бутылка была большой, и поэтому никто не удивился, когда старушка поселилась в ней. Она держала в кустах лестницу и всякий раз, когда ей надо было забраться в бутылку или вылезти, довольно ловко это проделывала. Вот только нрав у старушки был ворчливый и жадный, и именно это заставило её на склоне лет совершить большую ошибку.

Однажды маленькая старая женщина вылезла из своей бутылки и отправилась пешком в Ипсвич, чтобы купить там на базаре рыбы.

Получилось, однако, что ей не пришлось идти до самого Ипсвича: по пути она увидела озеро, а на берегу рыбака, который только что забросил в озеро сеть. Старушка села около него и стала ждать. Рыбак докурил свою трубочку и стал тянуть сеть, но, вытащив, достал из неё только одну маленькую серебряную рыбку.

— Эй, ты, — сказала старушка, — продай мне улов!

Рыбак засмеялся.

— Сколько же мне взять за него? — спросил он. — Один пенни для тебя недорого?

Он поступил очень мудро, назначив эту цену: пенни — это было всё, что лежало в кошельке у старушки.

Ворча, она отдала рыбаку пенни, забрала рыбку и пошла домой. Однако стоило ей сделать несколько шагов, как рыбка, открыв рот, заговорила.

— Добрая женщина,— сказала рыбка,— не носи меня домой. Брось меня, прошу, назад в воду. Я всего лишь маленькая серебристая рыбка, и сколько бы ты ни жарила меня, ничего хорошего не получится!

«К сожалению, она говорит правду! — подумала старушка.— Что проку в такой малявке?» И, вернувшись к озеру (рыбак со своей сетью уже ушёл в другое место), бросила рыбку в воду.

Однако стоило той скрыться, как вода в этом месте заклокотала и вместе с пузырями всплыл маленький зелёный человечек. Он ловко выпрыгнул на берег и очутился рядом со старушкой.

— Так вот кто меня спас! — пробормотал он и стал разглядывать старую женщину.— Ты умно поступила. Я, конечно, всего лишь маленький водяной человечек, но мне теперь надо отблагодарить тебя. Что ты хочешь? Говори скорее.

Старушка растерялась — она никогда в жизни не говорила с водяными — и поэтому ответила запинаясь:

— Спасибо... Мне ничего не нужно... Я живу в старой бутылке из красной глины... А что касается еды: хлеб и рыба — всё, в чём я нуждаюсь,— у меня есть... Нет, мне ничего не нужно!

Маленький зелёный человек долго расхаживал взад-вперёд по берегу, потом подумал и сказал:

— Ладно, иди. Но если что-нибудь задумаешь, приходи на это место, хлопни три раза в ладоши, я появлюсь и исполню твоё желание. Вот так!

Он сделал сердитую гримасу, прыгнул головой вниз в воду и исчез.

Старушка вернулась домой и, уже когда лезла по лестнице к себе в бутылку, подумала, что, пожалуй, лучше бы ей иметь обыкновенный дом с крыльцом и дверью. Пошёл дождь, старушка закрыла горлышко бутылки пробкой и снова подумала, что крыша была бы удобнее. Она всё время думала теперь о доме и наконец решила, что надо идти на озеро.

Она пошла туда и не успела хлопнуть в ладоши,

как вода заклокотала и вместе с пузырями всплыл маленький человечек. Он выпрыгнул на берег и спросил:

— Ну, что надумала?

— Да вот,— ответила старушка,— решила, что лучше мне всё-таки иметь обыкновенный дом. Такой, как у всех. И ходить через дверь, а то лестница с каждым годом становится всё тяжелее.

— Что верно, то верно! — буркнул человечек.— Незачем тебе жить в бутылке.— И он, ничего больше не сказав, бросился в воду.

Старушка вернулась в деревню, и каково же было её удивление, когда вместо красной глиняной бутылки она увидела хорошенький розовый домик. Около него росли цветы, а дверь была гостеприимно открыта.

Старушка вошла внутрь и нашла там свой старый стул, маленький круглый стол и полку с посудой — всё, что она оставила в бутылке. На озере она проголодалась, поэтому уселась обедать, и сразу же стул показался ей жёстким, а стол неудобным.

На другой день она снова отправилась к водяному. Дошла до озера, трижды хлопнула в ладоши — водяной выскочил на берег.

— Ну, что тебе ещё! — спросил он.

— Можешь не злиться, — сказала старушка. — Или забыл, кто спас тебе жизнь? Вот какое новое дело: не заменишь ли ты мне и мебель? Моя стара и выглядит в таком хорошеньком новом доме просто ужасно!

— Ладно! — огрызнулся человечек и ушёл в озеро.

Старушка вернулась домой. В каждой комнате теперь стояли стулья с цветной обивкой, а обеденный стол пахнул новой краской. Что касается полки, то и она была новая, а уж посуда на ней — та просто сверкала и лучилась.

«Теперь, кажется, всё, что мне надо, — подумала старушка. — Вот только ходить на базар надоело. Не завести ли мне пони?»

На следующий день она вновь отправилась к водяному.

— Опять пришла? — спросил её маленький человек.

— Да. Я пришла за пони. За маленьким пони, с ленточкой в волосах и с колокольчиком на шее. Уж не забыл ли ты, что это я выкупила тебя у рыбака?

— Уф! — фыркнул человечек и прыгнул в озеро.

Старушка пришла домой и увидела возле крыльца привязанного пони. У него были и ленточка в волосах, и колокольчик на шее. Пони стоял и пощипывал травку.

«Но как же мне ездить на нём? — подумала старушка. — Не трястись же верхом? Мне, которая оказала водяному столько услуг? Нет, нужен обязательно экипаж!»

Она еле дождалась следующего дня и, сев верхом на пони, отправилась к озеру. Выскочил водяной, и она рассказала ему про экипаж.

— Глупая, жадная женщина! — воскликнул человек. — Ты никак не можешь остановиться. Смотри, как бы жадность не сыграла с тобой злую шутку!

И он полез назад в воду.

Старушка хотела спросить, когда будет экипаж, но оглянувшись и увидела, что пони уже стоит, запряжённый в красивую деревянную повозку.

Она села в неё и покатила.

Ночью старушка уже не спала, а раздумывала, что бы ещё выпросить у водяного.

«Слуги! Вот чего мне теперь не хватает! — сказала она себе. — Кучер, горничная и повар!»

И едва только бледное солнечное пятно показалось на затянутом тучами небосводе, старушка запрягла пони и помчалась к озеру. Там она снова захлопала в ладоши, и снова зелёный человек оказался на берегу рядом с ней. Но на этот раз он уже ничего не говорил, а смотрел на старушку поджав губы.

— Итак, я спасла тебе жизнь, — повторила старая женщина. — Мало того, что я выкупила тебя за один пенни, я не отнесла тебя домой и не бросила на сковородку. Теперь ты должен выполнять все мои просьбы. Мне нужен кучер для экипажа, горничная для комнаты и повар для кухни. Можешь не возражать и не трясти своей шапочкой. Я еду домой!

Она повернулась к экипажу, но... ни экипажа, ни пони уже не было. Она посмотрела на то место, где стоял зелёный человек, — оно тоже было пусто. Только по воде шли круги...

Старушка отправилась домой пешком. Долго брела она по дороге, а когда пришла, то увидела вместо розового домика старую глиняную бутылку, а около неё в кустах — свою лестницу.

УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

(АНГЛИЯ)

Далеко на севере Англии, в графстве Йоркшир, в замке, что стоял между рекой и могучим сосновым лесом, жил человек, которому были доступны многие тайны: он умел превращать в стеклянных пузатых колбах жидкую белую ртуть в твёрдое жёлтое золото, умел, глядя на звёздное небо, предсказывать судьбу и мог, не выходя из своей комнаты, что была расположена в угловой башне замка, видеть события, которые происходят за многие сотни миль от Йоркшира.

В комнате в камине постоянно горел огонь, а на столе лежала книга в переплёте из чёрной воловьей кожи, с медными уголками и застёжками. Эта книга запиралась на ключ, который чародей всегда носил у себя на поясе, потому что именно в ней были те волшебные заклинания и заговоры, с помощью которых он творил чудеса. Для того чтобы постоянно поддерживать в камине огонь (а он был нужен ему для опытов и превращений), чародей держал в замке мальчика. Тот считался его учеником, и поэтому хозяин время от времени учил его каким-то пустякам: например, искусству изменять в небе форму облаков или превращать безобразных неоперившихся птенцов в прекрасных быстрокрылых птиц.

Но мальчик был не по годам смыслён, нетерпелив и хотел как можно скорее познать тайны, которыми владел чародей.

И вот однажды, когда хозяин замка уехал в соседний город на рынок (а даже чародеи должны иногда пополнять запасы хлеба и мяса в своих замках!), мальчик вошёл в заветную комнату и — о чудо! — увидел, что на столе рядом с книгой лежит забытый хозяином ключ. В комнате было тихо, так тихо, что

стало слышно, как испуганно забилося сердце мальчика. «Что делать? — подумал он. — Оставить всё как есть и уйти или открыть замо́к и посмотреть, что написано в этой книге?» Он подумал так, потому что чародей никогда не открывал при нём книгу и он никогда не слышал записанных в ней заклинаний. «Второго раза мне не дожидаться, будь что будет!» И, решив так, он вставил ключ в замок, повернул его и, раскрыв книгу, прочитал наугад первое заклинание.

Не успел звук его голоса замереть под сводами комнаты, как стены задрожали, огонь в камине с шипением погас, оттуда вырвался клуб чёрного дыма, и посреди комнаты возник огромный безобразный человек, облик которого был зыбок, а лицо выражало одновременно и гнев и покорность.

— Что прикажешь? Ты вызвал меня, — сказал дух (а что это был именно дух, мальчик догадался сразу).

— Я... я... я... — растерялся сперва ученик, но он был неробкого десятка, быстро пришёл в себя и сказал: — Сейчас, подожди немного!

«Что бы заставить его делать? — размышлял он. — Построить ещё один замок? Или заставить принести сюда сундук с золотом? Или свести вместе луну и солнце, чтобы, столкнув, затмить их свет, как это было уже не раз?.. Придумал!»

И он сказал:

— В лесу за ручьём я видел как-то небольшой гранитный камень. Он лежит около раздвоенной сосны. Я хочу, чтобы ты расколол его ударом молнии, а я чтобы стоял в это время неподалёку, всё видел и остался невредим.

— Странное желание! Хорошо ли ты подумал? — пробормотал дух, поднял руки, и они оба из полутёмной комнаты очутились в лесу на ярком солнце, среди бронзовых, облитых душистой смолой сосновых стволов, уходящих вершинами к самому небу. Рядом с ними лежал на земле камень.

Не успели они очутиться около него, как из безоблачного неба ударил гром, над камнем выросло ветвистое огненное дерево, камень развалился пополам, а огонь с шипением ушёл в землю, наподобие того, как уходит в нору потревоженная змея. Но, пролетая меж сосновых стволов, молния опалила их, смола воспламенилась, деревья вспыхнули, как свечи, пламя с рёвом пронеслось по лесу.

— Берегись! — воскликнул дух. — Видишь, звери и птицы уже бросились бежать.

Действительно, пожар охватил весь лес, могучие деревья на глазах у мальчика превращались в обугленные столбы, которые с грохотом рушились, взметая тучи искр. Вокруг горели, извиваясь, как черви, ветви кустов, а трава, вспыхивая, превращалась в зелёный дым. Гул, грохот, нестерпимый жар. Ручей у стен замка испарился, а по самим стенам побежали дымные трещины.

— Воды! Скорее как можно больше воды! Лей воду! — закричал мальчик.

Услышав приказ, дух взмыл в воздух, и тотчас с неба хлынул дождь. Он был такой плотный, словно там, наверху, открылись шлюзы плотины и сверху изверглась река. Огонь, шипя, выбросил тут и там струи пара, он быстро погас, чёрные потоки — вода, перемешанная с углем и сажей, — понеслись мимо мальчика. Пожар прекратился.

— Уф, как славно! — закричал ученик чародея и, подняв разгорячённое, перепачканное копотью лицо, подставил его дождю.

— Воды, как можно больше воды! — повторило над ним послушное эхо.

Дождь лил не переставая, вода быстро прибывала. Вот она уже заполнила в лесу все низины, деревья оказались по пояс в воде, ручей у стен замка вышел из берегов и превратился в бурную пенную реку. Мальчик, спасаясь от воды, вскарабкался на развилку сосны. У его ног проплывали унесённые потоком мёртвые косули, лисы и зайцы. Сквозь пелену дождя вид-

нелся замок, стены его уже до половины погрузились в воду, деревня рядом на холме превратилась в остров. Среди домов метались, как потревоженные муравьи, люди. Вода достигла ног мальчика.

«Что делать? — в ужасе подумал мальчик. — Как отогнать воду? Что может спасти нас?.. Ветер. Ну конечно, он!»

И, запрокинув голову к небу, закричал:

— Ты слышишь меня? Прогони воду! Дуй, дуй из всех сил!

Тогда послушный дух, до ушей которого долетел слабый голос мальчика, принялся дуть. Сперва ветер был слабый и только отогнал тучи, из которых шёл дождь, потом он стал сильнее, и повсюду по воде побежали чёрные шквалики. Ветер ещё усилился.

Вода повернула и стала уходить из леса. Прекратила своё течение и река, она тоже обратилась вспять и скоро превратилась снова в ручей. Но покорный дух старался изо всех сил: ветер становился всё крепче, он уже бушевал, гудели вершины деревьев. Не выдержав напора воздуха, рухнуло первое дерево. Ветер стал ураганом, по воздуху неслись сорванные в деревне крыши, с одной из башен замка — с самой высокой — слетел шпиль. Прячась за сосну, мальчик пытался крикнуть, но теперь ветер уносил его еле слышные слова. Под напором урагана рухнул лес, начали распадаться стены замка...

И вдруг всё прекратилось, воцарилась мёртвая тишина. Это чародей увидел издалика и пожар, и наводнение, быстро вернулся в замок и, открыв чёрную книгу, успел прокричать заклинания. Мало того, он нашёл нужную страницу, прочитал её вслух, и поваленные деревья снова поднялись, лес зазеленел, крыши вернулись по воздуху на свои места, а замок принял прежний вид.

И только тогда мальчик поднялся с земли, шатаясь от слабости, перешёл по мостику ручей и вернулся в замок.

Чародей сидел в своей комнате за раскрытой книгой.

— Я вижу, ты не оправдал моих надежд, — печально сказал он, глядя прямо в глаза ученику. — Смотри, огонь в камине погас. Собери свои вещи и ступай!

Так невесело окончилась история, которая началась с пустяков: с ключа, забытого около книги, и желания расколоть небольшой камень.

КИБОКО-ХУГО БЕГЕМОТ*

(ТАНЗАНИЯ)

КТО ТАКОЙ БЕГЕМОТ ХУГО

В Африке на берегу океана, в мелкой и тёплой лагуне Куросани, живёт бегемот по имени Хуго. Он живёт один, но это не значит, дети, что так было всегда.

Когда-то, в давние-давние времена, в лагуне жили рыбы акулы. Это были хорошие и гостеприимные животные, и поэтому, когда из леса в лагуну пришли бегемоты, акулы уступили им Куросани. Они уплыли в океан и живут теперь там. Вот почему, дети, я не верю историям про коварство и жестокость акул. Не всё, что рассказывают, происходит на самом деле.

Но оставим акул в покое и поговорим о бегемоте Хуго.

После того как все родственники его умерли, он остался в лагуне один.

Он жил там год за годом, и каждый, кто приезжал в Куросани или в расположенные поблизости деревню Мзимуни и большой город Дар-эс-Салам, спрашивал:

— А где этот бегемот-кибоко, который живёт один?

На что люди, знающие лагуну, обыкновенно отвечали:

— Хуко, хуко! Там, там!

А поскольку люди племени насига вместо «хуко» говорят «хуго», это и стало кличкой бегемота.

---

* Первая сказка, написанная для детей на языке суахили в Танзании после завоевания страной в 1961 году независимости.

Всё шло бы хорошо, мои дети, если бы бегемот Хуго питался рыбой, подобно акулам, или жуками и бабочками, подобно чёрным сорокам, которые имеют обыкновение разъезжать верхом на слонах.

Но увы! Хуго не питался ни рыбой, ни жуками, ни бабочками, а выходил каждую ночь из лагуны и поедал молодые побеги риса и вытапывал своими короткими толстыми ногами грядки. Он не знал, что люди Куросани тратят много труда на то, чтобы посадить и поднять рисовые стебли. Однако незнание — не оправдание, как говорит мудрый марабú, тот самый марабу, у которого лысая голова и у которого на каждый случай в жизни есть пословица или поговорка. И случилось так, что жители Куросани возненавидели Хуго, и когда люди из Мзимунни или из большого города Дар-эс-Салама убеждали их смириться с потерей урожая, жители Куросани отвечали:

— Хуго вытапывает не ваш рис. Мы убьём Хуго!

Дело шло к тому, что жестокость вот-вот должна была восторжествовать. Тогда обеспокоенный Хуго, который кое-что заметил и кое-что слышал, решил посоветоваться с Рыбой.

КАК БЕГЕМОТ ХУГО ГОВОРИЛ С РЫБОЙ

Одинокая жизнь Хуго очень удивляла морских животных, которые всегда держатся стаями. Поэтому Рыба охотно пришла на зов бегемота. Она и сама давно хотела кое-что узнать о Хуго и его предках.

Они встретились в том месте, где солёные воды океана сливаются с пресными водами реки, впадающей в лагуну. Никто не мешал их беседе, дети, и вот какой разговор произошёл между ними.

РЫБА. Мне непонятно, почему у всех животных, живущих на суше, есть шерсть, а у вас, бегемотов, её нет.

ХУГО. Для того чтобы ответить на твой вопрос, надо рассказать историю, которая случилась, как утверждают, давным-давно, ещё до того, как появился человек, его лодки и дома. Ты можешь верить, можешь — нет, но когда-то у бегемотов была густая красивая шерсть. И жили они не в воде, как теперь, а на суше. Господин Слон, у которого шерсть очень редка и, можно сказать, даже совсем незаметна, завидовал бегемотам. Он договорился с Кроликом...

РЫБА. Это такой зверь с длинными ушами?

ХУГО. И с длинным, лживым языком, добавлю я. Так вот, Обманщик Кролик и Господин Слон решили погубить бегемотов. Кролик пригласил их прогуляться по берегу кипящего озера. А когда они стали важно разгуливать по песку, любуясь своей густой шерстью, появился Господин Слон и столкнул их всех в воду.

РЫБА. Но ведь вода должна была когда-нибудь остыть!

ХУГО. Так и случилось — вода остыла. Но шерсть у моих предков к тому времени вся вылезла, и они от стыда решили никогда больше не покидать воды. И тогда же у них появилась привычка выходить пастись только по ночам.

РЫБА. Однажды бегемот опрокинул лодку, в которой сидел рыбак. Рыбак охотился за мной. Я в долгу перед твоими родичами.

ХУГО. Вот видишь, тогда помоги мне советом. Люди говорят, что они хотят напасть на меня за то, что по ночам я ем их рис. Они хотят убить меня. Что делать?

РЫБА. Это сложный вопрос. Я могла бы посоветовать тебе оставить в покое рис. Но я сама знаю, что такое голод. Мой совет: наберись терпения. Подожди, что будет.

Так сказала Рыба и, вильнув хвостом, скрылась в солёной воде океана, а бегемот Хуго поплыл пресной водой к себе в лагуну.

Только он вернулся в лагуну, как заметил, что на её берегах мелькают тут и там белые рубахи и белые блузки, зелёные юбки и синие брюки школьников. Поднимались серые палатки. Школьники из Дар-эс-Салама приехали на отдых и строили себе лагерь.

И случилось так, что только они разбили лагерь, как прибежал человек и сказал:

— Бегемоту Хуго грозит опасность!

Он рассказал про рис, и тогда один мальчик предложил:

— Построим между водой и рисовым полем забор! Бегемот Хуго не сможет тогда топтать рис.

И все школьники сказали:

— Построим забор!

Они принялись за дело и работали весь день. Они построили забор, а вечером пошли к себе в лагерь и по пути пели песню:

Звери саванны в стране Танзании —

Это большое богатство для всего мира.

Мы должны сохранить зверей в Танзании,

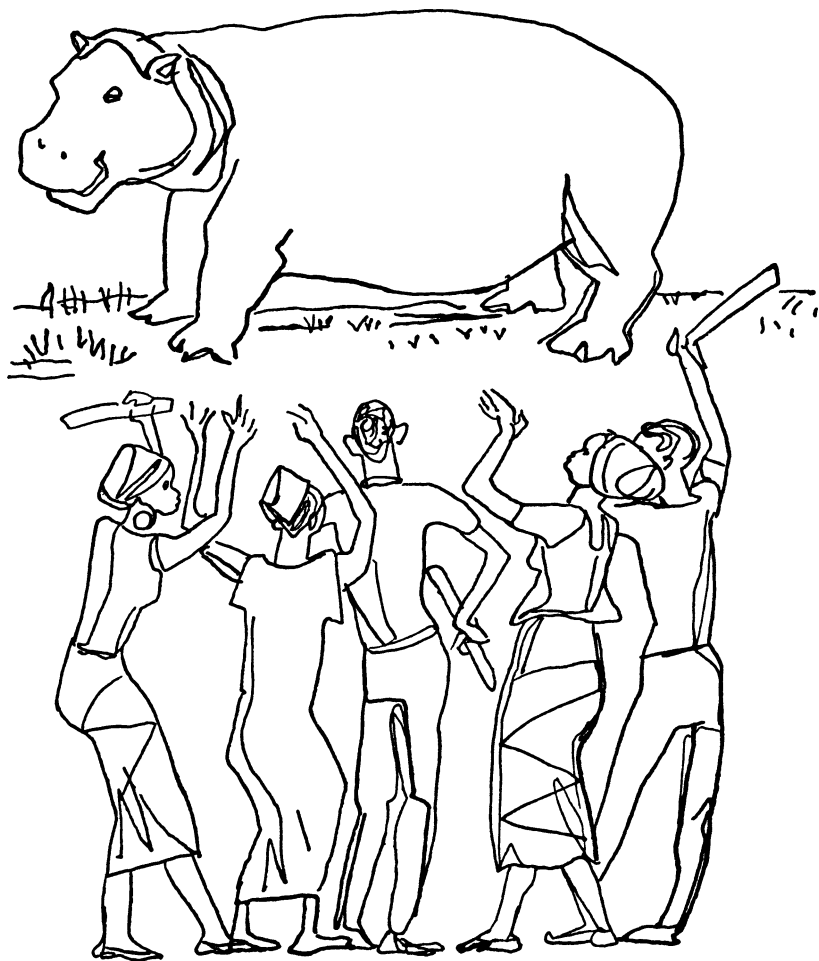
Друзья животных — пример для всех.

Они пели, а бегемот Хуго сидел в воде, выставив уши и ноздри, и тихонько дышал и слушал. Он не знал, что весь этот шум поднят из-за него.

Вот почему, когда настала ночь, он, как всегда, вылез на берег, обошёл забор, и наелся сладкого-сладкого риса, и от удовольствия — рис был действительно так сладок! — даже потанцевал на грядках.

МИКУМИ

Утром — а это случилось именно утром, дети, — одна девочка встала раньше всех и побежала на рисовое поле — посмотреть, как там дела. Прибежав назад, она закричала всем:

— Как вы спали? Шикамóо!

— Мы спали хорошо,— ответили ей все.— Мара-хáба!¹

— Тогда посмотрите на поле!

Все посмотрели и ахнули.

— Я знаю, что надо делать,— сказала девоч-

---

¹ Слова «шикамóо» и «марахáба» употребляются как выражение вежливости.

ка.— Надо выкопать яму, поймать в неё бегемота и отвезти его в Микуми!

И все поняли, что она права. Она права, потому что в заповеднике Микуми есть «пруд бегемотов». И ещё права потому, что в заповеднике хорошо живётся не только им, но и слонам, и львам, и лысому марабу, и даже злой слюнявой гиене...

Тут, дети, мой рассказ подходит к концу, потому что яма-ловушка уже вырыта и все дети и все рыбаки и крестьяне Куросани ждут, когда попадётся в неё Хуго.

Неизвестно, когда он в неё попадётся, но говорят, что бегемоты обязательно попадают в ловушку в один из первых пятидесяти дней после того, как её вырыли и закрыли сверху травой и ветками.

И тогда наступит час переезда. И все жители Куросани соберутся, чтобы проститься с Хуго, потому что, хотя он и топтал их рисовые поля, во всём остальном был добродушным животным и никому не делал другого вреда. А жители Мзимун и большого города Дар-эс-Салама выйдут на дорогу, чтобы тоже проститься с бегемотом Хуго. Они будут стоять вдоль дороги и, когда машина с животным подъедет, затянут песню. Это будет песня со старыми словами:

Где этот бегемот?
Хуго! Хуго! Хуго!

Но и старые слова хороши, если они к месту.

Это будет праздник, потому что тогда можно будет сказать: «Люди спасли старину Хуго. Ещё одно животное в Танзании в безопасности!»

И все будут гордиться, потому что гордиться можно не только большими победами своего народа в войнах, но и его маленькими добрыми делами.

ТРИ БРАТА

(ВОСТОЧНАЯ АФРИКА)

Жил купец, у которого было три сына. Однажды, когда он вместе с сыновьями путешествовал караваном, торгуя тканями и железом в глубине Африки, ему стало плохо.

Позвав сыновей, он сказал:

— Дети мои! Много месяцев путешествовали мы с вами по этой чужой негостеприимной земле. Мы не наторговали богатств, и теперь я молюсь только об одном — как бы вам вернуться домой целыми и невредимыми. О себе я не думаю: мои дни сочтены.

Заливаясь слезами, братья слушали отца.

— Похоронив меня, — продолжал купец слабым голосом, — отправляйтесь назад к океану. При этом вы должны выполнить мои три завета: пусть все тюки в вашем караване будут пустыми, никогда не носите красных одежд и не бойтесь говорить вслух то, что думаете. По пути будьте внимательны и старайтесь изо всего делать правильные выводы...

Сказав так, купец умер.

Братья похоронили его, раздали все свои товары местным людям и с пустыми тюками двинулись в обратный путь.

Караван шёл уже по дороге несколько дней, когда братья увидели в мягкой глине следы животного.

— Здесь проходил осёл, — сказал старший брат.

— Он нёс большой груз, — добавил средний.

— Он прошёл всего несколько часов назад, — закончил младший.

Не успели они это сказать, как придорожные кусты раздвинулись и из них вышел одетый в пышные одежды правитель этого края.

— Кто вы такие и почему смеее судить о том, чего нельзя видеть? — грозно спросил он.

— Мы бедные купцы, возвращаемся к океану, чтобы попасть домой. А что касается наших слов, то они относятся как раз к увиденному, — отвечали братья.

— Это отпечатки ног осла, — пояснил старший.

— Они очень глубоки, значит, осёл был тяжело нагружен, — сказал средний.

— Следы не затоптаны другими животными — значит, они оставлены недавно, — закончил младший.

«Они так умны, что сумеют и без всего разбогатеть!» — подумал правитель и приказал, отобрав всех животных и поклажу, выпроводить братьев за пределы его владений.

Оставив весь караван — носильщиков и ослов с пустыми тюками, — братья пошли дальше.

Спустя несколько дней они увидели под деревом у дороги новые следы.

— Тут отдыхала женщина, — сказал старший.

— Муж её — небогатый человек, — добавил средний.

— На спине она несла ребёнка, — закончил младший.

Не успели они так сказать, из-за деревьев и на этот раз вышел в сопровождении слуг правитель нового края. Он тоже слышал слова братьев и тоже был поражён ими.

— Ничего нет удивительного, — объяснил ему старший. — Такая маленькая нога бывает только у женщин. А следы ведут в тень.

— В траве лежит браслет, который она потеряла. Браслет недорогой, — добавил средний.

— И всё-таки, потеряв браслет, она бы не ушла, если бы все её мысли не были заняты ребёнком. Ему она дала поиграть браслетом, и это он потерял его, — закончил младший. — А носят детей, как ты знаешь, за спиной...

«О-о, как они хитры и образованны. Что, если они

захотят убить меня и сесть на мой трон? — подумал правитель. — Нельзя отпускать их живыми...»

И он приказал отвести братьев к себе в дом, подарил всем троим красные одежды и попросил их надеть на ночь.

Братьям эта просьба показалась подозрительной, и, ложась спать, они постелили одежды на полу. Только они это сделали, как из окон на одежды посыпался град стрел — это слуги выполнили приказ своего хозяина убить гостей.

Не теряя времени, братья незаметно выскользнули из дома и отправились глухими тропинками дальше на восток.

Шли они, шли и наконец достигли берега океана. Здесь на пути им встретился город, правитель которого уже подчинялся султану Занзибара. Он радушно принял братьев и, выслушав их рассказ, предложил остаться на несколько дней в своём дворце.

Однако надо сказать, что он не очень-то поверил тому, что рассказывали братья, и, чтобы удостовериться в их уме, решил вечером подслушать их беседы.

Он спрятался за колонной во дворце и стал слушать.

Братья разговаривали.

— Мне кажется, что мясо телят, которым нас здесь угощают, не настоящее, — сказал старший.

— И заморское вино, которым поят, тоже ничего не стоит, — добавил средний.

— А правитель, хотя и выводит свою родословную от султанов Занзибара, не тот, кем хочет казаться! — закончил младший.

При этих его словах правитель в гневе вышел из-за колонны и воскликнул:

— О странники! Так вот как вы платите мне за гостеприимство? Как можете вы сомневаться в истинности того, что слышали или получили здесь? Если окажется, что вы хоть в чём-то не правы, вам не сносить головы!

И, хлопнув три раза в ладоши, он приказал привести всех дворцовых слуг.

Услыхав, в чём дело, дворцовый повар упал на колени.

— Смилуйся, господин! — завопил он. — Ты приказывал эти дни готовить к обеду мясо телят, но у меня не было под рукой телятины, и я, несчастный, нанизал на вертел бок старой коровы!

— О повелитель! — взмолился и дворцовый виночерпий. — Заморские вина я раздал своим родственникам, а к столу наливал в сосуды местное дешёвое вино.

Не успел правитель решить, что ему делать с мошенниками, как в комнату вошла его мать — она тоже пряталась за колонной и тоже слышала всё. Она сказала:

— Сын мой, не гневайся на пришельцев. Это правда: ты не сын моего покойного мужа, который был родственником султана. Ты мой сын от первого брака. Этот брак я долго скрывала. Твой отец принадлежал к славному королевскому роду, владения которого расположены в Эфи́опии. Это можно заметить по лёгкой черноте твоего лица... Но разве по прошествии стольких лет это имеет какое-либо значение?

Правитель не мог сердиться на братьев. Он дал им парусную лодку доу, и она доставила всех троих на остров Занзибар. Там они провели остаток лет, умножая не богатство, а мудрость.

ПОЧЕМУ У КИТА БОЛЬШОЙ РОТ (ВОСТОЧНАЯ АФРИКА)

Жил-был кит. Он никогда ничему не удивлялся, плавал себе в тёплой воде океана и лениво пофыркивал.

Рот в те времена был у него маленький.

Подплыл однажды кит к берегу и увидел обезьяну, которая собирала орехи-кешью, сорванные с дерева ветром.

Они поговорили между собой о том о сём, и обезьяна спросила:

— А знаешь ли ты, могучий кит, что южный ветер, который сорвал эти орехи, был однажды причиной очень больших неприятностей, из-за которых могли пострадать человек, ветер, змея и ещё кое-кто?

— Нет,— ответил кит, лениво шевеля хвостом.

— Тогда я осмелюсь задать тебе ещё один вопрос. Кто сильнее — ты, самый большой из зверей, странствующих по тропе жизни, или вон тот серый паучок, упавший на землю вместе с орехом?

— Конечно, я,— равнодушно ответил кит.— Ну конечно, я, тут даже раздумывать нечего.

И он снова фыркнул, чуть приоткрыв свой маленький рот.

— Нет, далеко не так... Слушай.

И обезьяна начала свой рассказ.

...Давным-давно в стране, что лежит между берегом океана и озёрами, в самой середине Африки, откуда вытекают самые большие в мире реки, жил вождь. Это был могущественный человек, и его боялись не только люди его племени, но и все звери, звёзды и ветер.

Но этот могущественный человек был слеп от рождения, а поскольку он был любознателен, то часто задумывался. «Я хотел бы знать, на что похож мир, окружающий меня, — говорил он себе. — Что только бы я не отдал, чтобы увидеть его хотя бы на мгновение!»

И случилось так, что однажды во время сезона дождей, когда на страну надвинулись синие и тяжёлые от влаги тучи, блеснула молния и слепой на мгновение увидел мир. А поскольку он стоял в это время перед огромным деревом баобабом, то увидел именно его. Увидел — и всё для него снова погрузилось в темноту.

— Какое счастье! — воскликнул слепой вождь. — Я знаю теперь, что мир — это дерево, похожее на бутылку, что он серого цвета, у него короткие толстые ветви, зелёные листья и много плодов. Теперь я спокоен!

И он продолжал жить и править своим племенем, наводя ужас на злые и воинственные соседние племена и делая добро тем, которых он считал мирными. Но, оставаясь наедине с самим собой, он часто подходил к баобабу, трогал его рукой и, убедившись, что зрение и осязание сказали ему правду, облегчённо вздыхал.

Но вот случилась беда. Как-то подул очень сильный южный ветер, в саду раздался грохот и треск ветвей.

— Что это затрещало и рухнуло? — спросил встревоженный вождь.

— Не гневайся, это южный ветер повалил твоё дерево! — ответили испуганные слуги.

Тогда вождь окропил землю кровью только что зарезанного петуха, сделал несколько магических движений, известных только ему, и, когда колдовство стало действовать, приказал южному ветру явиться.

И ветер, прошумев листьями смоковниц, которые в изобилии росли там, предстал перед вождём.

— Как посмел ты сломать моё любимое дерево? — с горечью воскликнул тот.

— О повелитель, — ответил ветер, — я никогда не смог бы проникнуть в твой сад и сломать дерево, если бы меня остановила стена. Но она не сделала этого.

Вождь приказал явиться стене.

— Я, конечно, остановила бы ветер, — ответила стена, — но толстая и тяжёлая змея удав, которая живёт в саду, часто лазила по мне и вконец разрушила меня.

Вождь велел предстать перед ним удаву.

— Я не лазил бы по стенам и не ловил певчих птиц, если бы в своё время огонь, который бушевал в саванне (а я родился там), сжёг яйцо, отложенное моей матерью! Из него я родился на свет и охочусь так, как положено змеям, — объяснил удав.

— А я сжёг бы яйцо, но мне помешал дождь, который потушил меня. В то лето дождь начался раньше времени. Если бы не так — всё было бы в порядке, — сказал огонь.

— О мудрый! — начал дождь свои объяснения. — Ты, конечно, знаешь, что сезон дождей начинается тогда, когда серый паучок, живущий на дереве кешью, перестаёт ткать свою паутину и прячется под кору. Но в то лето паучок поторопился, кончил работу и спрятался. Раньше времени пролился на землю и я...

— Теперь ты знаешь, кто сильнее? — закончила обезьяна свой рассказ.

Поражённый кит так разинул рот от изумления, что он стал у него широким-прешироким.

С тех пор у китов большой рот, а маленькие серые паучки, которые ткут свои паутины на ореховых деревьях кешью, никогда не торопят приход сезона дождей.

УМНЫЙ БРАТ

(ЭФИОПИЯ)

Жили три брата: двое ленивых и глупых, а третий — самый младший — дельный и умный. У каждого было по клочку земли, по хижине и по быку.

Жили они, жили. Что младший достанет или вырастит, то и ели. Однажды видят старшие братья — ничего в их домах нет, зарезали быка младшего брата и съели. Приходит тот домой с поля, а от быка только кости да шкура остались.

— Что же вы сделали? — говорит он братьям. — Почему своих быков не тронули?.. Ну да делать нечего, отдайте мне хоть шкуру...

Взял шкуру, понёс её на базар продавать. Идёт по дороге, видит — дерево, под ним — нора, а около неё много-много мышей. Расстелил младший брат шкуру, а когда мыши забрались на неё, шкуру свернул и поймал их, как в мешок. Залез на дерево, ждёт.

Едет мимо караван купцов, на каждом муле — тюки с дорогими товарами. Расположились купцы на отдых под деревом, а младший брат возьми да и высыпи на них мышей. Купцы с перепугу — в разные стороны, а младший брат слез с дерева, погрузил самые лучшие их товары на одного мула и погнал его домой.

Очень удивились старшие братья: откуда у него мул и столько товаров?

— А за это вам спасибо! — говорит младший брат (он зла долго не держал). — Быка вы моего зарезали, а я его шкуру продал и вон сколько накупил. Шкуры нынче знаете в какой цене!

Это он так пошутил, а его братья подхватились с циновок и давай своих быков резать. Зарезали,

шкуры сняли, на базар понесли. А там таких шкур много. Так ничего они и не выручили.

Разозлились, вернулись домой. Дождались, когда младший брат в поле уйдёт, и подожгли его хижину. Хижина из тростника, вспыхнула как свеча — и нет, одна горстка золы лежит.

Вернулся с поля младший брат, видит, хижина сгорела, погоревал, погоревал, собрал золу в мешок, погрузил на мула и снова отправился в путь. Ехал весь день, а когда настала ночь, приехал в деревню и остановился перепочевать около дома одного богатого человека. Как все богачи, тот был злой и очень трясся над своим богатством — как бы его не потерять!

Настало утро, и младший брат поднял крик.

— Беда,— кричит он,— беда!

Сбежался народ, выскочил из дома богач.

— В чём дело? — спрашивает.— Что за беда?

— Ой, украли! Ох, похитили муку! Муку самого негуса!

И он рассказал, что будто бы вёз на муле мешок муки самого царя-негуса. Муку будто воры ночью украли, а вместо неё насыпали в мешок золы.

Испугался богач, что такая пропажа случилась у самого его дома и что негус может заподозрить в краже его.

— Не кричи! — умоляет.— Не собирай народ. Высыпай скорее свою золу, бери мою муку и уезжай поскорее.

Высыпал младший брат золу, насыпал полный мешок отборной муки и вернулся домой.

— Откуда у тебя мука? — удивились братья.

— Обменял на базаре. Знаете, в какой теперь цене зола от дома? Все только её и спрашивают: нет ли у тебя, нет ли?

Переполошились братья, сожгли свои тростниковые хижины, сгребли золу в два мешка и повезли на базар...

Снова вернулись они ни с чем — долго люди хохотали над ними,— но на этот раз решили больше с младшим братом не ссориться, а жить с ним в мире. Построили новые хижины из тростника, купили на деньги брата быков и живут.

Но случилось так, что злой и трусливый богач узнал, кто провёл его, и решил расправиться с младшим из братьев, а когда отправился в путь, то встретил купцов, у которых младший брат отобрал ценности, и рассказал им всё. Купцы тоже смекнули, кто обидчик, и решили наказать его. Они первыми приехали в деревню, где жили братья, подкараулили на поле младшего, схватили, затолкали в корзину и повесили корзину на самом краю пропасти.

— Сиди дрожи, корзина скоро оборвётся! — сказали они и уехали, хохоча.

А в это время по тропинке ехал богач, который отстал от них. Ехал и придумывал, каким бы способом наказать обидчика. Видит — над пропастью корзина, в корзине — человек.

Удивился богач.

— Что ты там делаешь? — спрашивает.

— Набираюсь мудрости, — отвечает младший брат (сн увидел богача через дырочки в плетёной корзине). — Видишь, какое дело: мне надо наказать одного человека, который замыслил против меня зло. Так вот, посидев в корзине над этой пропастью, каждый становится умнее и горазд на выдумки.

А надо сказать, что богач был глуповат и никак не мог придумать, что ему сделать.

— Ой, да мне и самому надо посидеть в этой корзине. Пусти меня туда! — просит.

— Нет, нет, — отвечает младший брат. — Знаешь, как мне долго пришлось ждать очереди.

— Дай я за тебя посижу хотя бы часок, — умоляет богач. — Я тебе заплачу — мне ох как надо!

— Ну ладно...

Подтащил богач корзину. Вылез из неё (прикрывая лицо рукой) младший брат, взял деньги, посадил туда богача и снова опустил корзину над пропастью.

И ушёл.

Долго висел злой и жадный богач, пока мимо не проехали крестьяне и не освободили его. Вскочил он на своего мула и поскакал, забыв о всякой мести, домой.

А три брата с тех пор жили дружно и в достатке. Они вместе вспахивали своё поле, вместе следили за быками, а по вечерам, когда над горами, где начинается свой бег Голубой Нил, гаснет оранжевая полоска зари, собирались у своих хижин и вспоминали всё, что с ними случилось.

БЕДНЯК И ВОДЯНАЯ ЖЕНЩИНА (ЮЖНАЯ АФРИКА)

Жил в деревне на краю леса бедняк. Он жил один в своей хижине, и хотя ходил на охоту, рыбачил и собирал корни и плоды в лесу, как это делали все люди племени, — то ли он был неловок и плохо видел, то ли ему просто не везло, — но ему всегда было нечего есть.

Однажды он сидел в своей хижине и смотрел на пустые горшки. «Пойду-ка я на реку, попробую ещё раз попытать счастья!» — решил и, взяв сеть, сплетённую из травы, отправился ловить рыбу.

«Поймаю и тут же съем», — сказал он себе, размахнулся и бросил сеть в воду.

Но как только он стал её тащить, почувствовал, что в сеть попало что-то тяжёлое. Он вытащил сеть на берег и увидел в ней женщину. Она была молода и красива, у неё были сильные руки и аккуратно заплетённые и намазанные глиной волосы. Увидев её, бедняк испугался и хотел было столкнуть сеть назад в воду, но женщина вылезла из сети и сказала:

— Вот кто поймал меня! Раз так — води меня к себе в деревню.

— Что ты, что ты! — вовсе трусил рыбак. — Если я приведу тебя в свою хижину, мои родичи выгонят нас из деревни: ведь я такой бедный, что не могу прокормить даже себя самого. Им придётся кормить теперь двоих!

— Ладно, — сказала водяная женщина. — Не води меня в деревню, давай найдём в лесу брошенную хижину и будем жить в ней.

Бедняк согласился. Они пошли в лес, нашли там

заброшенную хижину, поправили стены и крышу и расположились на ночлег. Но едва настала ночь и в лесу запели ночные птицы, женщина потихоньку встала, убедилась, что мужчина спит, и начала колдовать. Она рассыпала пепел от костра вокруг хижины и полила его водой, которую принесла в калёбáсе из реки. Ещё она разбросала повсюду клочки коровьей и козьей шерсти, щепочки и кусочки глины, поднятые с тропинки, по которой проходили днём люди лáмба. И к утру клочки шерсти превратились в коров и коз, щепочки — в большие новые хижины и ограду вокруг них, а кусочки глины — в людей.

Утром бедняк проснулся — и не поверил своим глазам.

— Откуда это всё?! — воскликнул он.

— Это всё принадлежит тебе, — ответила женщина. — Отныне ты мой муж, а я — твоя жена, а эти люди — твои новые родичи. Мы будем жить здесь долго, счастливо и сытно. Но для этого ты должен дать мне слово, что никогда больше не пойдёшь ловить рыбу на то место, где поймал меня.

— Хорошо, — сказал бедняк, — пусть будет так. Зачем мне идти туда, ведь у меня теперь всё есть!

И они стали жить. Мужчины пасли скот, а женщины копали землю и сеяли просо и бобы. Так они прожили много дней, и муж стал думать: «Если я приобрёл такое богатство, забросив сеть всего один раз, кто знает, что я могу приобрести, забросив сеть снова?»

И вот однажды, взяв потихоньку от жены сеть, он крадучись вышел из хижины и отправился на реку. Там он забросил на том же месте сеть в воду и, потянув, опять почувствовал, что она тяжела. Вытащив её на берег, он увидел в сети новую женщину, ещё прекраснее и сильнее, чем первая.

— Вот ты и попалась, скорее идём в мой дом! — крикнул он.

Но женщина, выйдя из сети, покачала головой и сказала:

— У тебя в хижине уже есть жена. Пойди убей её и только тогда приходи за мной.

Трясаясь от жадности, муж бросился домой. Он прибежал в хижину, выбрал самое острое копьё и хотел было пустить его в ход, но подумал: «Зачем мне терять хорошую жену? Нет, надо поступить не так — пусть у меня будет две жены!» Пошёл в лес, нашёл дерево мулёмбе, сок которого красен, как кровь, и вонзил копьё в дерево. Потом он вернулся на берег реки и показал копьё водяной женщине.

— Видишь, я убил жену,— сказал он.— Идём!

— Нет, это не кровь. Ты пронзил копьём дерево муломбе,— ответила женщина.— Я не пойду с тобой.

Тогда человек побежал снова к хижине, поймал козу, вонзил копьё ей в живот, вернулся на берег реки и стал снова звать с собой водяную женщину.

— Это кровь козы — твоя жена по-прежнему жива,— ответила та.

Человек понял, что обман раскрыт, бросился со всех ног в лес, добежал до хижины, ворвался в неё и, подняв копьё, ударил им жену в грудь. Но не успел наконечник копья коснуться её тела, как женщина исчезла. Вместе с ней исчезли все постройки, коровы, козы и родичи.

Испуганный, он прибежал на берег реки, но и там никого не было — вторая водяная женщина исчезла, как и первая. И только тогда понял бедняк, что он беден по-прежнему — так же, как и был.

ДААКО И БАНЗКО

(НИГЕРИЯ)

Жила-была семья обезьян бабуинов: папа-бабуин, мама-бабуиниха и их маленький сын. Однажды в полдень (а надо сказать, что в полдень почти все животные Африки отдыхают) они забрались в тень под большое дерево — баобаб. И когда они хорошенько устроились и даже с часок подремали, маленький бабуин вдруг спросил:

— Папа и мама, что такое «близко» и что такое «далеко»?

— Мм-мм-мм-м? — недовольно переспросил его сквозь сон папа.

— Далеко — это... — начала было ласковым голосом мама, но положила сыну на плечо свою большую волосатую руку и тоже заснула.

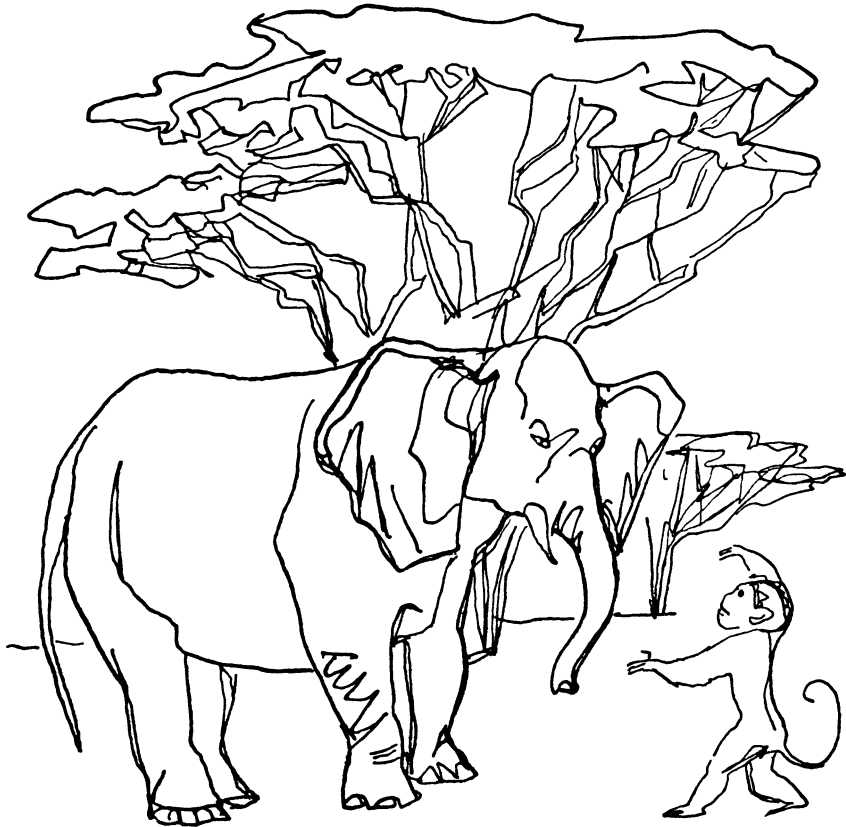
«Им неинтересно объяснять мне это, потому что я маленький, взрослым и большим совсем неинтересно с нами», — подумал малыш.

Он сказал это себе и вдруг увидел, что на краю саванны (а саванной называется африканская степь с редкими деревьями), тоже под деревом, но не под большим, а под маленьким, стоит крохотный слоник.

«Вот и отлично! Уж он-то не прогонит меня и не заснёт, если я стану его расспрашивать. Мы, может быть, даже подружимся!» — решил он, выбрался из-под маминой руки, обошёл папу и отправился в путь...

Каково же было его удивление, когда по мере того, как он шёл, деревце и слоник всё росли и росли и наконец превратились в большое развесистое дерево и огромного слона.

— Я... я... я видел здесь недавно маленького слоника, — начал юный бабуин.

— Ну и что из того? — ответил слон. — Что тебе надо?

— Я хотел спросить у него, что такое «далеко» и «близко».

— Какая чепуха, — фыркнул слон. — Я стою здесь с утра, никакого слоника тут не было. Тебе всё это померещилось. А ты хорош! Нашёл время задавать вопросы в такую жару. Уф!

Он тяжело вздохнул. Но юный бабуин уже увидел в другой стороне саванны ещё одно маленькое дерево и под ним маленького жирафа. И тотчас отправился туда. Каково же было его изумление, когда за то время, что он шёл, и дерево и жираф тоже выросли.

«Э-э, тут что-то неладно! Наверное, если бы я стоял на месте, они не становились бы большими,— догадался маленький бабуин.— Попробуем-ка ещё раз».

Он отправился к маленькому страусу, который бродил в тени акаций у самого горизонта, и не удивился, когда страус тоже превратился в большую птицу. Подойдя к ней, он вежливо поздоровался.

— Откуда ты, малыш? — ласково спросил страус.— Тебе ещё рано бродить одному по саванне. Садись на меня верхом, я недавно видел твоих родителей, они сидели вон под тем баобабом. Видишь, каким он кажется отсюда маленьким? Это оттого, что он далеко... Держись крепче!

И страус с обезьянкой на спине побежал твёрдым широким шагом. Он бежал так быстро, что не успел его седок опомниться, как они уже стояли около баобаба, в ветвях которого беспокойно метались, высматривая сына, отец и мать.

— Я не хочу подходить ближе: у твоего отца слишком большие зубы,— сказал страус.— Будь счастлив, малыш! — И он таким же твёрдым шагом пустился в обратный путь.

— Где ты был? Я так беспокоилась! — сказала, слезая с дерева, мать.— Ты, наверное, голоден, я сейчас накормлю тебя вкусными корешками, которые выкопала из земли.

— Сперва он получит от меня взбучку! — сказал папа-бабуин.— Ты что, забыл — малыши не должны уходить далеко от взрослых! Вот тебе первый подзатыльник... Ты что улыбаешься?

— Я улыбаюсь потому, что знаю теперь, что такое «далеко» и что такое «близко»,— ответил сын.

МАЛЕЯТОВИТ И ЕГО СОБАКИ (АЛЯСКА)

Жил в селении на берегу студёного моря юноша по имени Малелятовит. Он был, как и все люди его племени, охотником, ездил на собаках в тундру и бил копьём оленей-карибу.

У него была хорошая упряжка — девять ездовых собак, одна лучше другой. Каждую он выкормил, когда та была ещё щенком.

Жил он с отцом и с матерью.

Но вот настал день, когда родители сказали ему: — Малелятовит, пора тебе жениться. Пока мы ещё не умерли, нам хочется понянчить твоих детей.

И Малелятовит стал ходить по селению из иглу в иглу. Везде он просил девушек приготовить ему немного аукоотбока. Но одни девушки клали в кушанье жир не молодого, а старого карибу, другие скупилась на сушёное мясо. И только в самой последней иглу, на самом конце селения, Малелятовит попробовал такой аукоотоок, какого никогда прежде не едал. Хорошо перетёртый жир молодого карибу был нежным, мелко изрезанное сушёное мясо тщательно перемешано с синими ягодами черники.

Малелятовит попросил девушку отнести аукоотоок в деревянной мисочке его родителям. Тем понравилась кушанье, и через два дня сыграли свадьбу.

Стали Малелятовит и его жена жить вместе. Пошёл он однажды весной в тундру и не вернулся. Жена знала, где обычно охотится её муж. Оставила дома детей, взяла копьё и пошла за ним.

Идёт — в трещинах от зимних морозов талая вода. Пучки травы желтеют под солнцем. С кочки на

кочку — нашла она в сухой траве следы мужа. И вдруг следы пропали. Усталая и измученная, легла жена на кочку и уснула. Проснулась от собачьего лая. Это упряжка Малаятовита отвязалась и прибежала из посёлка искать хозяина. Лают собаки, заливаются. Посмотрела женщина, а в траве дверка. Открыла её, а там под землёй — иглу. Сидят в ней два медведя и её муж Малаятовит. Бросились собаки на медведей. Одного разорвали, а второго женщина копьём убила. Смотрит, и собаки все погибли — медведь их порвал. Вывела мужа из иглу, сняла с собак шкуры. Вернулись они в посёлок. Там из собачьих шкур сшила жена Малаятовиту одежду — парку, торбазá и рукавицы.

И снова стали они жить.

Пришло время — постарел Малаятовит. Трудно стало ему бегать с копьём за карибу. Начал он вязать сети на уток. Сперва хорошая охота была у него: как ни пойдёт в тундру — целую сумку птицы несёт. Потом всё хуже и хуже. Догадался Малаятовит, что кто-то ворует у него уток из сетей.

Пошёл однажды в тундру. Поставил сеть у озера, лёг за ивняком в густую траву и стал ждать. Солнце поднялось высоко над вершинами снежных гор. Тепло стало. Прилетели утки — и в сеть. Попались! Но Малаятовит не стал вынимать их. Лежит в траве и ждёт. Слышит, за ивняком — голоса.

— Твоя очередь сегодня, бери! — говорит один голос.

Второй отвечает:

— Нет, брат, твоя. Бери ты!

Поднял Малаятовит голову и увидел двух юношей с сумками для дичи. Только они начали вынимать из сети уток, Малаятовит выскочил и бросился на воров. Те — бежать.

Бежит Малаятовит по тундре. С кочки на кочку прыгает, проваливается в лужи. Быстро бежит, а воры ещё быстрее. Видит Малаятовит — впереди иглу. Добежали воры до иглу и скрылись в ней. Осто-

рожно подобрался Малейтовит к дому, залез на поросшую травой крышу и через отверстие для воздуха заглянул внутрь.

Сидят в иглу на корточках трое — старик и два вора.

— Отец, за нами гонится человек! — говорит один юноша. — Я боюсь. За ним опять придёт его жена и убьёт меня копьём.

— За ним прибегут собаки и опять разорвут меня! — говорит второй.

Узнал Малейтовит в юношах тех медведей, что похитили его в тундре.

— Не бойтесь, дети мои! — отвечает старик. — Принесите мой бубен.

Один сын встал и принёс отцу бубен — маленький-премаленький. Никогда ещё не видел Малейтовит таких маленьких бубнов.

Старик плеснул на бубен воды. Начал бубен раздуваться, расти и стал большим. Принялся старик колотить в бубен, кружиться, и понял тогда Малейтовит, что это — колдун, шаман.

Всё громче стучит бубен, всё неистовее кружится по иглу старик. Вдруг вспыхнул один край тундры — идёт по сухой траве огонь. Всё ближе подбирается к иглу.

Бедняга Малеев скатился с крыши — и бежать.

А пламя уже совсем близко. Трудно бежать Малееву в одежде из собачьих шкур. Сбросил он парку. А парка залаяла и кинулась на огонь. Кусает его, рвёт. Задержала огонь.

Бежит Малеев. Оглянулся — видит, огонь парку победил, сжёг и снова бросился в погоню. Вот-вот настигнет Малеева.

Кинул в огонь Малеев торбаза. Залаяли они, набросились на огонь, прижали его к земле. Пока огонь их победил, Малеев ещё дальше убежал.

Снова настигает его огонь, острыми когтями хватает за ноги. Стянул Малеев рукавицы, бросил их на землю. Запрыгали рукавицы, залаяли, кинулись на огонь. Кусают огненные лапы, рвут на клочья, не дают им бежать.

Ещё дальше ушёл Малеев. А огонь рукавицы победил, сожрал — и снова в погоню. Бежит, над самой травой стелется, волочит за собой длинный хвост.

Чувствует Малеев его жаркое дыхание. Протянул огонь свою длинную красную руку, вот-вот схватит человека. Но в этот миг увидел Малеев впереди озерцо, свою сеть и с разбегу — бултых в воду.

А огонь так яростно нёсся за ним, что тоже упал в озеро. Молнией вспыхнул, выбросил вверх столб пара и погас...

Вернулся домой в селение Малеев и стал по-прежнему там жить, по-прежнему ставить сети на уток. Но их никто больше не грабил, и Малеев с женой ели досыта до самой смерти.

ОХОТНИК И МЕДВЕДЬ-НАНУК (ГРЕНЛАНДИЯ)

Жил на севере Гренландии охотник по имени Утак. Зимой ставил ловушки на песцов, зайцев, а весной, когда на холодные полярные скалы прилетают с юга белые птицы люрики, ловил их сачками.

Жил Утак в иглу на самом краю посёлка. Вышел однажды из иглу, идёт по тундре, видит — навстречу ему медведь. Только странный какой-то, страшный: шкуры нет, мяса нет, одни кости, словно идёт по кочкам по оленьему мху навстречу Утаку скелет.

Испугался Утак, но делать нечего — куда убежишь в тундре? — сбросил с себя парку, снял кожу, мясо и тоже стал скелетом. Идут они с медведем навстречу друг другу. Встретились, разговорились, нанук (так гренландцы называют белого медведя) и говорит:

— Это я в таком виде хожу, чтобы на меня люди не напали. Всех моих братьев они уже убили, отца и деда убили. А мы с тобой так похожи — давай дружить. Я к тебе в гости ходить буду. Ладно?

— Ладно!

Надели Утак и медведь на себя мясо, кожу, шкуры. Разошлись.

Стал медведь приходить в иглу к человеку. Сидит, бывало, Утак в своей хижине, точит из моржовой кости наконечники для гарпуна. Хрусь! хрусь! — скрипит снег, идёт нанук.

В иглу дымно, тепло, сидут они, разговаривают. Медведь всё просит:

— Приходи и ты ко мне. Путь простой: от скалы, где люрики летом живут, по берегу, две бухточки

обойдёшь, навверх поднимешься, там и стоит моя иглу. Я для тебя уже сухой травы натаскал, тюленьё мясо в снег закопал. Тепло у меня, сытно!

Не хочется человеку идти в такую даль, в мороз, к медведю. Сидят они, болтают, разные случаи из своей жизни рассказывают.

— Нет у меня теперь друзей,— повторяет нанук,— один ты мне друг.

А дело-то пошло уже на вторую половину зимы, небо чёрное, без звёзд, ветер над скалами свистит, стучит колючим снегом по крыше. Плохо людям в посёлке. Наконец и голод настал, ни у кого не осталось летних запасов. Стали люди умирать.

Пришли однажды мужчины к Утаку, расселись вдоль стены. Еле горит в очаге огонь, еле греют спины тюленьи шкуры, которыми завешаны стены. Расселись и говорят:

— Утак, ходят по посёлку слухи, что водишься ты с медведем. Худо в посёлке — ослабели женщины и дети. Покажи нам, где живёт медведь, мы убьём его и накормим детей и женщин.

Низко опустил голову Утак, думал, думал (что делать — спасать надо!) и наконец говорит:

— Идите,— сам говорит, а по сердцу словно каменный нож скребёт, к скале, на которую прилетают весной белые птицы-люрики. Оттуда берегом, две бухточки обойдёте, навверх подниметесь, там и живёт нанук.

Молча поднялись мужчины, взяли гарпуны и отправились по пути, о котором им рассказал Утак.

А нанук сидел в это время в своей иглу, слышит — камни падают, много людей по скалам вверх от моря ползёт. Вошли охотники в иглу, а там только сухая трава. И снег возле иглу разрыт — это медведь тюленьё мясо унёс, которое он для Утака берёт.

Ни с чем вернулись охотники в посёлок...

С этого дня стал Утак жить в страхе. А ну как медведь мстить ему придёт?

Сидит как-то около очага, жуёт ремень — силочка на зайца хотел из мягкого ремешка сделать, — слышит, снег хрусы! хрусы! Всё ближе и ближе. Упал Утак на лежанку, голову одеялом из тюленьей шкуры закрыл: сейчас медведь войдёт и разорвёт его на куски!

А медведь, слышно, к входу в иглу подошёл, постоял, видно, хотел войти — вдруг как заревёт, как от боли, и пошёл прочь...

Вылез из-под шкуры Утак, выглянул из иглу — идёт нанук, ссутулился, лапы еле переставляет. Шкура на боках повисла, как у старого. Вот как его измена друга сломала!

Так и ушёл. Больше его никто не видел.

А люди в посёлке до весны всё-таки дожили: на второй день, как нанук ушёл, ветром в заливе лёд поломало, тюлени и единороги-нарвály пришли — стало еды много.

СКАЗКИ О ЧЕРЕПАХЕ

(КУБА)

ЧЕРЕПАХА, КРОЛИК И УДАВ-МАХА

Однажды удав-маха охотился за птицами. Надо сказать, что удавы отлично лазают по деревьям и очень редко падают с них. Но на этот раз случилось так, что когда маха подкрадывался к желтокрылому попугаю, он зазевался и свалился с дерева прямо в яму. А яма была не простой — это была ловушка, которую вырыли индейцы-гуамá.

Стенки ямы были вымазаны глиной, и удав никак не мог выбраться. Напрасно он становился на хвост, вытягивал шею и пытался зацепиться головой за край ямы — всё было бесполезно, каждый раз он срывался и падал.

А в это время мимо бежал братец кролик. Он остановился, посмотрел в яму и присвистнул от удивления.

— Вот так штука! — сказал он. — Никак, сам господин удав попал в беду?

— Послушай, кролик, — сказал удав. — Что тебе стоит помочь мне выбраться? Вон сколько веток лежит кругом. Столкни их в яму.

Кролик был добрым. Хотя и боялся змей, он стал сбрасывать в яму одну ветку за другой. Когда веток набралось много, удав без труда вылез из ловушки.

— Уф! — сказал он. — До чего же я проголодался, пока сидел в этой проклятой яме. А ну-ка, длинноухий, полезай ко мне в пасть! — И он распахнул свои челюсти так широко, что кролику показалось, будто сама земля разверзлась и готова поглотить его.

— погоди! — вскрикнул кролик. — Ты затеял неслыханное преступление. Ведь никто никогда не платит злом за добро. Не веришь? Спроси у любого.

— Ладно,— согласился удав.— Спросим, но если другие животные думают иначе, я проглочу тебя тут же на месте.

Не успели они выйти на берег озера, как увидели мула, который щипал траву.

— Послушай, приятель,— обратился к нему удав,— у нас спор вышел. Кролик говорит, что за добро нельзя платить злом. Я решительно с ним не согласен. А что думаешь ты?

Мул пожевал губами, изуродованными железной уздечкой, почесал о дерево спину, покрытую струпами от побоев, и сказал:

— Много лет возил я из деревни в деревню поклажу моего хозяина, работал безотказно и аккуратно. Бывали случаи, когда он, усталый, засыпал у меня на спине и я привозил его прямо к дому. Его дети играли со мной. А теперь, когда хозяину понадобились деньги, он решил продать меня торговцу. У того поклажи будет в три раза больше, и бьёт он своих мулов в три раза сильнее. Нет, сколько ни делай добрых дел, справедливости не найдёшь, в награду тебе достанутся одни тумак!

— Ага! — сказал удав.— Чья правда? Ты готов?

— погоди,— взмолился кролик,— давай спросим ещё кого-нибудь.

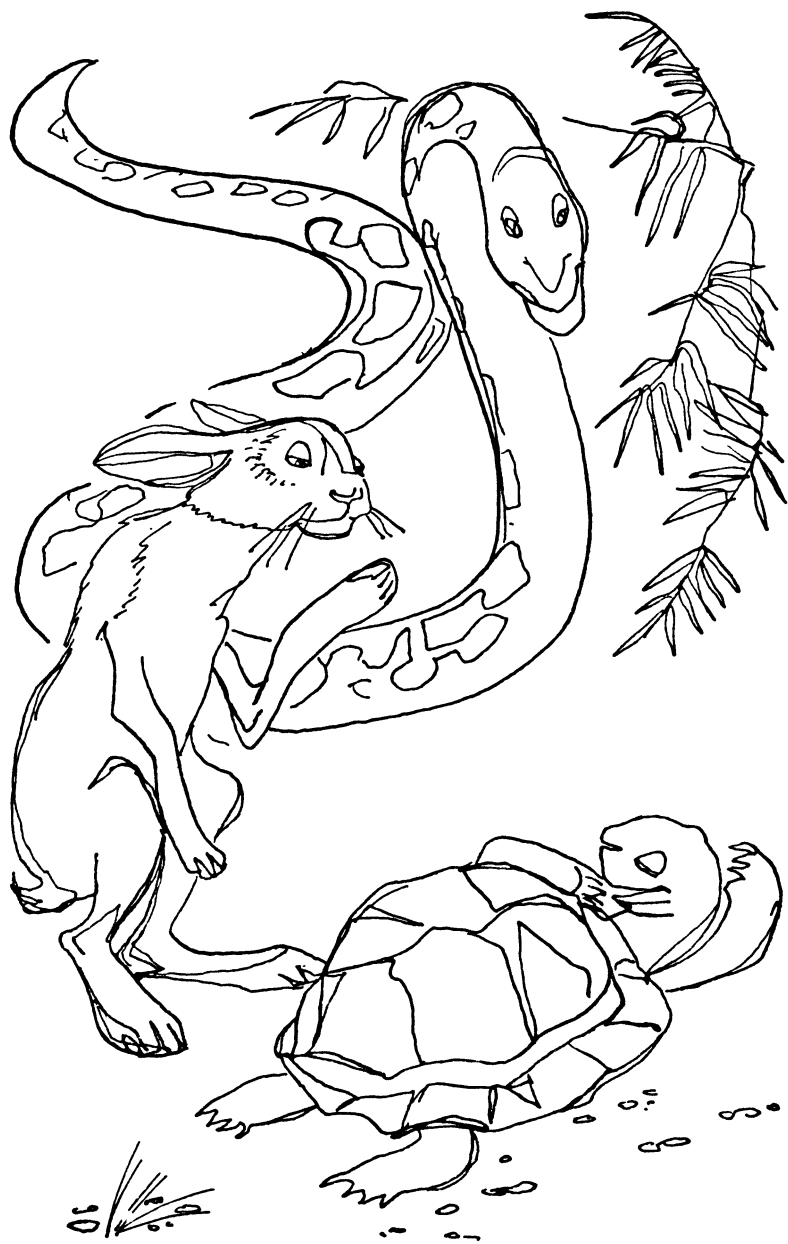
И они пошли дальше. Не успели пройти и ста шагов, как увидели вола, лежащего в воде.

— Как думаешь, приятель,— спросил его удав,— можно ли за добро платить злом?

Вол печально покачал головой.

— Я лежу в тёплой, мягкой, приятной грязи,— сказал он.— Действительно, что может быть лучше? Но всё это в последний раз. Много лет работал я на человека, служил ему верой и правдой, но теперь состарился, и хозяин сказал, что завтра он отведёт меня на живодёрню. Разве это справедливо?

— Так, так,— пробормотал удав.— Это я и говорю. Бросай свои фокусы, длинноухий, и полезай ко мне в пасть!

— Ещё один, последний раз! — взмолился кролик, и они пошли вдоль берега.

Они шли до тех пор, пока не увидели черепаху, которая грелась на солнышке.

— Братец черепаха! — взмолился кролик. — Помоги. Вот какая у нас с удавом произошла размолвка...

И он рассказал всю историю.

Черепаха сразу смекнула, что просто так кролика не спасти, тут нужна хитрость.

— Увы! — вздохнула она. — Мудрый коричневый удав прав, тут и спорить не о чем. Где это видано, чтобы за добро платили добром? Но меня интересует другое. Как могло случиться, что такая великолепная, сильная, умная змея не смогла сама из ямы выбраться? Этого не может быть, вы оба обманываете меня!

А надо сказать, что коричневые удавы-маха очень самолюбивы и не терпят, когда их называют лжецами.

— Я обманываю тебя?! — воскликнул маха. — Ах ты, жалкая костяная сковородка, немедленно иди с нами, я покажу тебе, как было дело.

И он повёл черепаху и кролика на то место, где была яма.

— Да, действительно, края у неё скользкие, — согласилась черепаха. — Но ведь яма мелка, и тебе ничего не стоило стать на хвост и выбраться из неё.

— Ничтожная родственница улитки, я покажу тебе, что ты ещё раз не права! — воскликнул удав и, не долго думая, соскользнул на дно ловушки.

— Да, ты прав, я всего лишь жалкая костяная сковородка и ничтожная родственница улитки, — сказала черепаха. — Счастливо оставаться! Идём, братец кролик!

И черепаха с кроликом скрылись в лесной чаще.

ЧЕРЕПАХА И БАНАНОВОЕ ДЕРЕВО

Та черепаха, о которой рассказывают сказки, была не только умна и хитра, но также необычайно ловка. Достаточно сказать, что она умела забираться на банановые деревья и там лакомиться спелыми фруктами.

Так вот, однажды черепаха нашла прекрасное банановое дерево, на верхушке которого росли гроздья жёлтых плодов. Не долго думая, она вскарабкалась на него и стала обкусывать бананы и бросать их на землю, чтобы потом унести и съесть.

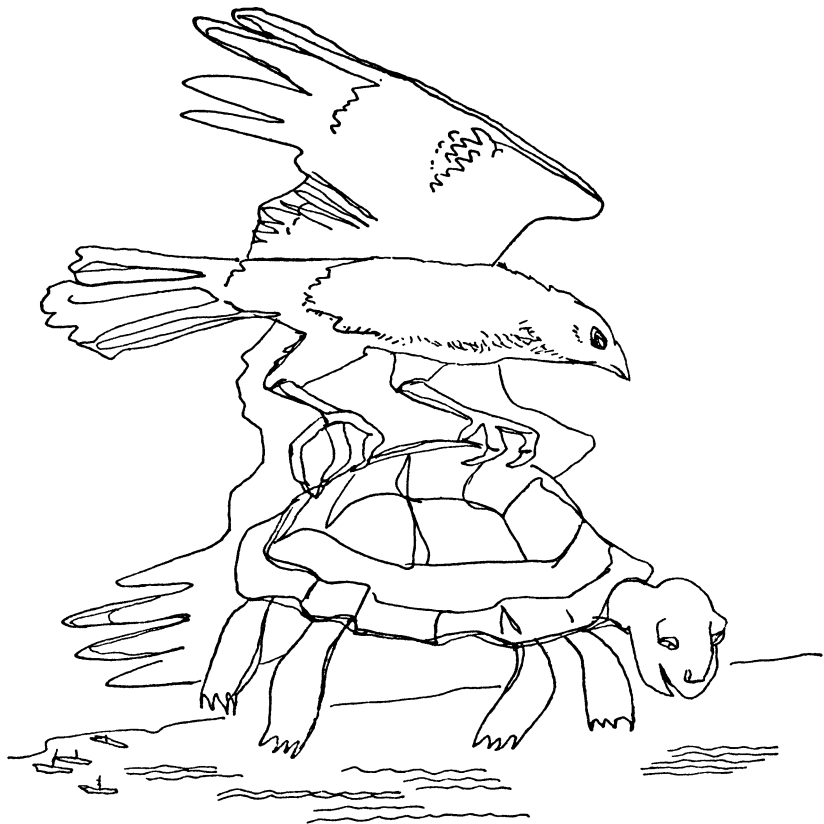
А дерево это стояло на земле человека, в услужении у которого был ястреб-аура. Огромная птица сидела на верхушке похожего на бутылку дерева сёйба и внимательно наблюдала за окружающим. Случилось так, что, когда черепаха взобралась на дерево, ястреба не было — он отлучился поохотиться, но когда вернулся, то сразу заметил — в хозяйском саду творится что-то неладное.

Не успела черепаха сбросить на землю третью гроздь, как зашумели крылья и что-то чёрно-красное обрушилось на неё с неба. Сильные когти подхватили черепаху, и она стремительно взлетела в воздух. «Кто это мог скогтить меня? — подумала черепаха. — Только у ястреба-аура чёрное, покрытое перьями тело и красная голова... Это он!»

— Послушай, добрая птица, — обратилась она к ястребу, — ты, наверное, хочешь наказать меня за бананы?

— Так, — буркнул ястреб, продолжая подниматься всё выше и выше.

— Мудрая птица, — сказала черепаха, — ты совершенно права, что собираешься предать меня смерти. Воровать чужие бананы — это действительно ужасно. Правда, я не виновата, что у меня нет сада и что я больше всего на свете люблю бананы. Я также не

виновата, что у твоего хозяина, кроме этого дерева, есть ещё сто деревьев...

— Так,— ответил ястреб, высматривая, куда бы швырнуть добычу.

— Но я готова помочь тебе и выберу для себя самое ужасное наказание. Ведь твоему хозяину не понравится, если я останусь жива и снова начну навещать в его сад. У меня есть большая просьба. Внизу под нами я вижу скалы, лес и озеро...

— Так...— Ястреб уже кружил, выбирая для черепахи место казни.

— Просьба моя в том, чтобы ты бросил меня на скалы.

«Что-то она хитрит! — подумал ястреб. — Полечу-ка я лучше к лесу». И он направился прочь от скал.

— Прекрасно! — воскликнула черепаха. — Уж раз не довелось мне падать на камни, то сойдут и деревья. Я очень благодарна тебе. Поскорее разжимай когти!

«Больно ты хочешь, голубушка, упасть на лес, — подумал ястреб, — но тебе не провести меня!» И он разжал когти, пролетая над озером.

Когда через несколько дней черепаха снова приползла к банановому дереву, на верхушке дерева сейба никого не было. Хозяин прогнал плохого сторожа. Вот почему красноголовые ястреба-аура до сих пор ненавидят черепах и, если удаётся, охотятся на них, разбивая пойманных черепах о камни.

ОЛЕНЬ И ЧЕРЕПАХА

В лесу, на западной оконечности острова, жил гордый, самолюбивый олень. Он был так горд, что не замечал никого из животных, и так сам любил себя, что если ему и случалось кого-нибудь заметить, то он останавливался и говорил с ним только о себе.

Однажды олень повстречал черепаху.

— А, это ты! — Он снисходительно кивнул головой, увенчанной прекрасными тонкими рогами. — Не хочешь ли поболтать?

— Отчего бы и нет, — миролюбиво согласилась черепаха. — А о чём мы будем говорить?

— Как о чём? Конечно, обо мне. Или ты не знаешь, что я самый красивый, самый умный и самый быстрый в лесу?

«Пожалуй, что только самый красивый!» — подумала черепаха и решила проучить оленя.

— Я согласна с тем, что ты самый красивый и самый умный, — сказала она. — Но вот насчёт того, что самый быстрый... Откуда ты это взял?

— То есть как... — растерялся олень. — Не хочешь ли ты сказать...

— Вот именно, — перебила его черепаха. — Готова побиться о заклад, что, если захочу, даже я — самая медлительная — обгоню тебя. Идёт?

— Идёт!

Олень был вне себя от гнева.

— Можешь звать на состязание всех своих родственников, — добавила черепаха.

— Не нужны мне никакие родственники! Я сам сумею постоять за себя. Ты не проковыляешь и пяти шагов, как я уже пролечу весь путь! Побежим завтра вокруг озера?

— Как хочешь.

Олень, фыркая от негодования, удалился, а черепаха той же ночью обошла всех своих родичей и каждого пригласила посмотреть, как она будет состязаться с оленем.

На другой день олень и черепаха сошлись на берегу.

— Ты всё-таки решил никого не приглашать? — сказала черепаха. — Напрасно, родная кровь в трудную минуту...

— Довольно молоть чепуху! — прервал её олень. — Начнём?

— Начнём.

Они попросили братца кролика, который грыз неподалёку принесённый с огорода клубень маланги, быть судьёй и стали рядом около пенька. Братец кролик сосчитал до трёх, махнул пальмовым листом, и олень как ветер сорвался с места, а черепаха, к большому удивлению кролика, проковыляв три шага, вернулась и уселась рядом с ним.

Между тем олень мчался с такой скоростью, что пальмовые стволы мелькали мимо него, как стрелы. Он пробежал четверть пути, как вдруг увидел, что впереди него... ковыляет черепаха! Не успел он обогнать её, как увидел на половине пути вторую черепаху. И так, куда бы он ни прибегал, он видел чере-

пах, которые спешили на состязание и которых он принимал — ведь все черепахи на одно лицо! — за свою соперницу.

Утомлённый, еле передвигая ноги, доплёлся он до того места, откуда начинал бег, и там тоже увидел... черепаху. Она сидела на пенёке и обсуждала с кроликом последние лесные новости.

Побеждённый (как он думал) олень понурил от стыда голову и скрылся в лесной чаще.

— Что с ним? — удивился кролик. — Первый раз вижу, чтобы олень вёл себя так робко и скромно.

— Вот и хорошо, — ответила черепаха. — Таким он мне нравится больше. Сказать правду, красивее и быстрее его в нашем лесу никого нет. Вот только вряд ли он самый умный...

Она посмотрела с пенёка вдаль и добавила:

— Ага, бредут!.. Сейчас я познакомлю тебя со своими родственниками. Они не красивы и не очень быстры, но в трудную минуту мы всегда готовы прийти друг другу на помощь.

СКУПЫЕ МУЖ И ЖЕНА

(ЦЕНТРАЛЬНАЯ ИНДИЯ)

В одной деревне на самом краю джунглей жила семья — муж и жена. Они оба были очень скупы, и вот какие истории рассказывают о них.

Как-то шёл муж по чужому полю и увидел большую кокосовую пальму. На её вершине раскачивались огромные спелые орехи.

— Хозяина нет, сорву-ка я их! — сказал скупец, сбросил сандалии, обхватил руками кольчатый ствол пальмы и полез вверх. Он очень торопился, и когда посмотрел вниз, то испугался: дома внизу были уже как коробочки, а люди — не больше муравьёв.

— О великий Брама! О мудрая обезьяна Хáну-ман! — взмолился крестьянин. — Помогите мне спуститься вниз целым, и я накормлю тысячу голодных!

Он сказал это и начал медленно ползти вниз. Спустился до половины, посмотрел и увидел, что дома теперь уже как корзины, а люди не больше саранчи.

«Пожалуй, тысяча голодных — это много! — подумал скупец. — Хватит и ста».

Он сполз ещё немного и решил, что хватит десяти, а когда спрыгнул за землю, то сказал:

— Ну вот и всё, хвала богам! Уж одного голодного-то я накормлю обязательно!

Вернувшись к хижине, он увидел около неё толстого бродячего монаха.

«Ну, этот-то всегда сыт. Много не съест!» — решил скупец и приказал жене накормить монаха досыта.

— Я скоро вернусь! — добавил он.

Он ушёл, а жена, ворча, достала горшок, поло-

жила на тарелку горсть риса и протянула тарелку монаху. Тот съел и потребовал ещё:

— Твой муж приказал накормить меня досыта, а я не привык есть так мало.

— Хватит с тебя, ты и так толстый,— ответила женщина, но не посмела послушаться приказания мужа.

Монах съел ещё тарелку, потом ещё, и горшок опустел. Тогда монах повалился на землю перед домом, стал стонать и кричать.

На крики прибежал муж и, задыхаясь, спросил:

— В чём дело?

— Твоя жена отравила меня! — кричал монах.

Скупец страшно испугался.

— Замолчи! Вот тебе рупия и иди к врачам, только замолчи!

Монах стонал всё сильнее.

— Кто заплатит за мои похороны? — кричал он.

Скупец дал ему ещё десять рупий.

— Полиция! Полиция! — стал кричать монах.

Скупец и его жена задрожали от ужаса. Они отдали монаху все деньги, которые были у них в карманах. Монах взял их, дополз до поворота, там встал на ноги, отряхнулся и как ни в чём не бывало пошёл своим путём...

Однако эта история ничему не научила скупца и его жену, и очень скоро они снова стали жертвами своей жадности.

Случилось это так. К ним в дом пришёл сосед и попросил на время горшок сварить бобы.

— А ты не разобьёшь его? Горшок вон какой хороший, почти новый. Его я купила всего десять лет тому назад на базаре в Калькутте,— сказала жена.

— Смотри быстро верни! — предупредил муж.

Сосед рассердился и решил их проучить. Он взял горшок, сварил в нём бобы, а потом достал глины и вылепил точно такой же маленький горшочек. Он расписал его точно таким же рисунком и на другой день вернул оба горшка.

— А этот откуда взялся? — удивился скупец.

— Этот маленький? Ах да, занятное дело, — сказал сосед. — В доме у меня под полом есть яма. Её выкопали два бродячих брамина. Должно быть, они были святыми — яма получилась волшебная. Стоит положить в неё какую-нибудь вещь — и у той скоро появятся маленькие дети.

Муж и жена даже подпрыгнули от такой новости.

— А не положить ли туда нашу сковородку? — спросила женщина. — Потом у меня ещё есть две миски. Вот они.

— Ладно! — сказал сосед, забрал миски и сковородку, сделал на другой день точно такие же, маленькие, и вернул их.

Скупец ахнул.

Они с женой тотчас бросились собирать все горшки, миски, кувшины в деревне и к вечеру привезли на телеге к соседу целую гору посуды.

— Положи, пожалуйста, к себе в яму!

Сосед для виду немного поломался, потом согласился, забрал посуду, а рано утром, когда все спали, отвёз её в город и продал.

— Ну, как наши горшки? — спрашивали каждое утро скупой и его жена.

— Лежат. Скоро откроем яму, — отвечал сосед.

Наконец настал день, когда он позвал их. Они отвалили деревянную крышку, которой была закрыта яма, заглянули в неё и увидели — яма... пуста!

— Но где наша посуда?! — закричали муж и жена.

— Вероятно, умерла, — сделав печальное лицо, ответил хитрец. — Умерла, и боги взяли её к себе на небо.

Теперь скупцу и его жене надо было возвращать посуду почти всей деревне.

Они побежали к судье жаловаться.

Судья, выслушав их, спросил:

— Вы говорите, что у вашего горшка в яме родился сын?

— Да.

— А у сковородки и мисок — дочери?

— Конечно.

— Так почему же посуда, у которой бывают дети, не может умереть и попасть на небо?..

И последняя история, которую рассказывают о них, это как скупцы чуть было не разбогатели.

Однажды вечером — дело было летом — шёл обычный в тех краях муссонный дождь. Он шёл не переставая, и глиняная дорога, которая вела в город, превратилась в коричневую реку.

В дверь хижины постучали, жена открыла. На пороге стоял человек в рубище, с сумой.

— Я иду из самого Бенарёса, от берегов священного Гáнга, — сказал странник. — Пустите обсохнуть и переночевать, добрые люди!

Скупец и его жена побоялись отказать человеку, идущему из святых мест.

— Ладно, входи, — сказали они. — Только у нас в доме нечего есть. Садись в угол, можешь развлечь нас рассказами о чудесах. Ты, должно быть, немало перевидал их?

Путник расположился в углу, открыл суму и достал из неё раковину. На вид это была обычная раковина, красная, как приоткрытые бычьи губы. Такие раковины бродячие торговцы часто приносят в деревни. Была такая и у скупца с женой.

— Эта раковина не простая, — начал путник. — Я получил её в храме, около которого каждую весну входят в воду жаждущие исцеления. Стоит только сказать: «Раковина, дай монету!» — и из неё выскочит рупия. Правда, её можно просить у раковины только один раз в день.

У скупого загорелись глаза.

— Не может быть! — сказал он.

Путник нагнулся и сказал:

— Раковина, дай монету!

На пол со звоном выкатился серебряный кружок.

Скупой и его жена переглянулись.

Ночью, когда путник уснул, они достали из кухни свою раковину и осторожно подменили волшебную.

Утром путник ушёл, а они сели на пол и в один голос закричали:

— Раковина, дай монету!

Выпала рупия.

Между тем путник, придя вечером в город, проголодался, полез в суму, достал раковину и очень удивился, когда из неё не выскочило никакой монеты. Он присмотрелся и понял, что его обокрали. Но как вернуть волшебную раковину? Долго он думал и решил. Сменил одежду, вымазал грязью лицо, вернулся к дому, в котором жили скупой и его жена, и, изменив голос, снова попросился на ночлег.

И снова, прежде чем ложиться спать, он стал рассказывать про чудеса, которые видел во время странствий. Кончив, достал из мешка простую раковину и сказал:

— А это раковина, которая сделала меня богатым. Стоит сказать: «Раковина, дай монеты!» — и из неё выскочат сразу три рупии!

Он спрятал раковину, но у скупого и его жены на этот раз не возникло уже никакого сомнения. Действительно, если есть раковина, из которой выскакивает одна монета, почему не быть такой, из которой выскакивают три?

Они опять переглянулись и, когда настала ночь и их гость уснул, снова подменили раковину, положив в его суму волшебную и взяв оттуда свою, простую.

Утром путник ушёл, а они сели на пол и, задышав от жадности, затараторили:

— Раковина, раковина, дай монеты!

Увы! В раковине жалобно пел сквознячок — никаких монет не падало...

Долго ещё жили скупец и его жена, ссорились каждый день и обвиняли в своих несчастьях друг друга.

ВОЛШЕБНОЕ ЗАКЛИНАНИЕ

(ЮЖНАЯ ИНДИЯ)

Так вот, на Малабáрском берегу, около города Коджикóда, в одной деревенской семье жил мальчик, которого звали Рам. Его родители были очень бедные люди, и, чтобы помочь им, Рам решил сделаться заклинателем — научиться исцелять от укусов змей.

Надо сказать, что в Индии есть всего четыре вида ядовитых змей, из которых самые страшные — кобра и маленькая змейка по имени крайт. Змеи никогда не нападают на человека, но люди в Индии в деревнях ходят босиком, а змеям никогда не известны истинные намерения людей. Вот почему змея, на которую наступили, имеет дурную привычку кусать, и в этом трудно её винить.

Люди народа малиалí, когда их укусит змея, знают, что нужно немедленно отсосать кровь и прижечь ранку угольком пальмового дерева. Но людям каждый раз очень хочется остаться живыми и здоровыми, и поэтому они охотно обращаются и к заклинателям. Заклинатели произносят над ранкой волшебные слова, причём у каждого из них эти слова свои.

Так вот, Рам решил сделаться заклинателем, а один приятель, которого он встретил на деревенской улице, посоветовал ему:

— Знаешь что, собери корзину подарков и отправляйся к вайдвáну — заклинателю, который живёт в соседней деревне. Вайдван знает волшебное заклинание, он скажет тебе его, ты повторишь его пятьдесят тысяч раз, и оно войдёт в твоё тело, станет твоим собственным...

Рам очень обрадовался, узнав, что стать заклинателем не так уж и сложно. Но какие подарки мог собрать он, мальчик из бедной семьи? Долго размы-

шлял Рам, потом взял корзину, набрал в неё огурцов из собственного огорода, поставил корзину на голову и отправился в соседнюю деревню.

Можете себе представить, как удивился вайдван, когда увидел около двери своего дома мальчика с корзиной огурцов на голове!

— Что случилось? — недружелюбно буркнул он.

— Я хочу стать твоим учеником, — смиренно ответил Рам. — Я хочу услышать от тебя волшебное заклинание, чтобы лечить в моей деревне людей. Я пришёл не с пустыми руками — видишь, вот подарок. — И он снял с головы корзину.

А надо сказать, что заклинатель был очень богат: в благодарность за исцеления люди приносили ему золотые и серебряные вещи и много других драгоценностей.

— Мне... в подарок... огурцы? — завопил злой вайдван. — Глупец!

Рам так испугался его крика, что не понял, о чём тот говорит. А вайдван топал ногами и кричал:

— Глупец!.. Огурцы?!

Испуганный Рам бросился бежать. Он мчался по деревенской улице со всех ног, а вслед ему неслоь:

— Глупец! Огурцы!

А надо вам сказать, что на языке малайалам, на котором говорит народ малиали, «глупец» произносится «вйтти», а «огурцы» — «кусмандам», и убегающий Рам, слыша позади себя «виттикусмандам», решил, что это и есть волшебное заклинание.

Он прибежал домой и стал день за днём повторять его, а когда повторил пятьдесят тысяч раз, то почувствовал, что оно вошло в его тело, стало его словом.

Так Рам сделался врачом.

Надо сказать, что дела его сразу же пошли хорошо, потому что он не надеялся только на одну силу волшебных слов, но добросовестно отсасывал из ранок кровь и прижигал их угольком пальмового дерева и советовал хорошенько кормить укушенных, чтобы у них было больше сил справиться с болезнью.

И ещё люди заметили, что он никогда не берёт от исцелённых дорогие подарки, всегда только еду — рис и мясо — и ещё изредка дрова, чтобы было на чём приготовить обед отцу и матери.

Владыкой Малабарского берега в те годы был король коджикода. Этот король не отличался какими-либо особыми достоинствами, разве что имел очень тонкий слух и, как рассказывают, мог на расстоянии сорока шагов услышать слово, произнесённое шёпотом.

Однажды король, гуляя у себя в саду, наступил на маленькую змейку крайт и был ею тотчас укушен.

Во дворце поднялась страшная паника. Были вызваны все лучшие врачи и заклинатели города. Однако напрасно они возносили к небу молитвы, курили благовония и выкрикивали заклинания — королю становилось всё хуже, и, когда настала третья ночь, все поняли — спасения нет. Король лежал на постели закрыв глаза, еле дышал, у него уже начали холодеть кончики пальцев.

— Только чудо может его спасти, — сказал, покачав головой, самый старый и мудрый из врачей. — Королю надо сделать усилие, от которого огонь жизни вновь вспыхнул бы в его груди. Но — увы! — как его сделать?

И тогда кто-то вспомнил, что в деревне, неподалёку от города, живёт мальчик, о котором идёт слава как об искусном врачевателе. Отряд гонцов с носилками ворвался ночью в деревню. Рама усадили на носилки, и слуги бегом, меняясь каждые четверть часа, доставили его во дворец.

Рам осмотрел короля и остался очень недоволен.

— Отсасывали кровь из ранки? — спросил он у первого министра.

Первый министр испугался. Он тут же сообразил, что может повредить себе, сказав «нет», оказаться в какой-то степени виновным в смерти властителя.

— Отсасывали кровь из ранки? — спросил он, в свою очередь, у второго министра.

Но тот был тоже себе на уме.

— Отсасывали кровь? — спросил он у старшего королевского писца.

Так они спрашивали друг друга, пока не добрались до самого младшего конюха, и только тот осмелился сказать «нет».

— Очень плохо! — сказал Рам. — А делали прижигание?

Первый министр снова побоялся ответить, и снова вопрос дошёл до младшего конюха, который сказал, что рану не прижигали.

— Совсем плохо! — сказал Рам. — Осталось последнее средство — волшебное заклинание.

И он, наклонясь над умирающим, прошептал:

— Виттикусмандам!

И умирающий (а у него, как вы помните, был очень тонкий слух) услышал его. Мало того, король очень удивился, что кто-то бормочет над ним «глупец» и «огурцы». Он так удивился, что приподнялся на своём ложе и спросил:

— Какие огурцы?

Оттого что он сделал такое усилие, кровь в его жилах побежала быстрее, сердце забилося лучше, и через час он уже мог сидеть, облокотясь на подушку, а через день улыбаться и пить холодный оранжевый сок манго.

Когда настал час отправляться Раму домой, король сказал ему:

— Ты спас меня от смерти. Проси всё что хочешь. Что бы ты ни назвал, всё будет доставлено сегодня же тебе.

Он имел в виду золото и драгоценные камни, изделия из слоновой кости и дорогие ткани.

— Прикажи послать моим родителям немного фруктов и вязанку дров, — сказал Рам. — Это обычная плата за исцеление, и никакой другой мне не надо.

Король снова очень удивился и спросил: может быть, у Рама был помощник? Он хочет одарить и его.

— Да, при твоём дворе есть человек, который помог мне,— сказал Рам.— Он ответил на мои вопросы, и из его ответов я узнал правду. Вот он!

С этими словами он указал на самого младшего королевского конюха.

Сказка не сохранила память о том, был ли награждён конюх, но что после этой истории Рам вернулся домой и долгие годы жил, врачую людей и оберегая старость своих родителей,— это известно.

Известно также, что он ещё много раз успешно прибегал к волшебному заклинанию:

— Виттикусмандам!

ОТКУДА У ТИГРА НА БОКАХ ЧЁРНЫЕ ПОЛОСЫ (ВЬЕТНАМ)

Случилось это в давние времена, когда джунгли покрывали всю страну, а звери подходили к самым стенам деревенских хижин.

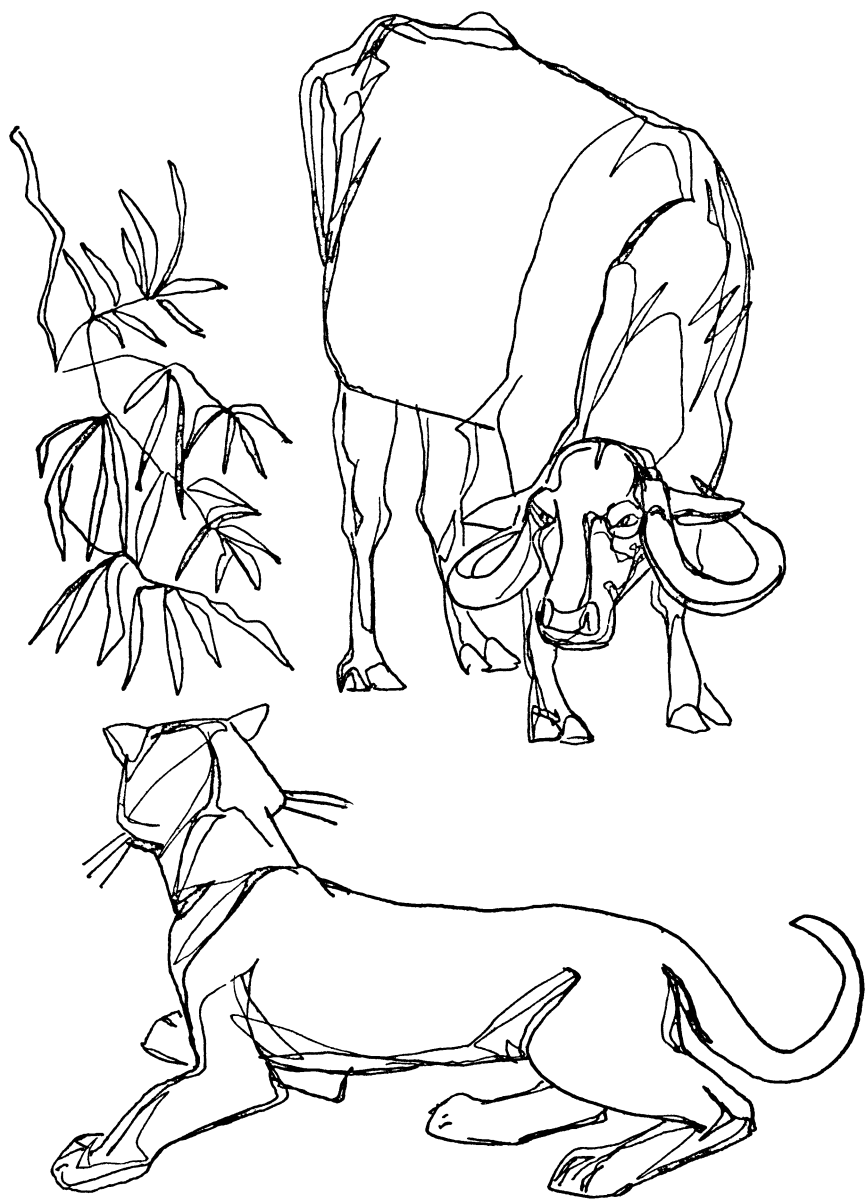
Один молодой крестьянин работал неподалёку от деревни на своём крошечном рисовом поле. Он работал с самого раннего утра, устал ковырять мотыгой тяжёлую мокрую землю (ведь рис выращивают в воде!) и, отойдя в сторону, сел под деревом, чтобы отдохнуть и съесть лепёшку, которую ему дала с собой в поле мать.

Его буйвол тем временем пасся на поросшей травой насыпи, которая окружала поле. Поев, буйвол тоже лёг в тени банановых деревьев, лежал там и задумчиво жевал свою жвачку, отгоняя хвостом мух.

Случилось так, что в этот же час мимо поля, крадучись в густых кустах, проходил тигр. Он был огромен и могуч и совершенно справедливо считал, что нет в джунглях зверя, который мог бы помериться с ним силою. Тигр не первый раз видел человека и его буйвола и уже давно хотел выяснить у них один вопрос.

Он вышел из кустов и направился прямо к буйволу. Почувяв запах хищника, буйвол вскочил и, повернувшись к тигру так, что его огромные тяжёлые рога касались земли, стал ждать.

— Тебе нечего меня бояться, — важно сказал тигр. — На этот раз я не голоден и мне не нужна добыча. Я пришёл потому, что хочу знать: как могло случиться, что человек, такое маленькое двуногое существо, без когтей и клыков, — существо, у которого нет ни особой силы, ни даже грозного вида, смог

заставить тебя и других животных работать на себя? Ведь стоит тебе ударить его рогом — и он замертво покатится по земле!

— Это так, — ответил добродушный буйвол и, подняв голову, положил рога себе на спину. — Дело в том, что у человека есть одна вещь, которая называется ум. В нём-то всё и дело.

— Странно, первый раз слышу об этом. — Тигр начал сердиться. — Как могло случиться, что я — повелитель джунглей — ничего не знаю о каком-то уме, с помощью которого можно властвовать над другими? Может быть, ты меня обманываешь? Смотри, не то я разорву тебя на части!

— Как знаешь! — Буйвол вздохнул. — Впрочем, что ты спрашиваешь об этом меня? Мой хозяин сидит вон под тем деревом. Пойди и спроси его обо всём сам.

Тут надо сказать, что в те далёкие времена на боках у тигра не было никаких полос, и поэтому, когда он направился снова через кусты к человеку, тот сразу увидел жёлтые сверкающие, как солнце, его бока, испугался и хотел бежать, но было уже поздно. Тигр вышел из кустов и грозно сказал:

— Не беги, всё равно я быстрее и сильнее тебя. Я слышал, что у тебя есть одна вещь, которая делает тебя хозяином над животными. Это ум. Он нужен мне. Отдавай!

Крестьянин, хотя и был очень испуган, быстро сообразил, что тигр понятия не имеет о том, что просят.

— О могучий, ты властвуешь в джунглях и вправе требовать всё, что тебе нужно. Я отдам тебе ум, но сегодня я оставил его дома, и мне нужно сходить туда, принести его, — сказал он.

«Если он вздумает обмануть меня и не вернётся, я всё равно подкараулю его здесь на поле и прикончу!» — подумал тигр и, грозно зарывав (у крестьянина даже задрожали ноги), сказал:

— Иди!

«С тобой, видно, нельзя по-хорошему, — решил крестьянин. — Раз так, я проучу тебя...» И он сказал в свою очередь:

— Знаешь что? А вдруг, пока я хожу в деревню, ты съешь моего буйвола? Позволь, я привяжу тебя к дереву. Тебе всё равно, а я буду спокоен.

Тигр нехотя согласился, и крестьянин привязал его к дереву крепкими конопляными верёвками. После этого он пошёл на поле, собрал много сухой травы, разложил её под деревом и поджёг.

— Вот мой ум! — сказал он тигру.

Огонь подходил к зверю всё ближе и ближе. Вот уже задымилась шерсть...

— Отпусти меня, человек! — взмолился тигр. — Я не буду больше приставать к тебе с глупыми вопросами. Клянусь!

— Хорошо! — ответил крестьянин и перерезал верёвки.

Тигр одним прыжком перемахнул через огонь и скрылся в джунглях.

Вот как случилось, что на шкуре у тигра появились чёрные полосы — это следы огня и верёвок. Правда, рассмотреть его, когда он крадётся среди кустов, стало труднее, но человек не боится владыки джунглей: у человека есть ум.

ЮНОША, ЗАОЙ БОГАЧ И ОБЕЗЬЯНЫ

(ВЬЕТНАМ)

Жил в старину в одной деревне юноша. Добра у него было немного: старая бамбуковая хижина да клочок земли, на котором, если удавалось задержать воду, росло немного риса. Но юноша никому не завидовал, был добр и охотно приходил другим на помощь.

Раз он шёл по деревне и встретил девушку, они остановились под манговым деревом (на котором, между прочим, сидела стая обезьян) и разговорились.

— Я могу угадывать судьбу людей, — сказала девушка, — и, если ты не прочь, скажу, что ожидает тебя.

— Вот и прекрасно! — ответил юноша. — Мне моя жизнь не в тягость, но всё-таки хорошо, если бы в ней что-то переменилось!

Девушка сходила домой, принесла чашу с водой, бросила в неё какие-то травы и, заглянув в чашу, сказала:

— Не знаю, что будет с тобой потом, но ещё сегодня ты совершишь два важных поступка. Радость и беда пойдут за тобой после них по пятам!

— Очень интересно! — сказали друг другу обезьяны, которые сидели наверху, на ветках мангового дерева. — Посмотрим, что будет.

Юноша и девушка расстались, но, когда он уходил, девушка долго смотрела ему вслед — видно, в чаше она увидела ещё что-то, что относилось уже не только к нему, но и к ней.

А юноша пошёл по дороге к своему рисовому полю и на берегу ручья встретил старика, который не мог

перейти по висячему, в две сплетённые лианы, мостику.

— Не бойся, дедушка, крепко держись за мою руку, и всё будет в порядке, — сказал юноша и перевёл старика через ручей.

— Спасибо, сынок, чем же мне отблагодарить тебя? — сказал, прощаясь, старик. — В моей лёгкой суме лежит бамбуковая дудочка. Возьми её, научись играть, мне она уже ни к чему.

Он отдал дудочку и ушёл, а юноша пошёл дальше, то и дело поднося дудочку к губам и извлекая из неё робкие нежные звуки.

А когда он вечером возвращался с поля домой, то встретил у того же висячего мостика богача, толстого и злого, который еле тащил мешок с чем-то тяжёлым.

— Послушай, парень, — взмолился богач, — я и так еле несу мешок, а уж если полезу с ним на этот мост, обязательно упаду и утону. Помогите!

— Отчего не помочь! — сказал юноша, взвалил тяжёлый мешок на спину и легко перешёл через ручей. Мало того, он дотащил мешок до самого дома богача и ушёл, не попросив ничего за труд.

«Какой глупый человек! — сказал сам себе богач. — Не потребовал вознаграждения. А ведь нес мешок с серебряной посудой... О-о! А если он коварен — догадался, что в мешке серебро, и ночью придёт ограбить меня?

И всю ночь злой и трусливый богач вскакивал, подбегал к окошку и, дрожа, всматривался в темноту — не возвращается ли его попутчик и не слышны ли его шаги. Но ничего, кроме зелёной большой луны, не видел и ничего, кроме шороха, с которым носятся в ночном воздухе летучие мыши, не слышал.

А наутро он, решив погубить юношу, взял лопату, вырыл на тропинке, по которой тот ходил на своё поле, яму и закрыл её ветками. Он знал, что в этих местах бродит тигр и что звери джунглей не преминут явиться к яме, если в неё упадёт человек.

Так и случилось. Едва юноша наступил на ветки, они рухнули — и он очутился в яме. И тотчас на соседних деревьях появились обезьяны, а из-за кустов вышел и сел на краю ямы огромный полосатый тигр.

Но юноша не растерялся. Он достал свою дудочку и начал на ней играть. Он играл так хорошо, что тигр вздохнул, улёгся, подпёр голову лапой и закрыл глаза, а обезьяны начали по одной перебираться на ближайшую к яме ветку. Ветка под их тяжестью стала наклоняться и наконец совсем свесилась в яму. Юноша вылез по ветке, обошёл спящего тигра и благополучно вернулся в деревню.

Здесь его встретила девушка, и они долго стояли у его хижины, взявшись за руки и о чём-то беседуя.

А злой богач, увидя из окна юношу, решил, что тот пришёл отомстить ему, схватил свой мешок и, кряхтя, бросился с ним вон из деревни.

— Очень интересно! — сказали обезьяны, когда он пробежал мимо их дерева.

Они сказали это и замолчали, потому что, едва богач скрылся, из-за кустов вышел тигр и, неслышно ступая, пошёл за ним следом.

Всё, что произошло потом с юношей и девушкой, богачом и тигром, видела одна зелёная луна да, может быть, летучие мыши, которые имеют привычку носиться по ночам и среди деревенских хижин, и в джунглях, меж опутанных лианами деревьев.

ОТЧЕГО БЫВАЮТ ПРИЛИВЫ (ИНДОНЕЗИЯ)

Когда над побережьем Индонезийских островов, которые, как корабли, плывут в беспредельном Океане, высоко в небе останавливается луна, старые рыбаки, посматривая вверх, говорят:

— Сегодня быть большому приливу! — и, щурясь, пытаются рассмотреть в лунных пятнах две знакомые им фигуры.

А началось так. Давным-давно на острове Ява жил крестьянин по имени Ка́иман. У него было небольшое рисовое поле, и он с утра до вечера гнул на нём спину, — выращивать рис дело тяжёлое, надо всё время следить, чтобы нежные зелёные ростки, сидящие корнями в жидкой грязи, не засохли на солнце, если вода уйдёт, и не задохнулись без воздуха, если вода накроет их целиком. Для этого надо внимательно следить за валиками из глины, которые окружают поля, и то прокапывать в них ходы, спуская воду, то снова залепливать их глиной.

Но Каиман был упрям и силен и хорошо делал эту работу. У него всегда вдоволь было рису, и он уже стал задумываться, не привести ли ему в дом жену, как вдруг в хижине поселилась крыса. Она выкопала в углу нору и сразу же стала думать, как ей обмануть человека. Вот почему в первый же вечер она вылезла из норы, села на задние лапы и, вытянув по глиняному полу свой мерзкий голый хвост, обратилась к крестьянину.

— Послушай, — сказала она, поглаживая тощее брюхо и дёргая тонким розовым носом (она чуяла

рис!), — я хочу заключить с тобой договор. Мы живём в этой хижине вдвоём, и значит, всё, что есть в ней, надо разделить пополам. Начнём с риса...

— Ах ты мерзкая тварь! — воскликнул крестьянин. — Ты едва только переступила порог моей хижины, а уже смеешь так говорить? Тебя никто не звал сюда. Ступай прочь, не то я швырну в тебя заступ, которым рою на поле глину, и перешибу тебя пополам!

— Как знаешь, только не пришлось бы тебе пожалеть о сказанном, — ответила крыса и, волоча по глиняному полу свой мерзкий хвост, ушла в нору.

На следующий день Каиман встал «паги», что значит по-индонезийски «утром», но крыса поднялась «паги-паги» (так говорят индонезийцы, если хотят сказать «рано утром»). Так вот, она поднялась «паги-паги» и раньше крестьянина побежала на поле. И когда Каиман пришёл туда, он увидел, что во всех глиняных валиках проделаны дыры и вода ушла. Крестьянин был упрям, он поправил их и снова пустил воду, но крыса ночью опять испортила валики. Так продолжалось несколько дней, и Каиман понял, что ему не победить злобное животное.

Тогда он решил стать рыбаком, продал поле, купил лодку и сплёл из древесного луба большую прочную сеть. Но крыса была начеку и, когда Каиман собрался в море, пробралась незаметно на лодку и спряталась между корзин, которые крестьянин приготовил для рыбы. Выйдя в море, он забросил сеть и принялся тащить её. Сеть была такая большая, а Каиман так силен, что не только рыба попала в сеть, но и сам Океан двинулся с места и, следуя за сетью, затопил берега. И люди Индонезийских островов, где до тех пор никогда не было приливов, с ужасом стали отступать от стремящейся на берег воды, уводить скот и переносить очаги. В сеть действительно попало много рыбы, но крыса не дремала: она незаметно подобралась и перегрызла одну из верёвок, за которые тянул Каиман. Сеть опустилась, рыба ушла,

а Океан, отпрянув от берега, вернулся и занял то место, которое всегда было ему определено.

Несколько дней подряд пробовал ловить рыбу Каиман. Каждый раз потревоженный Океан затапливал берега, но каждый раз крыса перегрызала верёвку и освобождала рыбу, а вместе с ней Океан.

И тогда, поняв, кто портит сеть, Каиман обратился «малám» (по-индонезийски это значит «вечером») к богам.

— О вы, сотрясающие землю и поддерживающие небо! — воскликнул он. — Заклинаю вас: рассудите

меня с этим мерзким животным, а если не можете сделать это, то отправьте меня с лодкой куда-нибудь подальше.

Надо сказать, что, обращаясь к богам вечером, он выбрал неудачное время, потому что боги, так же как и люди, к вечеру устают и у них портится настроение. Боги действительно не стали разбирать, кто прав в этой ссоре, а кто — нет. Они приказали Ветру выполнить последнюю просьбу рыбака. Ветер опустил на землю, превратился в огромный вихрь, подхватил облака, воду и песок на берегу, сблизил их, перемещал и забросил на луну, которая как раз в это время стояла над большим островом Ява. Вместе с водой и песком он забросил туда и лодку с рыбаком и с его сетью, а также с крысой, которая продолжала прятаться среди корзин.

Вот почему, повторяю, не только старые рыбаки, но даже каждый мальчишка и девчонка с острова Ява, каждый мужчина и женщина, завидев «малам-малам» (поздно вечером) в небе луну и разглядев на ней тёмные пятна, говорят друг другу:

— Смотрите, они по-прежнему там — рыбак, его лодка и крыса.

А если приезжий спрашивает, что делают на луне крыса и рыбак, яванцы отвечают:

— Неужели вы не знаете? Каиман каждый день забрасывает с луны в Океан сеть. Он тащит её. Океан поднимается и затапливает берега. Но крыса не дремлет — стоит только рыбаку зазеваться, она подбегает, перегрызает одну из верёвок, и Океан возвращается на место. После этого рыбак начинает чинить сеть, а крыса снова прячется в лодке. И так продолжается каждый день. Вы, приезжие, называете это приливом и отливом, но мы-то знаем: это лунные рыбак и крыса никак не хотят уступить друг другу.

БЕДНЯК ФИОЛЕТОВЫЙ ЗМЕЙ (ИНДОНЕЗИЯ)

На одном из островов, рассказывают, жил бедняк. Он жил со своей женой в хижине, такой старой и ветхой, что каждый раз, когда начинал дуть зимний муссон, хижина раскачивалась и вот-вот готова была упасть. Особенно плоха в ней была крыша, и если шёл дождь, то луж внутри хижины было ничуть не меньше, чем снаружи.

— Найти бы на дороге монету — купил бы полвоза рисовой соломы, починил крышу, — часто говорил бедняк.

— Да, да, — отвечала ему жена. — Сухой пол! Чего ещё можно желать?

И она тоже, когда шла по дороге, смотрела себе под ноги.

Но вот однажды крестьянин пошёл в лес, чтобы собрать хвороста для очага. Он забрёл в самую чащу, набрал сучьев и хотел было повернуть назад, как вдруг услышал, что под большим многоствольным деревом баньяном кто-то стонет. Он подошёл поближе и увидел Фиолетового змея, на которого упал сломанный ветром один ствол баньяна.

— Добрый человек, помоги мне! — взмолился змей. — Подними этот ствол, чтобы я мог выбраться на свободу.

«Отчего не помочь?» — подумал крестьянин, сбросил с плеч вязанку хвороста, ухватился обеими руками за ствол и, крикнув, приподнял его. Фиолетовый змей облегчённо зашипел, расправил свои кольца и не торопясь выскользнул из-под дерева.

— Спасибо тебе, добрый человек, — сказал змей. — Я — повелитель здешнего леса. Если тебе ког-

да-нибудь понадобится что-то, приходи под это дерево, постой немного, и я появлюсь. Прощай!

И с этими словами он исчез.

Поражённый крестьянин (он никогда прежде не видел змей, которые бы разговаривали, как люди) взвалил на плечо вязанку и отправился домой.

Там он рассказал жене про удивительную встречу, а когда кончил рассказ, пошёл дождь, и крестьянин снова увидел, как вода льётся на очаг, на их жалкую посуду и брошенное в углу тряпье, на котором они спали.

— А что, если мне снова пойти в лес и попросить у змея хорошую крышу? — сказал он.

— Не думаю, чтобы из этого что-нибудь получилось. Впрочем, как знаешь, — ответила жена.

И крестьянин отправился в лес. Там он нашёл баньян, стал около него, и действительно, скоро из-под его корней выполз Фиолетовый змей. Не поднимая головы от земли, он ласково спросил:

— Что ты надумал?

— Наступил сезон дождей, и жить в моей хижине стало невозможно, — сказал крестьянин. — У нас очень плохая крыша. Если можешь, сделай так, чтобы она не очень протекала.

— Не беспокойся, всё будет в порядке, — сказал змей и исчез под корнями дерева.

Крестьянин отправился в обратный путь, а когда подошёл к хижине, то увидел, что её крыша уже вся выстлана толстыми, плотно связанными пучками рисовой соломы и дождь, который не переставал лить ни на минуту, теперь весь стекает на землю.

— Посмотри, как сухо у нас на полу и как хорошо горит огонь в очаге! — радостно встретила его жена. — Садись есть!

«Так-то так, да вот в горшке совсем мало риса, — подумал бедняк. — Не мешало бы попросить у змея и кое-чего из еды...»

Он подождал, когда дождь станет немного тише, и снова собрался в лес.

— Не нравится мне то, что ты опять идёшь просить,— сказала жена.— У нас уже сухо и тепло, разве этого мало?

Но мужчины на островах не привыкли советоваться с женщинами, и крестьянин ушёл в лес. Там он снова стал под деревом и принялся ждать. Но на этот раз Фиолетовый змей появился не сразу.

— У тебя есть ещё просьба? — спросил он.

— Вот какое дело: я давно уже не ел досыта. Горшки и корзины в моём доме пусты. Не наполнишь ли ты их? — сказал крестьянин.

— Что же, пусть будет так,— сказал змей и скрылся.

Когда крестьянин вернулся домой, он обнаружил, что весь дом его полон сытной, вкусной еды: в углу лежали спелые кокосовые орехи, горшки на столе были полны риса, а в корзинах на полу шевелились свежешелые креветки и рыба.

— Он слишком добр к нам,— сказала жена, имея в виду змея.— Ты всего лишь помог ему один раз выбраться из-под дерева, разве это много?

— Не так уж и мало,— ответил крестьянин, лёг на циновку и стал думать, что бы ещё попросить у змея.

Думал, думал и решил попросить новое платье. Да не простое, а такое, какое он видел однажды на богатом человеке, который приезжал в деревню из города.

Переспав ночь, он снова отправился в лес.

— Напрасно ты это затеял,— печально сказала ему на прощанье жена.— У нас тепло, сухо, есть что поесть. Что ещё нужно нам, которые всю жизнь трудились не разгибая спины и всегда довольствовались малым?

— Молчи,— ответил крестьянин.— В каком-то горшке должен быть мёд. Смотри, чтобы к моему возвращению был отварен сладкий рис!

Он дошёл до баньяна и нетерпеливо стал ждать. Но на этот раз Фиолетовый змей и вовсе не спешил. Крестьянин устал стоять и продрог (по лесу катился

сырой утренний туман). Наконец из-за дерева выполз змей.

— Это ты опять? — недовольно сказал он. — Что случилось? Произошло несчастье?

— Нет, нет, просто я подумал, что мне, у которого есть тёплый и сухой дом и чей стол ломится от еды, не пристало ходить в рваном плаще. Я хотел бы носить красивое платье из батика, башмаки, украшенные зелёными камнями, как тот человек, что в прошлом году приезжал к нам из города.

— Зачем тебе башмаки с камнями? — удивился змей. Он так высоко поднял голову, что смотрел теперь на крестьянина сверху вниз. — Не думаешь ли ты, что у меня нет других дел, как только исполнять твои нелепые просьбы? Впрочем, ладно. Ступай.

Он уполз, а крестьянин отправился домой. Не успел он переступить порог хижины, как увидел, что на стене висит красивое дорогое платье из красно-жёлтого батика, а на полу стоят башмаки из тонкой телячьей кожи, украшенные драгоценными камнями.

Он тотчас надел и платье и башмаки и отправился в деревню, чтобы все видели, какой он теперь важный и богатый.

Когда он возвращался домой, снова пошёл дождь — платье и башмаки промокли.

— Нет, уж кому-кому, а мне следует разъезжать в повозке, запряжённой лошадью! — воскликнул с досадой крестьянин, крикнул жене, что идёт к змею, и направился снова в лес.

«Ох, не кончится всё это добром!» — сказала себе женщина, глядя печально вслед мужу, который, прыгая через лужи, удалялся от дома.

Так крестьянин снова очутился около большого дерева баньяна и стал ждать Фиолетового змея. Но на этот раз ждать ему пришлось очень долго. На лес уже спустились сумерки, когда наконец зашуршала трава и из-за дерева выполз змей. Голова его была высоко поднята, а глаза гневно горели.

— Ты всё-таки решил прийти снова?! — воскликнул он. — Что, ещё одна просьба?

— Конечно! — ответил крестьянин. — Мне нужна повозка, красивая повозка, запряжённая лошастью. Можешь не шипеть — не ходить же мне в таких красивых башмаках по грязи. Или ты забыл, как лежал придавленный деревом?

— Вот как ты заговорил теперь... — сказал змей. — Что ж, кому нет дороги вперёд, должен идти назад. Ты хочешь ещё один подарок? Хорошо, он ждёт тебя.

С этими словами он уполз, а крестьянин, сгорая от нетерпения, побежал по грязи назад.

Он добежал до своей хижины и увидел, что крыша на ней опять старая, заглянул внутрь — на полу и на полках стоят пустые горшки, а около них плачет его жена. В тот же миг башмаки с его ног исчезли, а на плечах вместо красивого батика оказался старый, изорванный плащ.

Так он стоял до тех пор, пока снова не пошёл дождь и не потушил огонь в очаге.

ДЕВОЧКА = МУРАВЕЙ

(АФГАНИСТАН)

Жил в одном селении мудрец, который любил часами сидеть на берегу арыка, размышляя о непрочности и изменчивости всего земного.

И вот однажды он сидел так, погружённый в думы, а над ним пролетал преследуемый соколом воробей. Воробей держал в клюве муравья и, пролетая над арыком, выпустил муравья из клюва. Муравей упал у самых ног мудреца, тот поднял его и, жалея, отнёс домой. Тут надо сказать, что мудрец ещё был и волшебником, во всяком случае, он знал заклинания, с помощью которых можно превращать одно живое существо в другое. Принеся муравья домой, он положил его на пол и, повернувшись лицом к востоку, произнёс нужные слова, отчего муравей стал расти, менять свой облик и превратился в красивую маленькую девочку.

Мудрец взял её за руку и отвёл к своему другу, у которого было уже несколько детей и которому нетрудно было вырастить ещё одного ребёнка.

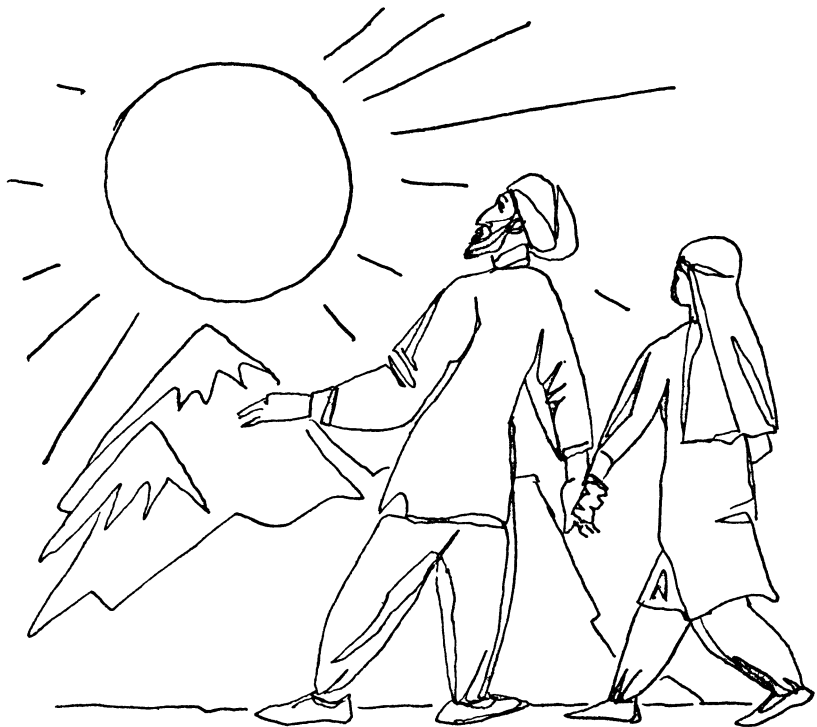
Шли годы, и девочка превратилась в стройную, прекрасную девушку.

Тогда мудрец призвал к себе её приёмного отца, и они стали рассуждать, что делать дальше.

— Я думаю,— сказал друг,— что настало время найти того, с кем она может идти дальше по жизни. В нашем селении много крепких и красивых мужчин. Давай спросим её.

Но девушка, когда она предстала перед ними (а она была действительно умна и красива), ответила:

— О вы, чьим словам я должна и готова повиноваться. Не кажется ли вам, что те мужчины, о кото-

рых вы говорите, уступают мне в достоинствах? А вы столько раз учили меня, что только равенство соединяет сердца.

— Ты права,— ответил, подумав, мудрец.— Но кто в этом мире достойнее и безупречнее всех? Самый сильный. А кто сильнее всех? Солнце — оно побеждает даже мрак.

— Хорошо, пусть будет солнце,— согласилась девушка.

И рано утром, едва только солнце взошло над вершинами Гиндикúша, мудрец крикнул:

— О светило! Эта девушка достойна самого могущественного друга. Не возмёшь ли ты её себе в спутники?

— Она прекрасна,— ответило солнце,— и я было бы радо, если бы рядом со мной всегда сияла она. Но

увы, не я самое сильное и могущественное, а туча. Даже небольшое облачко легко закрывает меня.

Тогда мудрец и девушка отправились к туче. Они нашли её у подножия высокой горы.

— Что делать! — ответила им туча. — И я была бы рада иметь тебя подругой, но моё могущество ограничено: ветер гонит меня куда хочет.

Они обратились к ветру.

— Разве это сила и мощь — то, что есть у меня! — воскликнул ветер. — Только слабые тучи да гибкие деревья уступают мне. Посмотрите на гору — как несокрушима она, как прочно выросла в землю. Могущественнее её, по-моему, нет ничего.

Мудрец обратился к горе.

— Скажу по справедливости, уж если кто и обладает могуществом и настоящей силой, то это муравьи, — ответила ему гора. — Действительно, я не поддаюсь пока ветру, но муравьи уже изрыли всё моё тело, расширили все трещинки. Скоро мне наступит конец, а я ничего не могу с ними поделать — ни прогнать их, ни уйти.

— Подожди меня! — сказал мудрец девушке, подошёл к горе, выбрал среди тысяч муравьёв одного, взял на палец и вернулся туда, где стояла красавица.

— Ты слышала всё, — сказал он ей. — Подходит он тебе?

— Конечно, — ответила девушка, — ведь он равен мне достоинствами, и он действительно самый сильный.

И тогда мудрец, повернувшись лицом к востоку, произнёс известные ему слова, заклинание подействовало, тело девушки стало уменьшаться, изменять форму, и она опять превратилась в муравья.

Два муравья взяли друг друга за руки и скрылись в расселине горы...

КАППА - РЕЧНОЙ МАЛЫШ

(ЯПОНИЯ)

В давние времена на Японских островах в реках жили странные существа, похожие на черепаху (их особенно много было на острове Кюсю). Спину каждого защищал твёрдый панцирь, ноги и руки имели когти, а шея и голова были обезьяньими. Мало того, у каждого на голове росли короткие волосы, а макушка была голой. Они были величиной с ребёнка, когда он начинает ходить, и за это их прозвали речными мальчиками — каппа.

Надо сказать, что каппа были очень любознательными, и только страх не позволял им поближе познакомиться с людьми, за которыми каппа наблюдали из-под воды. Мало того, каппа просто боялись людей, редко попадались им на глаза, и вот почему среди жителей городов и деревень только ходили слухи об этих необычайных существах, об их таинственных знаниях и умениях.

Рассказывали, например, что однажды крестьянин оставил на берегу реки лошадь. Он привязал её к стволу ивы, а сам отправился работать на своё рисовое поле. Каппа решили посмотреть, что это за диковинный зверь ходит по берегу, звенит бубенчиком и издаёт странные звуки ртом. Выждав момент, когда лошадь подошла к самой воде, двое из них схватили её под уздцы и потащили в воду. Берег был глинистый, и лошадь, как ни упиралась всеми четырьмя копытами, с громким ржанием съехала в воду. Но в воде она попала копытами на крепкое дно, оттолкнулась и разом вылетела на берег вместе с уздечкой и висящими на ней каппа. Крестьянин, услышавший ржание, уже бежал со всех ног. Каппа, завидев человека, прыгнули в воду, а хозяин погнался за лошадью прочь от берега, крича в страхе:

— Я видел их! Я видел их!

Но на острове Кюсю рассказывают, что однажды человек смог поговорить с каппа, обошёлся с ним по-дружески и был за это вознаграждён.

Этим человеком была женщина, которая жила со своим мужем в небольшом посёлке в префектуре Саитама. У них был маленький дощатый дом неподалёку от реки, муж допоздна работал в саду или на поле, а жена вела хозяйство. По вечерам она любила сидеть у окна, поджидая своего мужа и наблюдая, как меняется цвет речной воды. Однажды, когда она так сидела, откуда-то снизу, из травы, поднялась и легла на подоконник короткая, покрытая коричневой шерстью лапа с когтями. Женщина вскрикнула и отбежала от окна, а когда, поборов страх, вернулась (она была смелая женщина!) и высунулась из окна — внизу под ним никого не было, только медленно поднималась трава, примята чьими-то ногами. Женщина не стала ничего рассказывать своему мужу (он всё равно не смог бы оставаться дома — помощников у него ни в саду, ни в поле не было) и, когда снова настал вечер, села около окна и стала ждать. И снова,

как только стемнело, снизу бесшумно поднялась когтистая лапа и легла на подоконник. Женщина вскрикнула и снова отбежала в глубину комнаты. Наступил третий вечер. Женщина (а мы уже говорили, что она была не робкого десятка) взяла большой нож, которым обычно резала на кухне мясо, и стала ждать. И снова зашло солнце, сгустились сумерки, и вновь на подоконнике появилась тёмная лапа. На этот раз женщина, не раздумывая, ударила по ней ножом, да так точно и сильно (руку её направлял страх), что лапа отвалилась и осталась на подоконнике. Она переложила её на пол и снова ничего не сказала своему мужу. Однако утром, когда муж, по обыкновению, собирался на работу, он неожиданно сказал:

— Слушай, что случилось ночью у нас в саду? Там — кровь.

Женщина молчала, подбирая нужные слова.

— След идёт от твоего окна прямо к реке. Неужели ты ничего не видела и не слышала?

И тогда она проводила его в свою комнату, чтобы показать отрубленную лапу, но — о чудо! — вместо безобразной кривой лапы на полу лежала отрезанная человеческая рука.

— Хорошо, я вернусь сегодня пораньше, и мы вместе поймаем его, — сказал муж и ушёл.

Но стоило ему скрыться за деревьями, как в дверь постучали. Дрожа от страха, женщина приоткрыла дверь и увидела молодого мужчину в синем дорожном плаще, который стоял на пороге, а на лице его было написано страдание. Она поклонилась ему, но когда согнулась в поклоне, то увидела, что путник однорук.

— Я хочу посмотреть ту руку, что лежит у тебя в доме, — сказал незнакомец, и она, не в силах противиться, молча впустила его.

— Это моя рука, — печально сказал мужчина. — Отдай её мне.

— Увы! — воскликнула женщина. — Но что вы будете делать с ней? Ведь она отрезана, и это — навсегда.

Не говоря ни слова, незнакомец вытащил из-под полы баночку с какой-то мазью, смазал ею руку, приложил её, и она не только сразу приросла, но и начала на глазах у поражённой женщины двигаться.

— Случилось несчастье, в котором никто не виноват,— сказал мужчина.— Мне всего лишь хотелось посмотреть, как вы, люди, живёте в этих пёстро раскрашенных деревянных коробках без воды и что едите, если вокруг вас не плавают рыбы. А тебе вовсе не хотелось уродовать меня. Ведь так?

— Конечно, нет, я только защищалась,— сказала женщина.— Мне жаль.

— Я вижу, ты добрая, а доброта должна всегда вознаграждаться. Возьми эту мазь: она волшебная. Исцеляй людей, и пусть между моим племенем и вашим никогда больше не будет недоразумений.

С этими словами он отдал баночку, повернулся и пошёл к выходу. Сойдя с крыльца, направился по траве, с которой утренняя роса уже смыла следы крови, к реке, остановился на берегу, поднял руки, прошептал какие-то слова. И тогда изумлённая женщина, которая наблюдала за ним из окна, увидела, как он уменьшается, как его плащ превращается в панцирь, а руки и ноги в кривые лапы. Каппа — речной мальчик постоял на берегу и, не оглянувшись, бросился в воду...

Так человек однажды разговаривал с каппой. И вот почему именно жители острова Кюсю первыми научились делать мазь, которая лечит раны. Эту мазь они до сих пор называют «каппа-но-миоёку» (волшебное лекарство каппа). В старые времена там же был обычай коротко стричь мальчиков и выбривать им макушки. Эту причёску называли «о-каппа» (достойный каппа), но теперь эта мода отошла, и мальчишки Кюсю бегают стриженные, как все маленькие японцы. И только в сказках люди островов ещё нет-нет да вспомнят причудливых незлобивых существ, которые жили (кто знает, может быть, и живут?) на дне речных водоёмов

БОРЬБА МЫШЕЙ

(ЯПОНИЯ)

В одной деревушке жил злой богач и жили бедные старик и старуха. Богач давал крестьянам деньги в рост, богател, а старики еле сводили концы с концами.

Как-то заметили они, что низ их хижины прохудился, и решили пойти в лес, нарезать там дёрна, чтобы обложить к зиме стены.

Вошли они в лес, отыскиали полянку, где росла крепкая трава, нарезали дёрну, сложили его в два мешка, взвалили мешки на спины и уже совсем было собрались возвращаться, как вдруг услышали писк, возню и слабые вскрики.

Подкрались они, выглянули из-за кустов и увидели двух мышей — толстую и тонкую, — которые боролись. Они боролись по всем правилам борьбы сумо, и даже поясницы их были обвязаны вместо поясов какими-то тряпочками. Мыши держали друг друга за пояса, толкали одна другую, и всё это было бы очень занятно, но побеждала всё время, конечно, толстая мышь, и это понятно, так как в борьбе сумо всегда побеждает тот, кто сильнее и тяжелее.

Когда мыши кончили бороться и ушли, старик сказал:

— Слушай, старуха, а ведь я узнал мышей. Та, что тоньше, живёт в нашем доме, а та, что толще, — в доме нашего деревенского богача. Конечно, куда там нашей мышке тягаться с нею!

— Мне жаль её, — ответила старуха. — Знаешь что, приготовлю-ка я ей сегодня две рисовые лепёшки. Всё-таки хоть она и живёт под полом, она живёт в нашем доме.

Так она и поступила. И хотя еды в доме было совсем мало, она стала каждое утро готовить и класть на пол для мышки по две лепёшки.

Через неделю пошли старики снова в лес насобирать хворосту для печки. Снова очутились около поляны, а когда ушли, на поляну пришли две мыши и снова стали бороться. Но теперь уже победа не давалась так легко толстой.

— Послушай, что с тобой произошло? — удивлялась она. — То я бросала тебя как хотела, а теперь еле-еле справляюсь, а то и проигрываю. Не откроешь ли ты свой секрет?

— Отчего же, — отвечала тонкая мышь (за эти дни она поправилась), — мои добрые хозяева каждое утро дают мне по две рисовые лепёшки. Вот откуда во мне сила!

— Прямо так и дают? — удивилась её подруга. — А мне всё время приходится у своего хозяина воровать да поглядывать — того и гляди, придавит хвост мышеловкой или поймает кошка. Послушай, а что, если и я стану приходить к тебе по утрам?

— Ну, это не так просто, — отвечала тонкая мышь. — Мои хозяева бедняки, и для того, чтобы кормить нас двоих, им нужны будут деньги. Если сможешь принести несколько монет, приходи.

— У моего все ящики набиты деньгами. Правда, он пересчитывает их каждый день, но я как-нибудь это улажу.

Можно себе представить удивление бедняков, когда на следующий день они обнаружили на столе у себя золотую монету.

— Вот чудеса! — воскликнула старуха. — Не иначе как это наша мышка нашла где-то в норе. Пойду скорее куплю еды нам и ей.

— погоди, и я с тобой! — Старик тоже стал собираться.

А в это время по улице толстая мышь волокла мешочек денег. Ей ни за что бы не донести его, да на помощь выскочила тонкая мышь. И только они уцепились за мешочек и сдвинули его с места, как на улице с воплями и проклятиями появился богач.

— Держите! Вон он, мой мешок. Воры!..— кричал он.

Мыши разбежались, а богач, отняв даже единственную золотую монету у бедняков, понёс мешочек с деньгами домой. Боясь, что мыши снова заберутся в дом, он заколотил окна и двери и уехал в город, а старик со старухой так и остались жить в деревне.

— Знаешь что,— сказала старуха мужу,— всё равно в доме у нас всего мало, не разорит нас вторая мышь. Пускай живут обе!

— Надо им сшить красные пояса фундóси, как у настоящих борцов,— сказал старик.

На том и поладили, и теперь, хотя они по-прежнему живут бедно, каждый вечер старик со старухой, смеясь, смотрят, как на полу посреди хижины борются две мыши, и жизнь кажется им не такой тяжёлой.

БАНАНИ-ДОБРЫЙ ДУХ

(АВСТРАЛИЯ)

НАЧАЛО ЖИЗНИ

Это было в самом начале Времени Сновидений, когда и земля и небо, деревья эвкалипты и похожие на перевёрнутые метёлки травяные деревья — всё было погружено в сон, не росло, не двигалось и могло показаться мёртвым.

Спали скрытые внутри земли ящерицы и змеи, птицы и звери, рыбы и люди. Они не двигались, не дышали, и только лягушки и жабы, словно зная своё предназначение, потихоньку втягивали внутрь себя воду, раздуваясь и тяжелея.

Но вот однажды проснулся Радужный змей — Гури́ала, самое большое и сильное из животных. Он проснулся, пробил головой твёрдую корку, которая, как скорлупа, покрывала совершенно гладкую ровную землю (тогда ещё не было ни гор, ни озёр и рек), поднял украшенную разноцветными чешуйками голову и понял, что пора Начала жизни пришла.

И Радужный змей сказал, обращаясь к животным:
— Выходите!

Зашевелилась земля, растрескалась её кора, и из-под неё стали вылезать ящерицы, змеи, вылетать птицы и выпрыгивать большие рыжие кенгуру и маленькие валла́би. Показались деревья и травы.

Но понял Радужный змей, что и ящерицы и змеи, и все звери и птицы, трава и деревья погибнут, потому что на земле ещё нет воды.

И он сказал, обращаясь к лягушкам:

— Выходите!

Тогда из-под земли полезли лягушки и жабы. Они широко открывали рты и извергали воду, которую накопили за время сна.

Вода пробила себе дорогу в земле, появились озёра и реки.

Но на земле не было ещё людей, и Радужный змей сказал, обращаясь к ним:

— Выходите!

И люди вышли из-под земли, разделились на племена, и каждому племени Радужный змей определил тотём — священное животное, под знаком которого племя должно было теперь жить. Это, повторяю, было Время Сновидений, и поэтому люди — даены (так называют себя жители Австралии) — до сих пор спорят: отличались ли их предки от животных или были похожи на них как две капли воды? Во всяком случае, они помнят, что люди племени змей жили в скалах и прятались под камнями, люди племени кенгуру и ёму бегали по равнине, а люди племени птиц летали по воздуху и жили на деревьях.

Такое это было удивительное время.

Радужный змей установил законы, по которым стали жить все. И те племена, которые выполняли его законы, он превратил потом в обыкновенных людей, а тех, кто законы нарушал, — в камни.

Вот почему до сих пор у каждого племени даенов есть свой тотем, а по всей Австралии, и на каменистом полуострове Арнхемлэнд, и на жарком влажном зелёном Кейп-Йорке, и на острове Морнингтон лежат причудливые камни, которые по форме напоминают животных.

ГУРНАЛА-РАДУЖНЫЙ ЗМЕЙ

Прошло время, и Радужный змей решил посмотреть, как живут люди на земле, найти племя, тотемом которого был он сам.

Он отправился в путь. Его тяжёлое сине-красно-зелёное тело глубоко врезалось в песок и землю. Было время дождей, и там, где он проползал, возникали

новые реки, а там, где лежал, отдыхая, свернувшись в кольцо, получались новые озёра.

Наконец он достиг полуострова Кейп-Йорк и около горы Нарабалгэн нашёл своё племя. Над морем в это время громоздились грозовые тучи, и люди племени собрались, чтобы танцем и заклинаниями отвести от себя грозу.

Но Гуриала сразу увидел, что даены не так одеты, как надо, а тела их не раскрашены, и потому их заклинания не будут иметь нужной силы. Тогда он достал из дупла дерева пчелиный воск и приказал принести из леса красивых птичьих перьев. Он научил людей укреплять с помощью воска эти перья на макушке. Кроме того, он показал, как надо разводить водой мел и охру и как раскрашивать тело белыми и коричневыми полосами.

Не успел он это сделать, как разразилась гроза. Сильный ветер гнул деревья, хлынул дождь. Люди бросились в лес под укрытия. Только два мальчика не успели достичь деревьев и подбежали к самой пасти Радужного змея.

— Не бойтесь, я укурю вас! — сказал змей и широко раскрыл пасть.

Мальчики залезли в неё, а змей свернулся кольцом и заснул. Заснули в животе у него и мальчики.

Когда гроза кончилась, даены сказали:

— А где те два мальчика, что бежали позади всех?

Они пошли по следам и увидели, что следы ведут прямо к пасти змея.

Надо сказать, что в те далёкие времена люди были наивными и не знали, что каждый свой поступок надо обдумывать. Они взяли каменные ножи и разрезали брюхо змея. Однако оттуда выбежали не мальчики, а выпорхнули два радужных попугая с красивыми пучками перьев на головах. Радужный змей почувствовал боль, проснулся и в гневе встал на хвост. Потом он всей тяжестью обрушился на землю, и там, где он ударился об неё, земля вздыбилась — получились

горы, а там, где по земле побежали трещины, — ущелья.

Однако Радужный змей был мудр и не стал мстить людям. Он уполз от них, бросился со скал в море и исчез.

Что касается радужных попугаев, то они живут до сих пор, белые люди называют их лóри, а даены — птицами бил-бил.

СЁСТРЫ МЕА-МЕЙ

Во Время Сновидений на небе было мало звёзд, а некоторых, к которым мы так привыкли, совсем не было.

Жили тогда в племени эму семь сестёр Меа-мей. Люди тогда ещё не отличались от животных своего тотема, вот почему у сестёр были сильные крылья и они летали с места на место, охотясь за жуками, мелкими ящерицами и расклёвывая плоды диких деревьев. Ещё они любили танцевать.

Однажды, когда сёстры бродили по светлому эвкалиптовому лесу, их увидели семь братьев из племени динго. У них были крепкие длинные ноги, и мужчины решили, что им ничего не стоит догнать женщин.

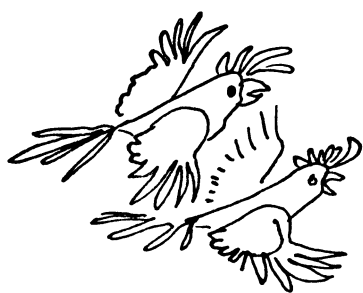
— Мы возьмём их себе в жёны! — решили динго, подкрались к сёстрам и бросились на них.

Но они просчитались. Не успели мужчины схватить сестёр, как те поднялись в воздух и, хлопая изо всех сил крыльями, полетели к дальним горам, которые, как синие облака, виднелись на горизонте.

Там они нашли безопасное место среди скал и снова стали жить, спокойно добывая пищу и развлекаясь.

Но динго — отличные охотники, они неутомимы и имеют очень острый нюх. Однажды, когда ветер дул со стороны гор, один из мужчин сказал:

— Я чую запах эму. Наши женщины спрятались вон в тех горах! Идёмте поймаем их!

— Идёмте! — сказали шесть остальных, и динго отправились в путь.

Когда мужчины достигли гор, они увидели, что их склоны поросли непроходимым кустарником.

— Давайте подожжём его! — решили они и, добыв с помощью палочек огонь, бросили пучок горящей травы в кусты.

Кусты запылали, огонь быстро охватил склоны гор, густой удушливый дым окутал убежище сестёр.

Перепуганные сёстры Меа-мей слетели с гор на равнину. Там на них бросились динго. Огонь опалил крылья птиц, и они ослабели. Но страх придал сёстрам силы. Как стрелы мчались они по равнине, следом неслись, прижимаясь к самой земле, динго. Вот кончилась равнина, они мчатся через знакомый эвкалиптовый лес, вот старые места, где жили когда-то сёстры, вот лес кончился — впереди скалы, за ними — море. Добежав до скал, сёстры увидели у своих ног морские волны, расправили обожжённые крылья и из последних сил взлетели прямо на небо. Там они превратились в семь звёзд, которые люди знают теперь как созвездие Плеяд, или Семь сестёр.

Но семь мужчин из племени динго тоже не остановились на берегу, а вспрыгнули на небо и до сих пор продолжают преследовать сестёр. Они образуют созвездие Ориона. Вот почему следом за Плеядами по небу всю ночь движется Орион и сёстрам приходится каждое утро прятаться от него за горизонт.

Теперь понятно также, отчего собаки динго любят преследовать птиц эму, а у эму хотя и очень слабые крылья и они не умеют летать, зато сильные ноги и в беге они не уступают собакам.

СУМКА МАТЕРИ-КЕНГУРУ

Однажды Байáми — добрый дух — отправился по стране, чтобы посмотреть, кто нуждается в его помощи и защите.

А надо сказать, что в то далёкое Время Сновидений у кенгуру и других австралийских животных не было на животе сумок и детёнышей они водили за собой или носили на груди, как это делают звери в других странах.

Идя через лес, Байами увидел мать-кенгуру, которая пасла своего сына. Кенгурёнок был очень проворный, игривый, мать то и дело теряла его из виду, начинала звать и волноваться. В лесу охотились темнокожие люди, и всё это могло плохо кончиться.

«Вот кому нужна моя помощь!» — подумал Байами.

Он превратился в старого слепого вомбата и, выйдя из кустов, попросил:

— Я слышу, кто-то щиплет на поляне траву. Помоги мне, доброе животное, перейти поляну!

— Хорошо, я помогу тебе! Вот только поймаю своего сына, — сказала мать, с трудом изловила шустрого детёныша, прижала лапами к груди и вернулась к вомбату.

Тот взялся зубами за кончик её хвоста, и они тронулись в путь. Но не успели они перейти поляну, как из леса вышел охотник даен с копьём наперевес. Увидев его, кенгуру оставила вомбата (тот лёг и прижался к земле), швырнула детёныша в кусты (тот затаился), а сама большими прыжками бросилась в сторону, чтобы увести охотника с поляны.

Охотник был из племени, священным животным которого был кенгуру. Вот почему он не мог ни убить, ни даже преследовать его. Он опустил копьё, повернулся и снова скрылся в лесу.

Когда мать-кенгуру вернулась на поляну, Байами подумал: «Я должен отблагодарить её».

Он принял вид птицы, слетал на стойбище охотников и, найдя там тонкую, сплетённую из мягкой травы сумку, вернулся на поляну.

Мать-кенгуру с сыном были ещё там.

— Я подвяжу тебе сейчас сумку, и ты будешь носить в ней детёнышей, — сказал Байами, снова пре-

вратившись в вомбата. — У тебя освободятся передние лапы, и ты будешь меньше беспокоиться за своих сыновей.

С этими словами он подвязал кенгуру сумку, та приросла, и скоро кенгурёнок сам отлично впрыгивал в неё и выпрыгивал.

Так мать-кенгуру впервые завела себе на животе карман для малышей. Он так понравился другим животным, что скоро многие звери Австралии: и вомбаты, и опоссумы, и плюшевые медведи-коала, и даже крысы-бандикуты — завели себе такое же приспособление.

А у кенгуру до сих пор осталась привычка — в минуту опасности выбрасывать детёныша из сумки и прыжками убегать, уводя хищника подальше.

СТРАНСТВЕНИЯ ВАРРУНЫ

В давно прошедшие времена жил в одном племени знахарь и мудрец — виринун. Имя его забылось, и по созвучию, рассказывая о нём, его часто теперь называют Варруной.

Племя его, разбившись на маленькие группы, кочевало в самом центре Австралии, где сходятся несколько горных хребтов и где стоит красная и одинокая, как освещённая пожаром, скала Айрс-рок.

Надоело Варруне странствовать вместе с племенем, и он отправился один на север. Долго отсутствовал Варруна, а когда вернулся, всё племя собралось послушать его.

— Долго я шёл, оставляя утреннее солнце с правой руки, — начал Варруна, — до тех пор, пока не пришёл в страну, где много скал, покрытых рисунками. Их делают люди, почти во всём похожие на нас с вами. Страна этих людей кончается Большой водой, в неё впадают реки, на берегах которых я видел ящериц величиной с трёх динго, уложенных один за другим.

Спины этих ящеров покрыты костяной бронёй, а глаза по ночам светятся красным светом.

— Ну что же, это всё может быть, — согласились жители племени. — А что, эта Большая вода действительно большая?

Надо сказать, что воды в центре Австралии мало и каждая лужица здесь — это находка и счастье.

— Ей не видно края, — ответил Варруна. — Но самое главное я не сказал: эта вода горькая и солёная. Её нельзя пить!

«Как это так — всякая вода сладка, и всякую воду пьют!» — подумали охотники и, посоветовавшись, согласились считать Варруна лжецом.

Много раз отправлялся он в путешествия. Был на востоке, около уходящих в самое небо гор, на юге, у туманного холодного пролива, который отделяет материк от новых островов, на западе, где простирается песчаная пустыня и где нет ни гор, ни лесов.

Возвращаясь, он рассказывал про белый песок, который иногда падает на вершины гор и который превращается в воду, если взять его в ладони. Про рыб, таких огромных, что, когда они выставляют из воды спины и выдувают вверх фонтаны, кажется, что это сорвались с места и плывут острова с тёплыми источниками — гейзерами. Про черепах, которые тысячами выходят из воды по ночам откладывать яйца в песок. Он рассказывал про людей, во всём похожих на людей их племени, которые так же охотятся, собирают коренья, раскапывают родники и только говорят на других языках.

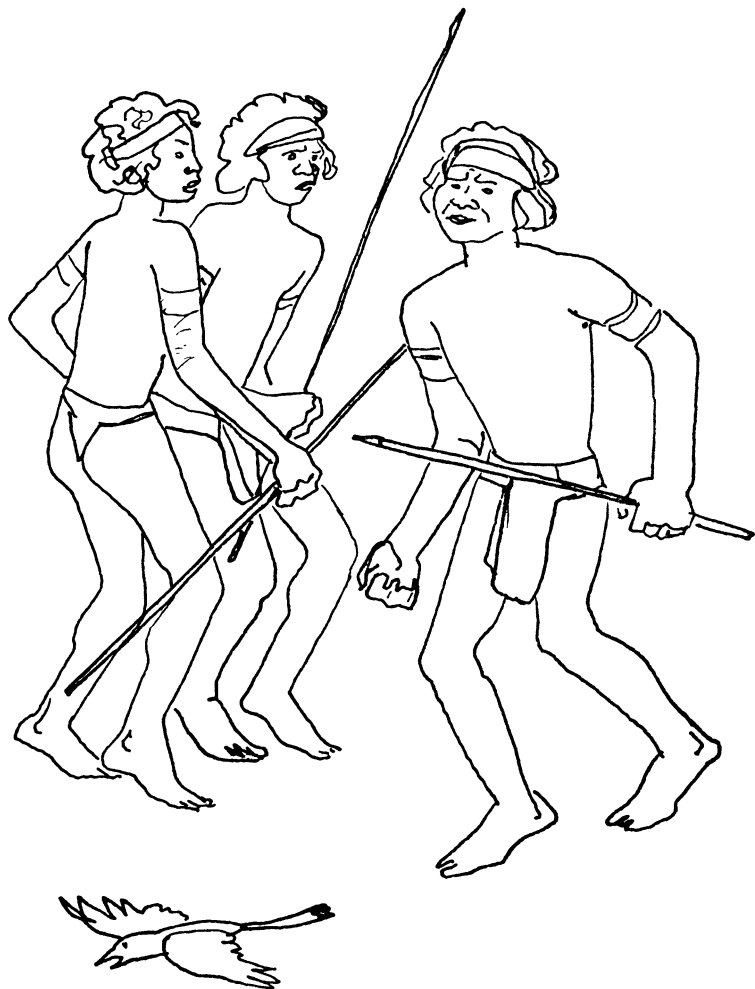
Дасны слушали его, кивали, но каждый раз, когда он доходил до того места, когда снова увидел Большую воду, а она, по его словам, окружает Австралию со всех сторон, спрашивали:

— И ты утверждаешь, что эта вода горькая и солёная? И что её нельзя пить?

И Варруна каждый раз говорил:

— Да.

— Лжец!

Так продолжалось до тех пор, пока в одном из путешествий Варруна не встретился с Байами. Добрый дух долго беседовал с ним.

— Я накладываю на тебя обет молчания — табу, — сказал он, выслушав до конца человека.

И Варруна, вернувшись, перестал рассказывать о том, что видел. А охотники, узнав, что между Байами и Варруной был какой-то разговор, решили, что добрый дух пожалел их и запечатал уста обманщика.

Шли годы. Варруна умер, и рассказы его стали повторять другие. Но теперь они уже стали сказками, и дети забавлялись, слушая их.

Но однажды страшная засуха заставила племя сняться с места. Охотники покинули окрестности Айрс-рока и отправились на север. Долго брели они через пустыню, от одного пересохшего водоёма к другому, пока не пришли в местность, где было много камней, покрытых рисунками, был скалистый берег, а за ним — вода. Вода до самого горизонта!

Люди бросились вниз, встали на колени, каждый зачерпнул полной ладонью воду и поднёс её к губам. Она была нестерпимо горькой и солёной!

И тогда только поняли охотники, что Байами, запретив Варруне говорить, был милостив не к ним, а к нему — он оберегал его доброе имя.

ДАЕНЫ И ДУХИ ГОР

Хотя Время Сновидений кончилось и даены живут теперь в стране, где, кроме них, есть белые люди, где в воздухе летают самолёты, а по дорогам ездят автомобили, всё равно мир чудес остался рядом с ними.

Например, люди не знают, а даны знают отлично, что в горах Арнхемлэнда и в горах на востоке Большой Песчаной пустыни живут духи, которых там называют мимй и мамандй, а на полуострове Кейп-Йорк — квйнкинами.

Тимора-квинкин — очень высокие и очень тонкие существа. Глядя на них, можно подумать, что они составлены из тонких палочек и что даже слабый порыв ветра может сломать любого из них. Тимора добры, днём они прячутся в расселинах и трещинах скал, а ночью выходят из своих убежищ, чтобы наблюдать за жизнью людей и, если надо, помогать им.

Имджим-квинкин похожи на хвостатых лягушек, но ходят они на двух ногах, уши держат всё время оттопыренными — прислушиваются к малейшему звуку, — а во время нападения или бегства ловко, как кенгуру, управляют со своим широким сильным хвостом. Это злые существа, они всегда готовы навредить человеку и особенно любят красть детей и прятать их в пещерах, где живут сами.

Однажды — дело было неподалёку от гор Мак-Илрёйт — племя даенов охотилось в лесу, в долине реки Кóэн. В одной семье жили брат и сестра, их звали Мýнби и Лиелín. Как-то раз они бродили по лесу и искали гнездо нежалящих пчёл, мёд которых очень вкусен. Их заметил злой имджим.

«Украду-ка я этих детей!» — решил он.

Он спрятался за деревья и крикнул голосом их отца, Вóренби:

— Мунби! Лиелин!

Дети решили, что отец зовёт их, и пошли на голос.

Голос Воренби хорошо знали и другие даены, они тоже слышали имджима и поэтому, когда Мунби и Лиелин, встречая их, спрашивали: «Вы не видели, где наш отец?» — им отвечали:

— Он только что кричал из глубины леса. Идите к горе Бýнбелби.

И дети пошли туда.

На счастье, их заметил добрый тимора. Он стал медленно переходить от дерева к дереву, наблюдая за имджимом и детьми. А когда стало смеркаться, понял, что Воренби уже, конечно, встревожился из-за исчезновения сына и дочери. Тогда тимора послал к нему трясогузку.

Воренби действительно, вернувшись домой и не найдя детей, решил отправиться на поиски. Он взял копьё, но только вошёл в лес, как увидел, что от куста к кусту прямо перед ним перелетает трясогузка.

«Эге, уж не хочет ли она показать мне дорогу?» — подумал Воренби и пошёл следом за птицей. Все охотники, которые попадались ему навстречу, присое-

динялись к нему. Люди шли следом за трясогузкой по направлению к горе Бунбелби.

А Мунби и Лиелин, подкрепившись около лесного озера водяными орехами, шли всё дальше и дальше. Вот уже и гора. В каменном её боку чернеют, как страшные раны, чьи-то пещеры. В глубине их, как уголья, горят глаза. Это имджимы поджидали детей.

Словно невидимая сила тянула детей к пещерам. Дрожа всем телом, они медленно подходили.

— Я боюсь, Мунби, бежим отсюда! — шептала Лиелин.

— Я тоже боюсь! — отвечал Мунби и делал ещё шаг вперёд.

Но тут к их ногам с грохотом свалился камень. Это добрый тимора столкнул его. Треск и шум заставили детей очнуться, чары имджимов пропали, брат и сестра бросились наутёк.

Молча выскочили из своих пещер страшные имджимы и хотели было броситься вдогонку за детьми, но дорогу им уже преградили спустившиеся с горы тимора. Завязалась драка. Имджимы, отталкиваясь хвостами, высоко подпрыгивали и наносили дубинками удары противникам. Тимора валили на врагов деревья и бросали камни.

— Слышите шум? — воскликнул Воренби и сказал даенам: — Мои дети там. Это злые и добрые духи дерутся из-за них!

Но тут из-за кустов выбежали Мунби и Лиелин. Отец взял их за руки, и даены быстро пошли через лес назад к хижинам.

И теперь, когда в лесу раздаётся треск деревьев и шум падающих камней и дует ветер, белые люди думают, что это он валит деревья и роняет камни с гор. Но даены знают — это дерутся имджимы и тимора.

КВАТ И ПАУЧОК МАРАВА

(ОКЕАНИЯ, ОСТРОВА БАНКСА)

Когда мужчины Вáнуа-Лéву отправились на остров Гáуа менять раковины, Кват был ещё мальчиком.

Лодки стояли на воде, готовые к отплытию.

— А кто будет нас кормить? Кто будет ловить рыбу и стрелять летучих собак? — спросили женщины вождя.

— Вот кто! — ответил вождь и положил руку на голову Квата.

Лодки уплыли, и Кват понял, что теперь ему надо рассчитывать только на свои силы. Первым делом он решил сделать себе лодку. Пошёл в лес, выбрал казуарину потолще, свалил её раковинным топором и стал выдалбливать сердцевину. Стучит топором, поёт песню. До вечера не управился, ушёл. Приходит утром, а дерево — цело и стоит на прежнем месте! Снова повалил его Кват, приходит на другое утро — опять кто-то поставил дерево.

Удивился он: в чём дело? Третий раз свалил дерево, обкорнал, выдолбил. Потом выбрал одну щепочку, отнёс её в сторону, стал маленьким-маленьким, под щепочку залез и ждёт.

Вдруг видит Кват — вспучилась земля, вылез из неё паучок Марáва. Обернулся старичком, собрал щепки, вложил их в ствол, приделал ветки, обхватил дерево, поднатужился и поставил на прежнее место. Обошёл вокруг, языком от удовольствия прищёлкнул, стал петь и даже слегка танцевать. Потом остановился, присмотрелся к стволу. Одной щепочки на месте нет. Стал старичок её искать. Нашёл. Только за ней нагнулся, а Кват из-под щепочки выскочил — как замахнётся топором! Испугался Маравá.

— Не убивай меня, Кват! — молит. — Сделаю я тебе лодку.

Обернулся снова в паучка, побежал по лесу. Нашёл на берегу моря сухую колоду, выцарапал сердцевину. Поставил балансир, мачту, сплёл из паутины верёвки и парус. Снова превратился в старичка и говорит:

— Вот тебе лодка, Кват!

Столкнул Кват лодку на воду, сел в неё и поплыл на соседний остров охотиться на летучих собак. Подплывает, видит — движется над верхушками пальм голова злого великана — вуи. Страшный великан — лицо и грудь раскрашены белыми полосами, в волосах сучки и перья птиц. Спрятался Кват за скалу, дождался, когда вуи ушёл, взял лук и стрелы, пошёл в лес. Настрелял летучих собак. Вдруг слышит треск и гром: снова идёт вуи.

Не растерялся Кват, подпрыгнул и зацепился ногами за ветку. Висит вниз головой среди летучих собак. Вуи его не заметил, прошёл мимо. Кват с добычей поплыл обратно на Вануа-Леву. Плывёт под парусом, веслом рулит, песню поёт.

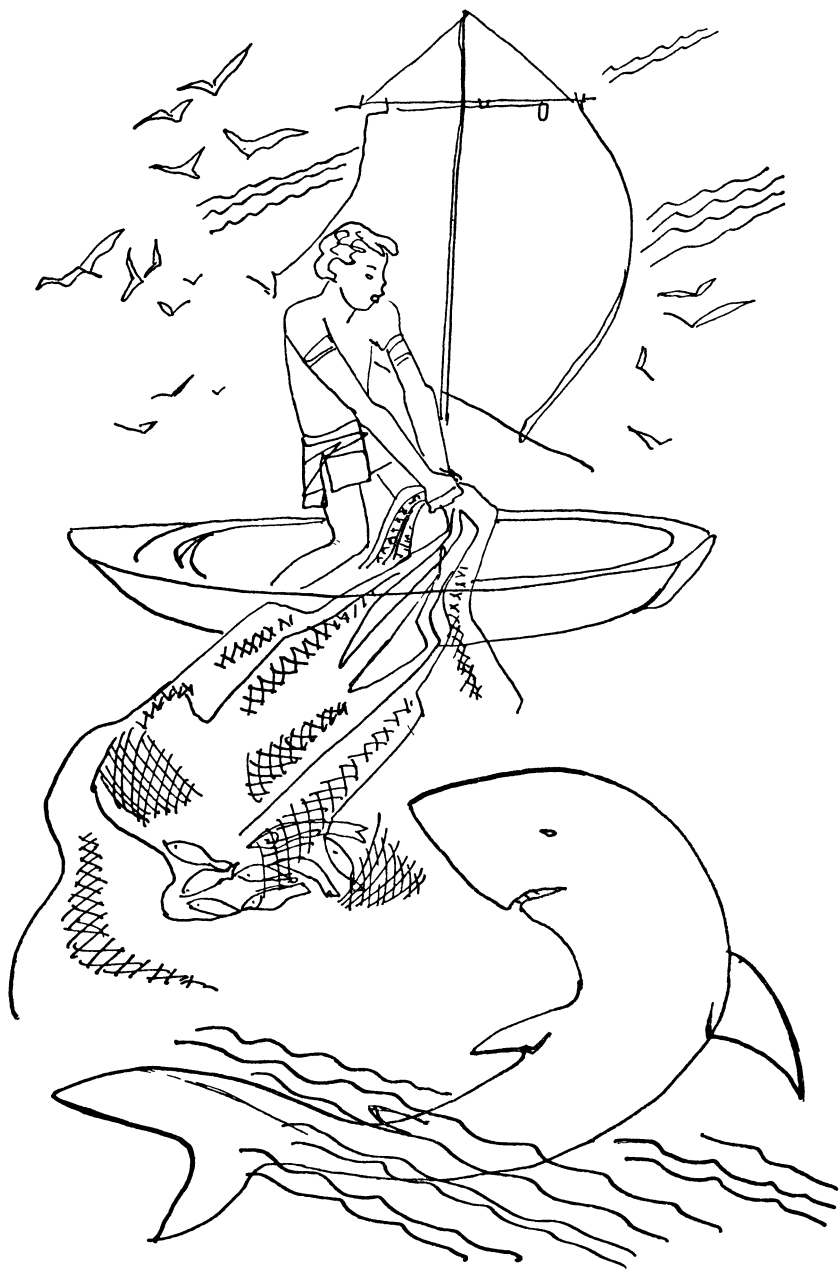
Обрадовались женщины еде.

В другой раз поплыл Кват ловить рыбу. Закинул сеть, вытащил несколько рыб. Закинул во второй раз, видит — плывёт к нему большая акула. Подплыла и говорит:

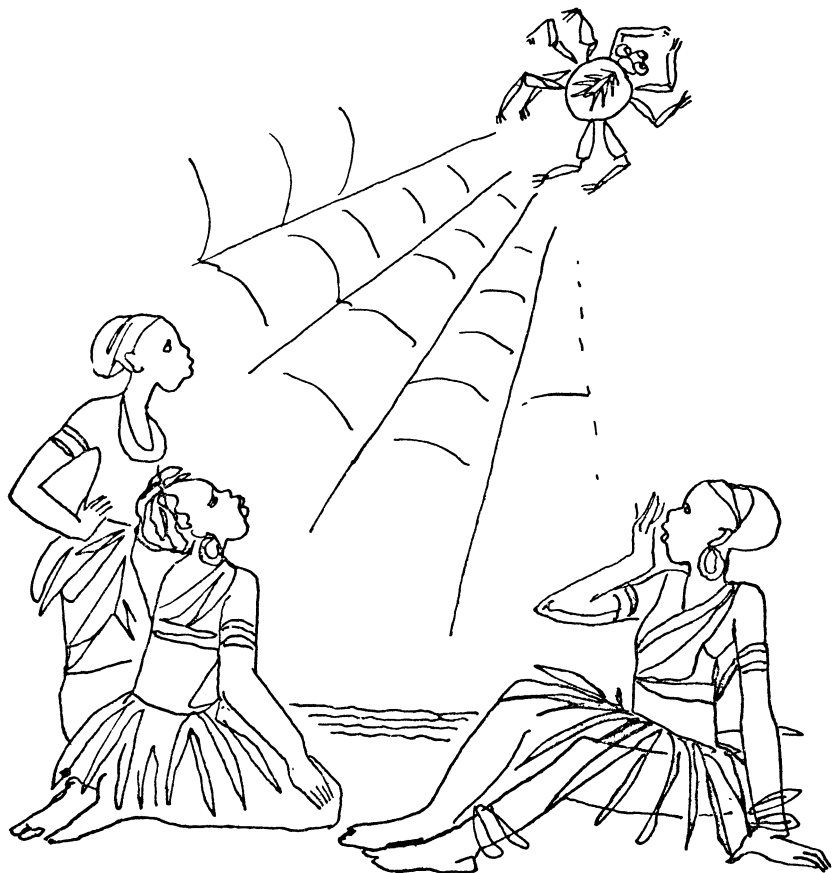
— Не бойся меня, Кват! Выпусти рыб, которых поймал, — они мои родственники. А за это я подарю тебе сладкий картофель, который можно печь на огне.

Выпустил Кват рыб. Смотрит: а на том месте, где только что была акула, плавает картофельный клубень. Поднял его из воды и поплыл домой.

Дома на берегу голодные женщины и дети. Понурив голову прошёл мимо них Кват. Делать нечего. Отправился в лес, выжег кусок поляны, вскопал острой палкой землю, посадил клубень. Выросло на поле много сладкого картофеля — батата, собрал его Кват в кучу и ушёл в деревню за женщинами.

А великан вуи в это время решил навестить Вануа-Леву. Перешёл по морю на остров, вошёл в лес, увидел кучу картофеля и заплясал от радости.

Потом вспомнил про людей, вырыл яму, закрыл её своим плащом, спрятался и стал ждать. А Кват уже ведёт женщин на поле. Шли они, шли и провалились. Сидят в яме, а вуи наверху хохочет. Взял тогда Кват лук и пустил стрелу из ямы. Попала стрела в дерево. Пустил вторую. Попала вторая стрела в первую. Стрела за стрелой — получилась цепочка из стрел. Свесилась цепочка в яму, Кват ухватился за неё и вылез. За ним женщины. Убежали они от вуи, а Кват

с полдороги вернулся, спрятался за кустом и смотрит: что делает вуи? А тот собирает в мешок картофель.

Вдруг зашевелились листья на земле, вылезает из них паучок Марава.

— Я всё видел,— говорит.— Давай накажем вуи!

Стал он бегать поверх ямы, затянул её паутиной, а Кват сверху на паутину набросал листьев. Потом встал на краю ямы и стал вуи дразнить. Кинулся великан на дерзкого мальчика, наступил на листья и как рухнет в яму! Упал и от испуга превратился в камень. До сих пор на Вануа-Леву торчит из земли каменный исполин.

А женщины деревни испекли картофель в горячей золе, надели праздничные наряды, сели у моря и стали терпеливо ждать.

Видит Марава, не получается без мужчин праздник. Полез на небо. Лезет, за собой паутинку тянет. Ухватился Кват за паутинку и тоже полез. Забрались они с Маравой на облако, а оттуда всё море видно. Плывёт по морю флот — возвращаются мужчины.

Вышли они на берег. Начался праздник. Все танцуют и поют. А Кват сел в лодку.

— Ты куда? — спрашивает его вождь.

— На другие острова. Хочу подарить людям сладкий картофель и поучиться у них. Я ещё вернусь! И уплыл.

КВАТ И КВАСАВАРА, ЗАОН ВУИ (ОКЕАНИЯ, ОСТРОВА БАНКСА)

Много раз плавал с Вануа-Леву Кват на другие острова и повсюду учил людей, как сажать в землю палкой-копалкой сладкий картофель батат, как рыть в земле яму, чтобы печь в ней на раскалённых камнях рыбу, мясо и плоды каштана. Научил делать из камня и костей наконечники для стрел, а из листьев пандануса плести циновки на пол и вязать крыши домов.

Однажды прослышал Кват, что на одном острове люди живут, не зная ночи, и что вместе с ними живёт на острове страшный вуи по имени Квасава́ра, который пожирает слабых и неосторожных.

Задумал Кват освободить людей от людоеда, а заодно подарить людям ночь.

Вместе с ним собрались в плавание и его братья. А надо сказать, что ни у Квата, ни у его братьев отца не было, а была только мать. Её звали Иро Ул, и была она камнем на дороге. Когда настало время Квату родиться, камень раскололся и из него вышел Кват. Он сразу был большим мальчиком и уже умел говорить.

— Как меня зовут? — спросил он мать.

Но камень молчал, и Кват сам дал себе имя.

У Иро Ул Кват был двенадцатым сыном. Её сыновей до Квата всех звали Танга́ро: Тангаро Лист Крапивы, Тангаро Лист Хлебного Дерева, Тангаро Лист Бамбука... А двух последних — Тангаро Умный и Тангаро Глупый.

Итак, собрался Кват в новое плавание. Но прежде чем сесть в лодку, поймал в деревне самую большую свинью и самого горластого петуха, положил их в мешок. Ещё он взял с собой острый нож из чёрного

камня обсидиана. Сели в лодку Кват и его братья и отправились в плавание.

Долго плыли, пока из воды не показалась скала. А жил на этой скале старик по имени И Конг. У него-то и выменял Кват на свинью ночь. Спрятал её в мешок, и поплыли они дальше.

Плывут, видят — остров. Солнце над ним ходит кругами, не заходя.

— Вот мы и прибыли,— говорит Кват.

Вышли на берег тамошние люди, стали приветствовать Квата и его братьев. Вытащили лодку на берег, отвели братьев в деревню, поместили в лучшем из домов. Давай резать свиней, готовить еду, сейчас начнётся пир.

Но злобный людоед-вуи тоже не дремал. Услышал он — бьют барабаны, пахнет печёной рыбой и свиным мясом, вылез из тёмного леса, идёт берегом. Один след оставляет больше другого — яма за ямой. Пришёл в деревню и тоже вместе с людьми к земляным печам сел. А люди печи уже открыли, достали из них еду. Самые вкусные куски — гостям. И вуи себя не забывает — обеими руками мясо гребёт. Решил он Квата и его братьев убить.

И вот когда все насытились, гостей уложили в подвесные гамаки, вуи из деревни ушёл и спрятался в ближних кустах.

Только в деревне все заснули, поднял вуи свою огромную каменную палицу и стал красться назад в деревню. Смотрит, а в гамаках никого нет — а это Кват, когда вуи ушёл, приказал братьям из гамаков вылезть и спрятаться в дупло большого дерева. Заскрипел зубами вуи — делать нечего, ушёл назад в лес.

Когда люди в деревне проснулись, продолжили пир, снова вуи пришёл.

— Где же вы спали? — спрашивает он братьев.

— Где нас положили в гамаки, там и спали,— отвечает Тангаро Умный.

А Тангаро Глупый говорит:

— Мы спали вон в том дупле.

Пир продолжается.

Снова наелись люди и снова стали укладываться спать. Гостей опять положили в гамаки.

«Ну, теперь вы меня не обманете!» — думает вуи.

Ушёл из деревни, спрятался, а когда в домах всё затихло, вернулся, видит — гамаки пустые, и давай палицей по дереву бить. Всё дупло расплющил, посмотрел, а там никого нет! Кват на этот раз своих братьев под кучу листьев положил спать.

Снова проснулись люди в деревне, снова пир продолжили, вуи приходит, видит — сидят Кват и его братья.

— Где же вы спали? — спрашивает.

— В дупле, — отвечает Тангаро Умный.

— Вон в тех листьях, — говорит Тангаро Глупый.

Понял Кват, что рано или поздно найдёт их вуи сонными. Посадил сосну-казуарину, быстро стала та расти и выросла выше всех деревьев на острове.

— Ждите нас, мы посмотрим, отчего это у вас не бывает ночи, — говорит Кват и полез вместе с братьями на дерево.

А вуи подождал немного, взял раковинный топор — и следом. Лезут Кват и его братья, слышат: позади сучья трещат — карабкается великан.

— Расти, моя казуарина! — говорит Кват.

Дерево давай снова расти, выросла верхушка высокая-превысокая, тонкая-претонкая. Только забрались на неё Кват с братьями, дерево согнулось и коснулось верхушкой земли. Спрыгнули Кват и одиннадцать его братьев, дерево распрямилось да как подбросит великана. Взлетел он вверх, ударился о небо, умер, вниз, в море, упал. Пока падал, превратился в камень. А раковинный топор его на десятки мелких камней разлетелся. Оттого в море восточнее острова Вануа-Леву много маленьких островов.

А Кват сходил к своей лодке, принёс мешок, в котором у него ночь была. Открыл его, и наступила темнота.

— Это вам ночь, чтобы лучше спать,— сказал он людям.

Но люди острова испугались: кругом черным-черно, не видно ни океана, ни леса, ни далёких гор, ни хижин в двух шагах, ни человека рядом с тобой.

— Сидите и ждите! — сказал Кват и выпустил из мешка петуха.

И когда время пришло, петух закричал: мол, наступила заря.

Взял Кват обсидиановый нож и разрезал ночь на востоке, у самого горизонта. Свет, который был покрыт темнотой, сначала пробился красной полосой, а потом засиял, стало видно солнце, и наступил день.

А Кват уже собирал лодку. Он узнал, что ещё дальше на восток есть острова, на которых нет ни людей, ни зверей, ни птиц, ни насекомых. Нагрузил Кват лодку вырезанными из дерева драчёны человеческими фигурками, фигурками свиней, кур, птиц, муравьёв, сел сам и братьев посадил. Оттолкнул лодку, и уплыли они на восток.

Кват ещё вернётся. На всех островах люди ждут его возвращения.

ПОЧЕМУ В СТРАНЕ МАОРИ ТАК МНОГО ГЕЙЗЕРОВ (НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ)

На острове Гаваики, посреди Великого Океана, жил рыбак по имени Купе. Однажды он вышел на своей маленькой лодке в море ловить быстрых рыб. Не успел забросить снасть, как кто-то дёрнул крючок, а когда Купе вытащил верёвку, то увидел, что крючок пуст: кто-то украл приманку. Раз за разом закидывал Купе снасть, и каждый раз кто-то невидимый срывал наживку. Наконец таинственный зверь ухватил крючок и потащил за собой лодку.

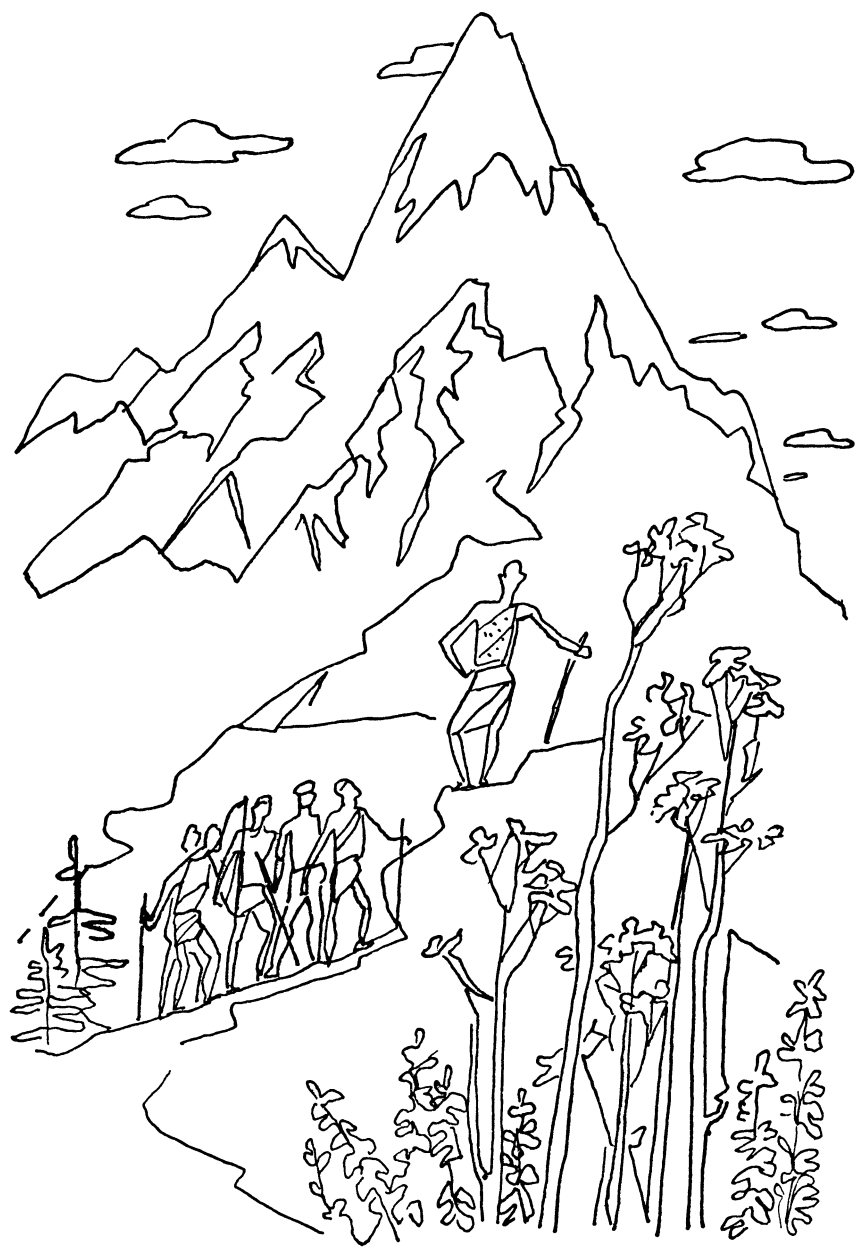
Он тащил её, постепенно всплывая. Вот наконец заволновалась вода, и на поверхности показалась розовая блестящая спина, огромные, как обкатанные прибоем валуны, глаза и десять вытянутых вперёд щупалец.

Кальмар! Огромный кальмар увлекал лодку Купе. Несколько дней и ночей тащил он её, пока на горизонте не встало белое длинное облако. Здесь кальмар отпустил крючок, а Купе, всмотревшись, понял, что это не облако, а большой остров. Он подплыл к нему и увидел на берегу огромные сосны, увидел, что между ними расхаживают бескрылые птицы высотой с дом, а по песку у самой воды бегают многочисленные ящерицы.

Купе повернул лодку назад и вернулся на Гаваики, а землю, про которую он рассказал, люди называли Ао-Теа-Роа — Длинное Белое Облако.

Шло время, но люди не забывали рассказ Купе. И вот наконец несколько племён решили уплыть на юг, чтобы поселиться на новой земле.

Нгаторо был великим вождём, он жил на Гаваики со своей сестрой Куиваи, но когда его племя стало собираться в путешествие, он простился с сестрой,

которую очень любил, сел в лодку и, приказав кормчему опустить в воду рулевое весло, отправился в путь.

Долго плыли лодки по океану, свирепые ветры, которые насылали на них злые демоны-понатүри, то и дело разъединяли их, немало лодок перевернулось, и людей пришлось брать на оставшиеся. Но наконец из-за горизонта поднялась земля, лёгкая и длинная, как белое облако.

— Ао-Теа-Роа! — сказали мудрецы, и Нгаторо, поднявшись во весь рост и посмотрев на облако, сказал:

— Ао-Теа-Роа!

Это был остров, который открыл когда-то рыбак Купе. Люди вышли на берег, построили дома, вскопали огороды и стали жить. Себя они стали называть ма́ори.

Нелегко пришлось людям Нгаторо на новой земле. С удивлением смотрели они, как зимой на вершины гор ложится белый нетающий дождь, как желтеют под порывами холодного южного ветра листья кустарника, как прячутся в холодные месяцы в норы ящерицы. Здесь люди научились ткать себе тёплую одежду и строить тёплые дома. Они охотились на огромных птиц м́оа, таких огромных, что каждая птица могла ударом ноги убить сразу двух мужчин. И ещё они научились выходить на лодках в океан и убивать отставших от стаи молодых или ослабевших китов.

Нгаторо был очень любознателен. Часто задумывался он, глядя на белые вершины гор: что это покрывает их? Почему белые пятна в холодные месяцы увеличиваются и опускаются до середины склонов, а летом уменьшаются, поднимаются вверх или исчезают совсем?

И он решил отправиться один на вершину самой большой горы, которую называли Тонгариро.

Вместе с отрядом воинов он долго шёл холмами, пока не достиг подножия горы.

— Оставайтесь здесь,— приказал он спутникам.— Дальше я пойду один. Не знаю, вернусь ли живым, но если вы хотите остаться невредимыми, запомните хорошенько: не прикасайтесь к пище до тех пор, пока я не вернусь к вам. Это придаст мне сил. Когда я вернусь, тогда мы устроим пир и воздадим хвалу богам, которые помогают настойчивым и верным, а я расскажу вам, что увидел на горé.

С этими словами он оставил спутников и пошёл один вверх по склону. Сперва он миновал зелёный лес, который рос у подножия и где громко распевали птицы, потом прошёл кусты, среди которых стрекотали цикады и ползали по веткам муравьи-попкорёуа, потом преодолел прохладные травянистые луга, в которых даже насекомые уже встречались редко, и наконец вступил в царство голых камней. Отвесные скалы вели его всё выше и выше, холод сковал руки и ноги, а на тропинке появились удивительные прозрачные куски твёрдой, как камень, воды. Далее он вступил на склон, покрытый холодным белым пухом, с удивлением зачерпнул его ладонью и ужаснулся, видя, что он тоже превратился в воду. Прозрачное облако от дыхания человека повисло в воздухе, ледяные пальцы мороза стиснули сердце вождя, но он упрямо лез всё выше и выше. Наконец, когда казалось, что последние силы уже оставляют его, скалы, между которых он карабкался, расступились и он оказался на вершине. Обессиленный вождь опустился на снег.

А в это время далеко внизу, в тёплой зелёной долине, спутники его томились в ожидании.

— Нгаторо, конечно, давно погиб,— рассуждали они.— Не ждать же вечно. А голод так терзает наши желудки. Давайте поедим!

И они разожгли костры, чтобы приготовить пищу. Но стоило им начать есть, как мороз вонзил ледяные когти в самое сердце Нгаторо. Чувствуя приближение смерти, он воззвал к далёкой сестре:

— О Куиваи! Меня уносит ледяной южный ветер.

Скорее на помощь! Пришли огонь, чтобы согреть меня.

И далеко на тропическом острове Гавайи сестра услышала призыв брата. Она тут же позвала на помощь духов огня, и те, погружившись в землю, понеслись к далёкому острову, где умирал Нгаторо. По пути они то и дело высовывали головы, чтобы посмотреть, правильно ли держат путь. И там, где они показывались, каждый раз вспучивалось дно океана и над волнами возникал остров с огнедышащей горой посередине. Домчавшись до Ао-Теа-Роа, духи стали выныривать то в одном озере, то в другом, и посреди озёр поднимались горячие фонтаны — гейзеры. Наконец они достигли Тонгариро, повернули вверх и с быстротой молнии помчались сквозь гору к самой вершине, где лежал полумёртвый Нгаторо. Подземный жар отогрел и оживил вождя, кровь снова заструилась по его жилам, сердце забилося, руки и ноги обрели силу. Он вскочил и отбежал от кратера, который образовался рядом с тем местом, где он лежал и где духи огня вырвались наружу. Внутри кратера уже клокотала огненная лава, и удушливый серный дым жёлтым столбом поднимался над горой. Так Тонгариро стал вулканом.

Что касается Нгаторо, то он благополучно спустился с горы, ни слова не сказал своим спутникам, которые потупились от стыда, и, став во главе маленького отряда, отправился назад в селение.

Так маори узнали, что такое снег, и вот почему на острове теперь так много горячих гейзеров.

От автора	3
---------------------	---

РАССКАЗЫ

Арий камень	7
Катя Северная	22
Девочка и дельфин	31
Пако	49
В гостях у крокодилов	65
Птичий человек из Мадраса	80
Моряк из Кералы	96
Чёрные люди маконде	104
Девочка из племени ньякьюза	114

СКАЗКИ

Женщина, которая жила в бутылке (<i>Англия</i>) . .	133
Ученик чародея (<i>Англия</i>)	139
Кибоко-Хуго бегемот (<i>Танзания</i>)	144
Три брата (<i>Восточная Африка</i>)	151
Почему у кита большой рот (<i>Восточная Африка</i>)	155
Умный брат (<i>Эфиопия</i>)	158
Бедняк и водяная женщина (<i>Южная Африка</i>) .	162
Далеко и близко (<i>Нигерия</i>)	165
Малелятовит и его собаки (<i>Аляска</i>)	168
Охотник и медведь-нанук (<i>Гренландия</i>)	172
Сказки о черепахе (<i>Куба</i>)	
Черепаха, кролик и удав-маха	176
Черепаха и банановое дерево	180
Олень и черепаха	182

Скупые муж и жена (<i>Центральная Индия</i>) . . .	185
Волшебное заклинание (<i>Южная Индия</i>)	191
Откуда у тигра на боках чёрные полосы (<i>Вьетнам</i>)	196
Юноша, злой богач и обезьяна (<i>Вьетнам</i>) . . .	200
Отчего бывают приливы (<i>Индонезия</i>)	203
Бедняк и фиолетовый змей (<i>Индонезия</i>)	207
Девочка-муравей (<i>Афганистан</i>)	212
Каппа — речной мальчик (<i>Япония</i>)	215
Борьба мышей (<i>Япония</i>).	219
Байами — добрый дух (<i>Австралия</i>)	
Начало жизни	223
Гуриала — Радужный змей	224
Сёстры Мёа-Мей	226
Сумка матери-кенгуру	228
Странствия Варруны	231
Дасны и духи гор	234
Кват и паучок Марава (<i>Океания, острова Банка</i>)	237
Кват и Квасавара, злой вуи (<i>Океания, острова</i> <i>Банкса</i>)	242
Почему в стране маори так много гейзеров (<i>Новая</i> <i>Зеландия</i>)	248

Литературно-художественное издание
ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Сахарнов Святослав Владимирович

АРИЙ КАМЕНЬ

Рассказы и сказки

Ответственный редактор *М. С. Ефимова*
Художественный редактор *М. А. Тюрина*
Технический редактор *В. К. Егорова*
Корректор *В. В. Борисова*

ИБ № 12513

Сдано в набор 24.09.90. Подписано к печати 10.06.91. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типограф. № 2. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,0. Усл. кр.-отт 17,5. Уч.-изд. л. 11,65. Тираж 100 000 экз. Заказ № 5367. Цена 3 р. 10 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Министерства печати и массовой информации РСФСР, 103720, Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени ИО «Детская книга» Мининформпечати РСФСР 127018
Москва, Суцевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Отзывы об этой книге просим
присылать по адресу:
125047, Москва,
1-я Тверская-Ямская, 43
Дом детской книги*

Сахарнов С. В.

С22   Арий камень: Рассказы и сказки/Худож. И. Сенькова.— М.: Дет. лит., 1991.— 254 с.: ил.

ISBN 5-08-002159-4

Автор этой книги в прошлом профессиональный моряк, а затем журналист и писатель. За свою жизнь он побывал в разных уголках земного шара, много путешествовал и по нашей стране. Обо всём, что он увидел, и написано в этой книге.